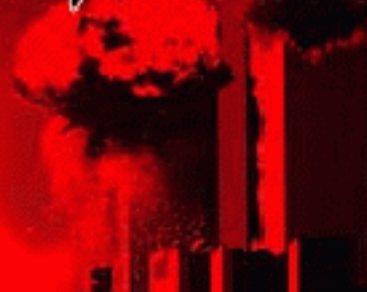

ОРИАНА
ФАЛЛАЧИ

ЯРОСТЬ

гордость

Ориана Фаллачи

Ярость и гордость

Ярость и гордость: Вагриус; 2004
ISBN 5-475-00016-6

Аннотация

Чудовищный акт терроризма, совершенный 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, заставил содрогнуться весь мир. Ориана Фаллачи, итальянская журналистка, уже много лет живущая в Америке и известная своими независимыми взглядами, в тот страшный день оказалась очевидцем трагедии. Потрясенная увиденным, Фаллачи взялась за перо, и на свет появился жесткий антиисламский памфлет – гневная, сверхэмоциональная, далеко не бесспорная и очень личностная книга «Ярость и гордость», которая вызвала невероятный резонанс. Изданная миллионными тиражами во многих странах мира по обе стороны Атлантики, книга Фаллачи везде вызывает бурную, неоднозначную реакцию. Отклики на «Ярость и гордость», как правило, диаметрально противоположны: от безудержной хвалы и поддержки – до гневных нападок и проклятий в адрес журналистки.

Содержание

От издательства
ПРЕДИСЛОВИЕ

4
7

Ориана Фаллачи

Ярость и гордость

Моим родителям, Эдоардо и Тоске Фаллачи, которые научили меня говорить правду, и моему дяде, Бруно Фаллачи, который научил меня, как писать о ней.

От издательства

Чудовищный акт терроризма, совершенный 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, заставил содрогнуться весь мир.

Ориана Фаллачи, итальянская журналистка, уже много лет живущая в Америке и известная своими независимыми взглядами, в тот страшный день оказалась очевидцем трагедии.

Потрясенная увиденным, Фаллачи взялась за перо, и на свет появился жесткий антиисламский памфлет – гневная, сверхэмоциональная, далеко не бесспорная и очень личностная книга «Ярость и гордость», которая вызвала невероятный резонанс. Изданная миллионными тиражами во многих странах мира по обе стороны Атлантики, книга Фаллачи везде вызывает бурную, неоднозначную реакцию. Отклики на «Ярость и

гордость», как правило, диаметрально противоположны: от безудержной хвалы и поддержки – до гневных нападок и проклятий в адрес журналистки.

Во Франции ультрарадикальная мусульманская ассоциация возбудила против Фаллачи судебный процесс, который журналистка, впрочем, выиграла. И по сей день не прекращаются угрозы в ее адрес, но мужества этой женщине не занимать. В годы Второй мировой войны она, тогда четырнадцатилетняя девушка, сражалась в рядах итальянского Сопротивления против фашизма. Затем, не раз рискуя жизнью, писала гневные репортажи из различных горячих точек планеты: Вьетнама, Ближнего Востока, Венгрии 1956 года, революционной Латинской Америки 1970-х годов, региона Персидского залива. Во время кровавых событий 1968 года в Мехико журналистка была тяжело ранена. Ее репортажи, аналитические статьи, интервью с известными политиками и общественными деятелями разных стран, среди которых были Голда Меир, Хомейни, Ясир Арафат, Али Бхутто, король Иордании Хусейн, Далай-лама и другие, непременно вызвали огромный интерес.

В книге «Ярость и гордость» Ориана Фаллачи с присущими ей бескомпромиссностью и бесстрашием гневно обличает терроризм, причем в выражениях, которые мало кто осмеливается высказывать публично. Она пишет о непримиримых, с ее точки зрения, проти-

воречиях между исламским и западным мирами, о всемирном феномене джихада и о «губительной беспечности Запада».

Впитавшая в себя европейскую и американскую культуру, защищая достижения западной цивилизации, Фаллачи проклинает все то, что она называет «слепотой, глухотой, конформизмом и бесстыдством политкорректного подхода».

С момента выхода «Ярость и гордость» уже не первый год держится в десятке мировых бестселлеров, активно обсуждается в СМИ, вызывая бурные споры, и сегодня, когда проблема борьбы с терроризмом во весь рост встала перед нашей страной и мировым сообществом, мы приняли решение издать эту далеко не бесспорную, полемичную книгу Орианы Фаллачи. Пусть мы не во всем согласны с автором, тем не менее считаем, что в свободной стране должны быть озвучены самые различные мнения, тем более когда терроризм стал всеобщей угрозой.

«Ярость и гордость» Орианы Фаллачи – один взгляд на проблему, безусловно, есть и другие, которые также заслуживают внимания. Именно поэтому настоящее издание – только повод к началу трудного разговора на волнующие весь мир темы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я выбрала молчание. Выбрала изгнание. Ибо в Америке, скажу это наконец громко и вслух, я живу жизнью политического беженца. Я живу в добровольном политическом изгнании. Я приняла это решение много лет назад, одновременно с отцом. Тогда мы оба осознали, что жить в Италии, где идеалы выброшены на помойку, стало слишком трудно, горько. Разочарованные, обиженные, оскорбленные, мы сожгли мосты, соединяющие нас с большинством наших соотечественников. Мой отец уединился на отдаленных холмах области Кьянти, там, куда политика, которой он, благородный и честный человек, посвятил всю жизнь, не доходила. Я скиталась по миру и наконец остановилась в Нью-Йорке, где меня от этих соотечественников отделял Атлантический океан. Такие параллели могут показаться странными, я понимаю. Но, когда самоизгнание поселяется в глубине раненой и обиженной души, географическое положение не имеет значения, поверь мне. Если любишь свою страну и страдаешь за нее, нет никакой разницы между жизнью писательницы в столице с десяти миллионным населением и жизнью наподобие древнеримского Цинцинната на отдаленной возвышенности в Кьянти с собаками, кошками

и курами. Одиночество везде одно и то же. Чувство поражения – тоже.

Кроме того, Нью-Йорк всегда был гаванью для политических беженцев и политических изгнанников. В 1850 году, после падения Римской республики, смерти жены Аниты и бегства из Италии, даже Джузеппе Гарибальди перебрался сюда, помнишь? Он приплыл 30 июля из Ливерпуля, первое, что он произнес, спускаясь по трапу, было: «Хочу просить американское гражданство». Первые два месяца он прожил в доме у торговца из Ливорно, Джузеппе Пастакальди, в Манхэттене: 26, Ирвинг-плейс. (Я очень хорошо знаю этот адрес, потому что там одиннадцать лет спустя моя прапрабабушка Анастасия, тоже бежавшая из Италии, нашла убежище). Затем, в октябре, он переехал на Стейтен-Айленд в дом Антонио Меуччи – талантливого флорентийца, который изобрел телефон, но, не имея денег на возобновление патента, видел, как его гениальная идея была присвоена парнем по имени Александр Белл... Здесь Гарибальди вместе с Меуччи открыл колбасную фабрику, но дела шли так плохо, фабрика в скором времени была перекалвалифицирована в свечной завод, а затем в таверну, где вечерами по субботам оба играли в карты («Таверна Вентура» на Фултон-стрит). Однажды Гарибальди оставил запись следующего содержания: «К черту колбасу, да здравствуют свечи! Боже, спаси Италию, если можешь». И подумать только, кто

жил здесь до Гарибальди! В 1833 году – Пьеро Марончелли, патриот, что в Шпиль-берге сидел в одной тюремной камере с Сильвио Пеллико, а тринадцать лет спустя умер в Нью-Йорке в нищете от ностальгии. В 1835гм – Федерико Конфалоньери, патриот, приговоренный к смерти австрийцами, но помилованный благодаря Терезе Казати, его жене, бросившейся в ноги австрийскому императору. В 1836-м – Феличе Форести, патриот, чей смертный приговор был изменен австрийцами на пожизненное, а затем четырнадцатилетнее заключение. В 1837-м – двенадцать ломбардцев, приговоренных к повешению, но помилованных австрийцами (явно более цивилизованными, чем Папа Римский и Бурбоны). В 1838-м – несгибаемый генерал Джузеппе Авеццана, которого заочно обвинили и приговорили к смерти за участие в первом пьемонтском конституционном движении...

Но это еще не все. После Гарибальди сюда приехали многие другие, помнишь? В 1858-м, к примеру, историк Винченцо Ботта, вскоре ставший почетным профессором Нью-йоркского университета. И в начале Гражданской войны, точнее – 28 мая 1861 года, прямо в Нью-Йорке наши Garibaldi Guards сформировали 39-й Нью-йоркский пехотный полк. Да, легендарные Garibaldi Guards – гвардейцы Гарибальди, вместе с американским флагом несшие итальянский флаг, с которым с 1848 года они боролись за свою страну и на

котором ими был начертан девиз «Vincere o Morire» – «Победить или умереть»; знаменитый 39-й Нью-йоркский пехотный полк, что неделю спустя в Вашингтоне участвовал в смотре, устроенном Линкольном, а в течение следующих лет отличился в кровавых сражениях: в первом Буллранском сражении, при Кросс-Кисе, в Геттисберге, Северной Анне, на Бристоу Стейшн, на реке По, при Майн-Ран, Спотсильвании, в Уилдернесе, Колд Харборе, долине Строберри, Питерсберге, у Глубокого ручья и дальше, вплоть до Аппоматтокса.

Если не веришь, посмотри на обелиск, что стоит на высотах Семетери-Ридж в Геттисберге, и прочти надписи, сделанные в память об итальянцах, убитых 2 июля 1863 года – в день, когда они отбили пушки, захваченные 5-м американским артиллерийским полком генерала Ли: «Умерли до полудня жизни. Кто скажет, что они умерли слишком рано? Вы, те, кто оплакивает их, перестаньте плакать! Такие смерти будут жить в веках».

Политических эмигрантов, кто нашел убежище в Нью-Йорке в годы фашизма, гораздо больше. И будучи маленькой девочкой, я знала многих из них, потому что, как и мой отец, они принадлежали к движению «Справедливость и Свобода»; которое основали Карло и Нелло Росселли, впоследствии убитые во Франции кагулярами – французскими наемниками Муссолини. В 1924 году – это Джироламо Валенти, начав-

ший выпускать в Нью-Йорке антифашистскую газету «Нью Уорлд». В 1925-м – Армандо Борджи, учредивший «Итало-американское Соппротивление». В 1926-м – Карло Треска и Артуро Джованнитти, создатели «Антифашистского альянса Северной Америки». В 1927-м – выдающийся Гаэтано Сальвемини, вскоре переехавший в Кембридж и преподававший историю в Гарвардском университете, он ездил по всем Штатам, будоража американцев своими лекциями, разоблачавшими Гитлера и Муссолини. (В моей гостиной в красивой серебряной рамке я храню одну из афиш этих выступлений. На ней написано: «Воскресенье, 7 мая, 1933, в 2 часа 30 минут Антифашистский митинг в отеле „Ирвинг Плаза“. „Ирвинг Плаза“, 15-я улица, Нью-Йорк. Профессор Г. Сальвемини, всемирно известный историк, выступит на тему „Гитлер и Муссолини“. Митинг будет проводиться под эгидой итальянской организации „Справедливость и Свобода“. Вход 25 центов»).

В 1931-м в США приехал Артуро Тосканини, его большой друг, которого избил палкой в Болонье отец будущего зятя Муссолини, Костанцо Чиано, за отказ исполнить во время концерта гимн чернорубашечников «Джовинецца» – «Юность, юность, весна красоты». В 1940 году здесь были Альберто Таркьяни, Альберто Чанка, Альдо Гароши, Макс Асколи, Никола Кьяромонте, Эмилио Луссу – интеллигенты-антифашисты, основатели «Общества Мадзини» и ежемесячного журнала

«Юнайтед Нейшнз»...

Словом, тут я в хорошей компании. Когда я скучаю по Италии (не по той больной Италии, о которой я говорила вначале), а скучаю я по ней все время, мне достаточно вызвать в памяти эти благородные образцы моего детства, выкурить с ними сигарету и попросить их об утешении. «Подайте мне руку, профессор Сальвемини. Подбодрите меня, профессор Чанка. Помогите мне забытья, профессор Гароши». Или вот еще что я делаю – вызываю героические духи Гарибальди, Марончелли, Конфалоньери, Форести, Авеццаны. Я, могу поклониться им, предложить стаканчик бренди, поставить для них пластинку с хором из «Набукко» в исполнении Нью-йоркского филармонического оркестра под управлением Артуро Тосканини. И когда я начинаю тосковать по Флоренции или по Тоскане (что случается даже еще чаще), мне надо только прыгнуть в самолет и улететь домой. Правда, тайком. Как поступил Джузеппе Мадзини, когда тайно покинул место своей ссылки – Лондон, чтобы посетить Турин и свою возлюбленную Джудитту Сидоли... Во Флоренции и Тоскане я живу на самом деле намного дольше, чем думают. Часто месяцами или целый год. Если об этом никто не знает, то только потому, что я поступаю, как Мадзини. А приезжаю я а-ля Мадзини потому, что мне омерзительно встречаться с поганцами, из-за которых мой отец умер в добровольной ссылке в Кьянти и из-за которых мне

грозит такой же конец.

Так вот, изгнание требует дисциплины и последовательности. Именно эти качества были мне привиты моими несравненными родителями: отцом, сильным, как Гай Муций Сцевола, матерью, похожей на Корнелию – мать Гракхов. Оба они расценивали суровость как противоядие от безответственности. И во имя дисциплины и во имя последовательности все эти годы я оставалась молчаливой, как старый, надменный волк. Волк, которого гложет желание вонзить свои клыки в глотку овцы, в шею кролика, но которому удается себя сдерживать. Но бывают в жизни моменты, когда молчание становится преступлением, а слово – долгом.

Гражданский долг, моральный вызов, категорический императив – мы не можем уклониться от них. Именно поэтому через восемнадцать дней после нью-йоркского апокалипсиса я нарушила молчание длинной статьей, которую опубликовала в самой главной итальянской газете, а затем в некоторых иностранных журналах. И теперь я прерываю (не нарушаю, а прерываю) мое изгнание этой маленькой книжкой, которая вдвое больше той статьи. В связи с этим я должна объяснить, почему она вдвое больше, как это произошло и вообще каким образом эта маленькая книга появилась на свет.

Она родилась внезапно. Она взорвалась, как бомба. Неожиданно, как та катастрофа 11 сентября, ко-

торая уничтожила тысячи людей и разрушила два самых красивых здания нашего времени – башни Центра международной торговли. Накануне апокалипсиса я была сосредоточена на другом – на книге, которую называю своим ребенком. Пухлый, требующий большой работы роман, от которого я не отрывалась вот уже много лет и оставляла лишь на несколько недель или месяцев, когда лежала в больнице либо сидела в архивах, подбирая материал для него же. Очень трудный, очень требовательный ребенок, беременность длилась большую часть моей сознательной жизни, роды начались из-за болезни, которая убьет меня, и чей первый плач люди услышат неизвестно когда. Возможно, когда я умру. (А что здесь такого? Посмертные публикации имеют одно безусловное преимущество. Они избавляют глаза и уши автора от глупостей или предательства тех, кто, не умея ни писать, ни даже зачать роман, претендует на право судить или оскорблять тех, кто зачинает или рождает его).

Итак, утром 11 сентября я была настолько увлечена своим ребенком, что, для того чтобы преодолеть душевную травму, сказала себе: «Я не должна думать о том, что произошло или что происходит, я должна заботиться о своем ребенке, и все. Иначе мне грозит выкидыш». Затем, стиснув зубы, я села за письменный стол. Я пыталась сосредоточиться на странице, написанной накануне, вновь перенестись к персонажам ро-

мана. К персонажам далекого мира, того времени, когда самолеты и небоскребы конечно же не существовали. Но тщетно. Запах смерти проник сквозь окна вместе с душераздирающими звуками полицейских и пожарных машин, «скорой помощи», вертолетов, военных реактивных самолетов, кружащих над городом. Телевизор (в смятении, я оставила его включенным) продолжал мерцать, на экране вспыхивали картинки, которые я старалась забыть... Неожиданно я вышла из дома. Искала такси, не нашла, пешком направилась к башням, которых больше не было, и...

Я не знала, что мне делать. Каким образом стать полезной, помочь кому-то. И как раз когда я бормотала: «Что мне делать? Что я могу?», по телевизору показали палестинцев, которые праздновали победу и аплодировали бойне. Они аплодировали, повторяя: «Победа! Победа!» Почти в это же время пришел приятель и рассказал мне, что в Европе, в том числе и в Италии, многие вторили им, насмехаясь: «Хорошо. Так американцам и надо». И точно солдат, выскакивающий из траншеи и бросающийся на противника, я кинулась к своей пишущей машинке и начала делать то единственное, что могу – писать. Нервные строчки. Беспорядочные записи – я делала их для себя. Мысли, воспоминания, ругательства, перелетающие из Америки в Европу. Или, я бы сказала, в Италию. Из Италии – в мусульманские страны. Из мусульманских стран – снова

в Америку. Идеи, годами заключенные в тюрьме моего сердца и моего мозга, потому что годами я говорила сама себе: «Зачем беспокоить людей? Ради чего? Люди глухи. Они не слушают, не хотят слушать...» Теперь эти идеи хлынули из меня, как водопад. Они упали на бумагу, как безутешный плач. Потому что, видишь ли, я не плачу слезами. Даже если физическая боль пронзает меня, даже если невыносимое горе терзает меня, слезы не льются из моих глаз. Это как некая невралгическая дисфункция или, скорее, увечье, которым я страдаю уже более полувека – с 25 сентября 1943 года. С той субботы, когда союзники в первый раз бомбили Флоренцию и наделали массу ошибок. Вместо того чтобы попасть в цель – поразить железную дорогу, которую немцы использовали для транспортировки оружия и войск, они бомбили соседний район, старинное кладбище на площади Донателло, Британское кладбище, то самое, где похоронена Элизабет Барретт Браунинг. Мы с отцом были возле церкви Пресвятой Аннунциаты, которая находится не дальше трехсот метров от площади Донателло. Посыпались бомбы. Мы спрятались в церкви. Что я могла знать об ужасе бомбежки? При каждом взрыве прочные стены Пресвятой Аннунциаты дрожали, как деревья под натиском бури, окна разбивались, пол трясся, алтарь раскачивался, священник кричал: «Иисус! Помоги нам!» Вдруг я заплакала. Про себя, сдержанно, разумеется. Ни стонов, ни

всхлипываний. Но отец тем не менее заметил это, и, чтобы помочь мне, успокоить меня, бедный отец поступил неправильно. Он дал мне жуткую пощечину и, что было ещё страшнее, посмотрел мне прямо в глаза, и сказал: «Ты не маленькая девочка, не смей плакать». Итак, с 25 сентября 1943 года я не плачу. Слава Богу, если хоть иногда мои глаза становятся влажными, а в горле перехватывает. Однако внутренне я плачу больше, чем те, кто проливает слезы. Часто, ох, часто слова, которые я пишу, это мои слезы. И то, что я написала после 11 сентября, по сути, было неудержимым плачем. По живым и мертвым. По тем, кто кажутся живыми, а на самом деле мертвы. Мертвы, потому что им не хватает пороку для того, чтобы измениться, стать людьми, заслуживающими уважения. Я также плачу о себе самой, той, которая на последнем этапе своей жизни вынуждена объяснять, почему в Америке я остаюсь политическим беженцем, а в Италию приезжаю тайком.

Я плакала так шесть дней, потом главный редактор самой главной итальянской газеты приехал в Нью-Йорк. Он приехал ко мне с просьбой нарушить молчание, хотя я его уже нарушила. Так я ему и сказала. И я показала ему нервные строки, беспорядочные записи, и он тут же загорелся, как будто увидел Грету Гарбо, которая, сбросив свои черные очки, показывает лихой стриптиз на сцене «Ла Скала». Казалось, он уже уви-

дел моих читателей, выстроившихся в очередь за газетой, то есть, пардон, толпящихся в партере, в ложах и на галерке театра. В крайнем возбуждении он упрасивал меня продолжать, соединить разрозненные отрывки как мне угодно, хотя бы звездочками, все это оформить как письмо на его имя и сразу же по окончании отослать написанное. Движимая гражданским долгом, моральным вызовом и категорическим императивом, я согласилась. Снова пренебрегая своим ребенком, теперь спящим под этими записями, я вернулась к пишущей машинке, где неудержимый плач стал не письмом, а пронзительным криком ярости и гордости. J'accuse. Обвинением или проповедью, адресованной европейцам, которые, бросая мне некоторое количество цветов и гораздо больше тухлых яиц, будут внимать мне из партера, лож и галерки его газеты. Я проработала ещё двенадцать дней или около того... Без остановок, без еды, без сна. Я не ощущала ни голода, ни желания спать. Вместо еды – кофе, вместо сна – сигареты. Не поддаваясь усталости, короче говоря. Но тут надо сказать вот что. Дело в том, что для меня писать – это очень серьезно, это не развлечение, не отдушина, не облегчение. Потому что я никогда не забываю: написанные слова могут сделать великое добро, но также и причинить великое зло, могут и исцелить, и убить. Изучая историю, ты видишь, что у каждого великого Добра или великого Зла есть свой напи-

санный текст. Книга, статья, манифест, стихотворение, песня. (Например, национальный гимн Италии, сочиненный поэтом Гоффридо Мамели, или «Марсельеза», или «Янки Дудл»... Библия, Коран, «Капитал» Маркса). Поэтому я никогда не пишу быстро, никогда не делаю набросков: я медленный писатель, я осторожный писатель. Я также взыскательный писатель: я не похожа на тех, кто восхищается всеми своими творениями, будто мочится амброзией. Вдобавок у меня немало маний. Я маньяк ритма (для фраз), мелодии (для страниц), звука (для слов): маньяк метрики. Не допускаю ассонансов, невольных рифм и повторов. Форма для меня важна так же, как и суть, содержание. Это сосуд, внутри которого содержание хранится, как вино в бокале, как мука в банке. Забота о симбиозе содержания и формы подчас замедляет мою работу.

Но на этот раз работа не замедлялась. Я писала, не заботясь об искоренении ассонансов, рифм и повторов, моя метрика, моя ритмика расцветали сами по себе, памятуя, что написанные слова способны исцелять и убивать. (Вот какова сила страсти). Однако, когда я остановилась и приготовилась отсылать текст, я поняла, что вместо статьи родила маленькую книгу. Чтобы уменьшить ее, дать газетный объем, я сократила ее наполовину. Например, я убрала кусок об уничтожении двух изваяний Будд в Бамиане. Убрала отрывок о «Кавалере Труда» Сильвио Берлускони, нынеш-

нем правителе Италии, и рассказ о том, как Зульфикара Али Бхутто заставили жениться еще до достижения тринадцати лет... Эти куски я положила в папку красного цвета и положила их спать вместе с моим ребенком. Метры, метры фраз, в которые я вложила душу. Но, невзирая на все сокращения, текст получился ужасно длинным. Главный редактор не находил себе места, пытаясь спасти положение. Две полосы, которые он отвел мне в газетном номере, превратились в три, в четыре, в четыре с четвертью. Таких объемов не печатали никогда ни в одной ежедневной газете мира. Он предложил напечатать материал в двух номерах. Я отказалась, потому что в этом случае материал не достиг бы желаемого эффекта. А желаемый эффект был – раскрыть глаза тем, кто не хочет видеть, прочистить уши тем, кто не хочет слышать, заставить думать тех, кто не хочет думать. Тогда я сократила статью еще больше. Я оставила самые жестокие абзацы. Упростила самые сложные. Без сожаления, признаюсь. Ведь метры и метры фраз складывались в папку красного цвета. Полный текст, маленькая книга.

В этом томе, после предисловия, публикуется целиком та самая маленькая книга. Целиком весь текст, написанный за те две-три недели, когда я не ела, не спала, держалась на кофе, гнала сон сигаретами и слова водопадом лились на бумагу. Исправлений почти нет. (Например, я устранила ошибку там, где указывается

сумма увольнительного пособия в 15 670 лир, которое я получила от итальянской армии, когда мне было четырнадцать лет, в газете было приведено – 14 540 лир). Зато дополнения многочисленны и почти всегда касаются национал-фашизма, идеи которого повсеместно выражают исламские фундаменталисты... В отвратительной и безграмотной книжонке «Ислам наказывает Ориану Фаллачи», теперь распространяемой во всех мусульманских общинах в Италии, например, так называемый президент Итальянской исламской партии (кстати, лицо весьма известное антитеррористической итальянской полиции) яростно оскорблял моего покойного отца и призывал своих единоверцев убить меня во имя Аллаха. «Иди и умри с Фаллачи!»

В Европе вызвал большое возмущение скандальный судебный процесс против меня, попирающий основной принцип каждого демократического общества – принцип свободы мысли. В ходе этого процесса одна ультралевая парижская мусульманская ассоциация пыталась заставить меня замолчать и требовала, чтобы французский суд постановил или конфисковать книгу)' «Ярость и гордость», или наклеить на каждый экземпляр этой книги этикетку, как на пачку сигарет: «Внимание! Содержание этой книги опасно для вашего здоровья». Французский суд отклонил иск. Я выиграла, но ассоциация собирается вновь подать в суд, и подобное происходит в других европейских стра-

нах. Я потребовала возбудить дело против автора от-
вратительной безграмотной книжонки «Ислам наказыва-
ет Ориану Фаллачи» за клевету и подстрекательство
к убийству. Антитеррористическая полиция взяла это-
го автора под контроль. Но его собратья угрожают мне
каждый день, и моя жизнь находится в серьезной опас-
ности.

Я не знаю, вырастет ли эта маленькая книга еще
больше и принесет ли она мне еще больше неприят-
ностей, чем принесла на сегодняшний день. Но точ-
но знаю, что, публикуя ее, я чувствую себя в роли
Сальвемини, который 7 мая 1933 года выступал на Ир-
винг-плейс с обличением Гитлера и Муссолини. Саль-
вемини отчаянно взывал к публике, которая тогда его
не понимала. Этой публике было суждено понять его
позднее, 7 декабря 1941 года, когда японцы, объеди-
нившиеся с Гитлером и Муссолини, разбомбили Перл-
Харбор. Сальвемини предупреждал: «Если вы остане-
тесь равнодушными и не подадите нам руку помощи,
рано или поздно они нападут и на вас!»

Однако есть разница между моей маленькой книгой
и речью Сальвемини в 1933 году. О Гитлере и Муссо-
лини в то время американцы не знали того, что мы,
европейцы, знали и от чего страдали. Я имею в виду
национал-фашизм. Они, следовательно, могли позво-
лить себе роскошь не верить тому, о чем политические
беженцы кричали в отчаянии, предупреждая о возмож-

ных несчастьях, в том числе о несчастьях для Америки.

Об исламских фундаменталистах, напротив, мы, европейцы, знаем все. Меньше чем через два месяца после нью-йоркского апокалипсиса Усама бен Ладен сам подтвердил, что я была права, когда кричала: «Вы не понимаете, вы не хотите понять, что свой обратный крестовый поход, войну во имя религии они называют священной войной, джихадом. Вы не понимаете, вы не хотите понять, что для них Запад – это мир, который исламу следует завоевать и поработить». Усама доказал это в видеосъемке, где угрожал даже ООН и назвал ее генерального секретаря Кофи Аннана преступником. В этой видеосъемке он угрожал французам, итальянцам, англичанам. В том же духе, как угрожали Гитлер и Муссолини, хотя не столь истеричным голосом и не с балкона Палаццо Венеция и не с Александрплац. «По существу, это религиозная война, и те, кто отрицает это, лгут, – сказал он. – Все арабы и мусульмане должны стать в строй и сражаться; те, кто не встает в строй, не чтят Аллаха. Арабские и мусульманские лидеры, заседающие в ООН и поддерживающие ее политику, – неверные, они не чтят послание Пророка, – сказал он. И еще: – Те, кто отстаивает законность международных институтов, отрицают подлинную законность, законность, идущую от Корана. – И в заключение: – Подавляющее большинство мусульман были

счастливы, когда атаковали башни-близнецы. Проведенные нами опросы общественного мнения подтвердили это».

Да и была ли нужда в этом подтверждении? От Афганистана до Судана, от Палестины до Пакистана, от Малайзии до Ирана, от Египта до Ирака, от Алжира до Сенегала, от Сирии до Кении, от Ливии до Республики Чад, от Ливана до Марокко, от Индонезии до Йемена, от Саудовской Аравии до Сомали ненависть к Западу раздувается, как раздувается от сильного ветра погасший костер. Последователи исламских фундаменталистов размножаются, точно простейшие одноклеточные организмы: одна клетка делится на две клетки, потом на четыре, затем на восемь, на шестнадцать, тридцать две и так до бесконечности. Те, кто не осознает этого, пусть всмотрятся в зрелища, которые показывают по ТВ каждый день. Толпы заполняют улицы Исламабада, площади Найроби, мечети Тегерана. Ожесточенные лица, грозные кулаки. В кострах горят американские флаги и фотографии Буша. Кто не верит в это, пусть вслушается, как эти толпы взывают к Милосердному-и-Гневному Богу. Их пронзительные крики: «Аллах акбар! Джихад! Джихад!» Экстремистские крайности?! Фанатичное меньшинство?! Их многие миллионы, этих экстремистов. Многие миллионы фанатиков. Многие миллионы, для которых мертвый или живой Усама бен Ладен – это легенда, подобно Хо-

мейни. Многие миллионы, избравшие бен Ладена после смерти Хомейни своим новым лидером, своим новым героем. Недавно я видела этих людей на площади Найроби, города, о котором редко говорят. Толпа была теснее, чем бывают толпы в секторе Газа или в Исламабаде или в Джакарте. Телерепортер брал интервью у какого-то старика. Он спросил его: «Кто для вас Усама Бен Ладен?» «Герой, наш герой!» – восторженно ответил старик. «А что случится, если он умрет?» «Мы найдем другого», – ответил старик так же радостно. Другими словами, тот, кто ведет их, бен Ладен, – это верхушка айсберга. Это макушка горы, уходящей основанием в бездну. Главный герой этой войны не Усама бен Ладен. И даже не та страна, которая приютила его, и не та, которая его породила.

Не Саудовская Аравия и не поддерживающие его Ирак, Иран, Сирия или Палестина.

Главный герой этой войны – гора. Та гора, что за 1400 лет не двинулась, не стронулась из пропасти своей слепоты, не открыла своих дверей перед завоеваниями цивилизации, знать ничего не желала о свободе, демократии и прогрессе. Короче говоря, неподвижная гора. Та гора, которая, несмотря на постыдное Богатство своих реакционных хозяев (королей, принцев, шейхов и банкиров), и по сей день прозябает в скандальной нищете, ведет вегетативное существование в чудовищной темноте религии, не производящей ни-

Чего, кроме религии. Та гора, что тонет в безграмотности (не забывайте, что почти в каждой мусульманской стране количество безграмотных превышает 60 процентов). Та гора, где единственным источником информации являются комиксы, которые рисуют продажные художники по заказу диктаторов-имамов. Та гора, которая тайно завидует нам, завидует нашему образу жизни и возлагает на нас ответственность за свою материальную и интеллектуальную бедность. Ошибаются те, кто думает, что священная война закончилась в 2001 году падением талибского режима в Афганистане. Ошибаются те, кто радуется при виде женщин Кабула, которые не должны больше носить паранджу и могут ходить в школу, к врачу, к парикмахеру. Ошибаются те, кто испытывает облегчение при виде мужчин Кабула, сбросивших бороды, подобно тому, как итальянцы снимали с себя фашистские значки после падения Муссолини...

Они ошибаются. Бороды отрастут, и паранджи будут надеты снова. В последние двадцать лет в Афганистане постоянно чередуются сбритые и отросшие бороды, снятые и надетые паранджи. Они ошибаются: нынешние победители, лучше сказать – так называемые победители молятся Аллаху столь же усердно, сколь и побежденные. Ведь они отличаются от побежденных только длиной бороды. Фактически афганские женщины боятся их так же, как и их предшественников, и тер-

пят те же унижения, ту же несправедливость, что и при талибах. (Не забывайте, в тринадцать лет девочка не может больше мечтать о школе, о прогулках, о том, чтобы посидеть под деревом). Прежние победители воюют, как обычно, друг с другом, создают, как обычно, хаос и анархию. Среди девятнадцати камикадзе Нью-Йорка и Вашингтона не было ни одного афганца. У камикадзе есть другие места, где они могут тренироваться, другие пещеры, где они могут спрятаться. Посмотрите на карту, и вы увидите, что к югу от границы Афганистана находится Пакистан, а на севере лежат мусульманская Чечня, Узбекистан, Казахстан и т. д. К западу от Афганистана – Иран. Возле Ирана – Ирак, Сирия. Сразу за Сирией – почти полностью мусульманский Ливан. После Ливана – мусульманская Иордания. После Иордании – ультра-мусульманская Саудовская Аравия. А за Красным морем – африканский континент с его мусульманскими Египтом, Ливией, Сомали, Нигером, Нигерией, Сенегалом, Мавританией и т. д. Население этих стран рукоплещет священной войне.

Ошибаются те, кто не замечает, наконец, что конфликт между нами и ими – не только военный. О, нет. Это религиозный и культурный конфликт. И наши военные победы не остановят продвижения исламского терроризма. Наоборот, они его обострят, усилят. Худшее впереди!

Вот горькая правда. Правда не обязательно нахо-

дится посередине. Иногда правда лишь на одной стороне. В своем выступлении на Ирвинг-плейс Сальвемини тоже пытался убедить слушателей в этом. Он пытался убедить, что правда лишь на одной стороне, но никто не захотел ему верить.

При всех сходствах есть, однако, коренное различие между этой маленькой книгой и речью Сальвемини на Ирвинг-плейс. Американцы 7 мая 1933 года слышали и не расслышали вопль души Сальвемини; но в Америке, в их собственной стране, не было гитлеровских эсэсовцев или муссолиниевских чернорубашечников. Американцев отделяли от нашего мира, увеличивали их недоверие к нам полный океан воды и цельная стена изоляционизма. А сейчас, наоборот, у всех у нас, американцев и европейцев, есть на собственной земле эсэсовцы и чернорубашечники бен Ладена. На нашей земле эти бенладеновские эсэсовцы и чернорубашечники живут без страха, спокойно. В Америке – благодаря непоколебимому уважению к каждой религии: веротерпимость – это один из американских основополагающих принципов. В Европе – благодаря цинизму или оппортунизму, или фальшивому либерализму любителей политкорректности, которые вечно передергивают факты и отрицают очевидное. («Бедные-несчастные, посмотрите, как их жалко, когда они прибывают сюда со своими надеждами»). Бедные-несчастные?! По всей Европе полно мечетей, и дело не

в непоколебимом уважении к каждой религии, как это обстоит в Америке. В Европе, под прикрытием поднявшего голову ханжества, отринута секуляризация, и везде процветают мечети, и мечети эти в прямом смысле слова кишат террористами или кандидатами в террористы. Не случайно, что после нью-йоркского апокалипсиса некоторые из них были арестованы. Было найдено кое-какое вооружение «милосердного и гневного Бога». В Италии, например, многие ячейки «Аль-Каиды» были раскрыты. И теперь мы знаем, что уже в 1989 году ФБР упоминало о «цепочке» итальянских активистов, что уже в 1989 году миланская мечеть была названа логовом террористов. Мы знаем, что в том же году один миланский алжирец по имени Ахмед Рессан был пойман в Сиэтле с шестьюдесятью килограммами химикатов, используемых при изготовлении взрывчатки. В 1990 году двое других «миланцев» по имени Атмани Сайф и Фатех Камель были замешаны в диверсии в парижском метро. Кстати, из Милана эти святоши часто наезжали в Канаду. (Характерно: двое из девятнадцати камикадзе 11 сентября приехали в Соединенные Штаты из Канады...) Мы также знаем, что Милан и Турин всегда были центром по «отмывке» и вербовке «бедных– несчастных», включая афганцев, боснийцев и курдов. (Эта последняя деталь добавляет пикантности скандалу с Оджаланом, курдским супертеррористом, который был привезен в Италию

депутатом-коммунистом и которого левое правительство поселило на элегантной вилле близ Рима). Мы также знаем, что эпицентрами «бедных-несчастных» всегда были Милан, Турин, Генуя, Рим, Неаполь, Болонья. Что города Кремона, Реджо-нель-Эмилия, Модена, Флоренция, Перуджа, Триест, Равенна, Мессина всегда имели «оперативные сети», «базы логистики», «ячейки по торговле оружием». Это – филиалы «Итальянской структуры единой международной стратегии». Мы также знаем, что Франция, Англия, Германия, Голландия, Бельгия, Испания и в большей степени Италия всегда расценивались ими как «Дар аль Хаб», территория войны. Это территория, где мусульмане, отказывающиеся братья за оружие во имя триумфа ислама, получают от других мусульман ярлык «предателей веры». Власти этих стран, когда приходится, признают, что многие из самых опасных террористов имеют паспорта или удостоверения личности, или виды на жительство, официально выданные чрезвычайно толерантными правительствами. По существу, то же самое случилось в Соединенных Штатах Америки, куда некоторые камикадзе 11 сентября были допущены иммиграционной службой, хотя о них знали ФБР и ЦРУ. И где в атмосфере почитания прав всех граждан (Civil Rights) нельзя даже намеком выразить свои подозрения в адрес кого-то с арабскими чертами лица, чтобы не получить немедленного обвинения в нетер-

пимости, предрассудках, расизме...

Нам также известно, где на сегодняшний момент они готовят свои заговоры. И места их встреч не те особняки или дворцы, где, рискуя быть повешенными, наши предки в 1800-х годах объединяли усилия, чтобы освободить Италию от завоевателей. Места встреч этих новых заговорщиков – прежде всего мясные лавки. Этих исламских мясных лавок полным-полно в каждом нашем городе, потому что «бедным-несчастливым» годится в еду только мясо животных, которых убили, перерезав им горло, выпустив кровь, а затем содрав мясо с костей. Еще это арабские грили и арабские кафе, арабские публичные дома и арабские бани, арабские магазины и, конечно же мечети. Что касается мечетей: после нью-йоркского апокалипсиса многие духовные лидеры сбросили с себя маски. И это очень длинный список. В него входит марокканский мясник, которого итальянские журналисты почтительно называют религиозным лидером исламской общины Пьемонта. Это благочестивый живодер, который в 1989 году приехал в Турин по туристической визе, а затем меньше чем за десятилетие открыл пять мясных лавок плюс пять мечетей, превратив, таким образом, изысканный город Кавура в вонючую казбу (грязный, бедный квартал). Боголюбивый кровопускатель теперь поднимает, словно знамя, портрет Усамы Бен Ладена и объявляет: «Как говорится в Коране, наша священная война –

правильная и оправданная война. Все братья Турина хотят в ней участвовать». (Скажите, дорогие министры внутренних и иностранных дел, почему вы не отошлете его обратно в Марокко или не посадите в тюрьму?) В тот же список входит и председатель исламской общины Генуи – речь о еще одном знаменитом городе, превращенном в казбу. А также имамы Неаполя, Рима, Болоньи. Хорошенькое выражение «Имам Болоньи», дожили. Этот имам изрекает: «Башни Нью-Йорка были разрушены американцами, которые использовали бен Ладена как прикрытие. Если это были не американцы, то – израильяне. В любом случае Бен Ладен невиновен. Опасность – не в бен Ладене, а в Америке». И не будем забывать, что за сутки до нью-йоркского апокалипсиса в мечети Болоньи некоторые верующие распространяли листовки, прославляющие терроризм, да ещё и предвещающие «исключительное событие». Эх! Почти что всегда внуки коммунистов, тех, кто отрицал или одобрял преступления Сталина, покровители наших гостей, заверяют, что в исламской иерархии имам – незначительный персонаж: мелкое духовное лицо, его функция – проводить молитвы по пятницам, безобидный священник, не имеющий никакой власти. Бред! Имам – головная фигура, он ведет за собой всю общину и полновластно ею управляет. Боголюбивый ли это живорез, добродетельный ли кровопускатель или же нет, так или иначе, он священник высокого

ранга, он манипулирует и безгранично влияет на умы и поступки своих последователей. Это лидер агитпропа, во время молитвы по пятницам он распространяет политические послания. Все так называемые исламские революции идут от имамов, из мечетей, включая и так называемую иранскую революцию. Не из университетов, в чем вышеупомянутые внуки коммунистов хотят нас уверить. За каждым исламским террористом стоит имам, и Хомейни был имамом. Главные лидеры Ирана были и есть имамы, хочу тебе напомнить. И я утверждаю, что многие имамы (слишком многие) являются духовными проводниками терроризма. То есть, в сущности, сами они террористы.

Что касается Перл-Харбора, который навис над нами. Нет никакого сомнения в том, что химическая и биологическая война входит в стратегию этих эсэсовцев и чернорубашечников, размахивающих Кораном. В одном из своих выступлений по видео бен Ладен лично пообещал прибегнуть к этим методам... (Мы знаем, что Саддам Хусейн всегда был склонен к этим видам убийства. Мы знаем, что у Саддама выращиваются бактерии, которые распространят по миру бубонную чуму или сифилис, или проказу, или тиф, или сибирскую язву, или ещё что-то в этом роде. Наряду с этим он разрабатывает ядерное оружие и производит сумасшедшее количество нервно-паралитических газов.) Мы знаем, что до сегодняшнего дня все эти угрозы еще не выпол-

нены. Поэтому защитники наших врагов так любят болтать вздор о том, что моя ярость несправедлива, преувеличена, основана на заблуждении.

Но Перл-Харбор, о котором я говорю, не имеет ничего общего с описанными угрозами. Я говорю об угрозе, которую представители ФБР описывают словами: «Вопрос не в том, случится ли это, вопрос лишь в том, когда это случится». Об угрозе, которой я боюсь больше, чем бубонной чумы, больше, чем проказы, больше, чем нервно-паралитического газа и даже ядерного оружия. Угроза, которая ударит сильнее по Европе, чем по Америке. Я говорю о том, что угрожает нашим памятникам, нашим шедеврам искусства, нашим историческим ценностям. Угрожает самой сущности западной культуры.

Говоря, что вопрос не в том, случится ли, что вопрос в том, когда случится, представители ФБР беспокоятся конечно же о своих ценностях. О статуе Свободы, о мемориале Джефферсона, о памятнике Джорджу Вашингтону, о колоколе Свободы в Филадельфии, о мосте «Золотые ворота» в Сан-Франциско, о Бруклинском мосте в Нью-Йорке и т. д. И они правы. Я боюсь за них тоже. Я боюсь за них как же, как боялась бы за Биг Бен или Вестминстерское аббатство, будь я англичанкой. За Нотр-Дам и Лувр, и Эйфелеву башню, будь я французенкой. Но я итальянка. Следовательно, я еще больше боюсь за Сикстинскую капеллу, за собор Св.

Петра, за Колизей. За Площадь Святого Марка и музеи, и дворцы на Большом Канале в Венеции. За Миланский собор, Атлантический Кодекс и «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи в Милане...

Я из Тосканы. Следовательно, я еще сильнее боюсь за Пизанскую башню и пизанскую Площадь Чудес, за Сиенский собор и сиенскую площадь дель Кампо, за сохранившиеся башни Сан Джиминьяно... Я флорентийка. Следовательно, я ещё больше боюсь за собор Санта Мария дель Фьоре, за Баптистерий, колокольню Джотто, палаццо Питти, галерею Уффици, Понте Веккио. Кстати, это единственный оставшийся древний мост, потому что все другие были взорваны в 1944 году Гитлером – образцом для подражания бен Ладену. Я также боюсь за флорентийскую библиотеку Лавуренциана с ее восхитительными миниатюрами, с ее бесподобным Кодексом Вергилия. Я также боюсь за флорентийскую Академическую галерею, где хранится Давид работы Микельанджело. (Скандално обнаженный, Бог ты мой, а значит, особо осуждаемый Кораном). И если «бедные-несчастные» разрушат хотя бы одно из этих сокровищ, всего лишь одно, клянусь, я сама стану святым воином. Я сама стану убийцей. Так что послушайте меня, вы, последователи Бога, который проповедует око-за-око, зуб-за-зуб! Я родилась во время войны. Я выросла на войне. О войне я знаю многое, поверьте мне – у меня больше мозгов, чем у

ваших камикадзе, у которых хватает мужества умереть лишь тогда, когда смерть означает убийство тысяч людей. Включая младенцев. Вы хотели войну, вы хотите войну? Хорошо. Что до меня, войну вы получите и война будет. До последней капли крови. Dulcis in fundo. А теперь с легкой улыбкой. Само собой разумеется, что, так же как и смех, улыбка порой означает прямо противоположное. (В юности я узнала, что, когда фашисты пытали моего отца, требуя выдать, где он спрятал оружие, сброшенное на парашютах американцами для нашего движения Сопротивления, мой отец смеялся. У меня оледенела кровь, когда я услышала об этом. Однажды я не выдержала: «Отец! Это правда, что когда-то ты смеялся под пытками?» Отец нахмурился и хрипло пробормотал: «Дорогой мой ребенок, в некоторых ситуациях смех – это то же, что и слезы. Сама узнаешь... Когда-нибудь ты сама узнаешь...»)

Так вот, когда публикация этой книги была анонсирована, Говард Готлиб, профессор Бостонского университета (университет десятилетиями собирает и хранит мои работы), позвонил мне и спросил: «Как нам следует обозначить жанр „Ярости и гордости“?» – «Не знаю», – ответила я. Я добавила, что моя книга не является романом или репортажем, или эссе, или мемуарами, или, по моему мнению, даже памфлетом. Потом я поразмыслила. Я перезвонила ему и сказала: «Напишите, что проповедь».

Правильное определение. Я уверена, потому что на самом деле моя книга и есть проповедь. Она зачиналась как письмо главному редактору основной итальянской газеты в ответ на его вопрос о войне, объявленной Западу сынами Аллаха. Но пока я писала письмо, оно превратилось в проповедь.

После публикации ее в Италии профессор Готлиб снова позвонил мне и спросил: «Как итальянцы восприняли ее?» – «Не знаю», – ответила я, прибавив, что эффективность проповеди определяется по результатам. Эффективность не определяется аплодисментами или свистом. Следовательно, прежде чем я смогу оценить эту эффективность, пройдет много времени. Много. «Нельзя претендовать на то, что мои ярость и гордость вдруг разбудят спящих, профессор Готлиб. На самом деле я даже не знаю, проснутся ли они вообще когда-нибудь».

И я действительно не знаю. В то же время мне известно, что, когда моя статья об 11 сентября была опубликована, было продано больше миллиона экземпляров газеты. Наблюдались трогательные случаи. В Риме, например, один читатель выкупил все тридцать шесть имеющихся в газетном киоске экземпляров и раздавал их прохожим. В Милане одна женщина сделала множество ксерокопий с газетного текста и бесплатно раздавала их всем, кто пожелает. Тысячи итальянцев в письмах благодарили меня, коммутатор те-

лефона издательства и линия Интернета были перегружены в течение многих часов, только меньшинство читателей со мной не согласилось. К сожалению, эта пропорция не видна по подборке писем, опубликованных под общим заголовком «Италия раскололась надвое из-за Орианы»! Я позвонила редактору, сделавшему эту подборку, и кричала на него, что поскольку подсчеты – это не точка зрения, а объективная реальность, то если только голоса тех, кто против меня, не весят каждый в десять раз больше, нежели голоса тех, кто за меня, нельзя говорить ни о каком «надвое». Разделилась, да не пополам, кричала я, и вдобавок вовсе не из-за Орианы. Италия разделена по меньшей мере со времен гвельфов и гибеллинов со средневековья, и никогда эта привычка не менялась. Да что тут говорить, если даже гарибальдийцы, прибывшие в Америку сражаться в Гражданской войне, сразу же разделились на две части. Только половина из них направилась в Нью-Йорк и вступила в армию северян, то есть в тот самый 39-й Нью-йоркский пехотный полк. Другая половина решила вступить в армию Конфедерации и доехала до Нового Орлеана, где сформировались «Гвардейцы Гарибальди» 6-го Луизианского итальянского батальона народного ополчения. Батальона, который в 1862 году влился в 6-й пехотный полк европейской бригады. Они тоже шли в бой под трехцветным флагом с девизом «Vincere o morire – Победить или

умереть». Они также отличились в битвах Гражданской войны: в первом Булл-ранском сражении, при Кросс-Кисе, в Геттисберге, Северной Анне, на Бристоу Стейшн, на реке По, при Майн-Ран, Спотсильвании, в Уилдернесе, Колд Харборе, долине Строберри, Питерсберге, у Глубокого ручья и дальше, вплоть до Аппоматтокса.

А знаешь, что произошло 2 июля 1863 года в битве при Геттисберге, где полегло пятьдесят четыре тысячи солдат Севера и Юга? Триста шестьдесят пять гарибальдийцев-гвардейцев 39-го полка под командованием генерала У.С. Хенкока оказались перед тремястами шестьюдесятью гарибальдийцами-гвардейцами генерала Дж. Эрли. Первые в голубых, вторые – в серых мундирах. Те и другие под трехцветным флагом Италии – под тем самым флагом, под которым они вместе сражались за ее объединение. Флаги с девизом «Vincere o morire – Победить или умереть». Они кричали: «Гады южане», а другие: «Гады северяне». В яростной рукопашной битве за высоты, названные Кладбищенским холмом, среди гарибальдийцев 39-го Нью-йоркского полка погибло девяносто девять человек. Шестьдесят – среди гарибальдийцев европейской бригады 6-го пехотного полка. На следующий день в последнем бою в той долине погибло еще и вдвое больше.

Мне известно, что среди меньшинства читателей, не

согласных со мной, были такие, кто, очевидно, хотел насладиться на меня порчу; они писали: «Фаллачи так расхрабрилась, поскольку очень больна и стоит одной ногой в могиле». На эту злобу я отвечаю: нет, господа, нет. Я не расхрабрилась. Я всегда была храброй. В мире и на войне, лицом к лицу с гвельфами и с гибеллинами. С так называемыми правыми и так называемыми левыми. Я каждый раз платила очень высокую цену, я не боялась ни физических и моральных угроз, ни преследований, ни клеветы. Перечитайте мои книги, убедитесь сами. Насчет ноги в могиле – типун вам на язык, и позвольте пожелать вам того же. Допустим, я не Богатырского здоровья, согласна, но такие умирающие, как я, как правило, хоронят здоровых и крепких. Не забывайте, что однажды я выбралась живой из морга, куда меня швырнули, посчитав мертвой.

Наконец, мне известно, что после моей статьи та омерзительная Италия, Италия, из-за которой я живу в ссылке, подняла шум в защиту сыновей Аллаха. В связи с этим главный редактор, тот, кто совсем недавно был в полном восторге, стал совсем вне себя от страха. Он спрятался за спину моих клеветников. Ситуация, которая могла бы стать прекрасной возможностью защитить нашу культуру, превратилась в грязную ярмарку, жалкую ярмарку тщеславия. Ситуация превратилась в комический хор: «И я, и я, и я тоже». Подобно теням из прошлого, которое никогда не умирает, те,

кого я часто называю «стрекозами», развели большой костер, чтобы сжечь еретичку, и давай вопить: «В огонь ее, в огонь! Аллах акбар, Аллах акбар!» И давай обвинять, осуждать, оскорблять... Каждый день – нападки или клевета. Они напоминали суд над салемскими ведьмами. «Повесьте ведьму, повесьте ведьму». Дошло до того, что они коверкали мое имя, издевались над моим именем: в своих статьях они дали мне прозвище Оргиена. Мне говорили об этом те, кто взял на себя труд прочесть их. Я же – нет. Во-первых, потому что знала, о чем в них говорится, и любопытства не испытывала. Во-вторых, потому что в конце моей статьи я предупреждала, что не буду участвовать в пустых дискуссиях и в бесполезной полемике. В-третьих, потому что «стрекозы» неизменно являются людьми без идей и без качеств. Это наглые пиявки, постоянно пристраивающиеся в тени тех, кто на свету. Это посланники пустоты. Их журналистика скучна.

Старшим братом моего отца был Бруно Фаллачи. Великий журналист. Он ненавидел журналистов. Во времена моей работы в газетах он прощал меня только тогда, когда я рисковала жизнью на войне. Но он был великим журналистом. Он был и великим главным редактором и, перечисляя правила журналистики, громкогласно заявлял: «Главное правило – никогда не заставляй читателей скучать». «Стрекозы» же навевают на читателей скуку.

В-четвертых, потому что я веду очень суровую и интеллектуально Богатую жизнь. Я люблю учиться так же сильно, как и писать, я наслаждаюсь одиночеством или обществом образованных людей, и такой способ существования совершенно не оставляет места для посланников пустоты. Наконец, я всегда следую совету моих прославленных соотечественников. Вечный изгнанник Данте Алигьери сказал: «Они не стоят слов: взгляни – и пройди мимо». В сущности, я пошла дальше, чем он: проходя мимо, я на них даже не гляжу. Однако теперь я хотела бы развлечься отступлением. Я имею в виду некую «цикаду», заслуживающую особого внимания, чье имя, или пол, или личность мне неизвестны и которая приписала мне два крупных преступления: незнание «Тысячи и одной ночи» и непризнание того, что понятие нуля было введено арабами. Э нет, дорогой сэръ или мадам, или ни то ни се. Нет, наглая пиявка, посланец пустоты. Я люблю математику, и я достаточно хорошо знакома с понятием нуля и его происхождением. Подумайте о том, что в моем романе «Иншаллах» («Дай Бог!»), который, кстати, весь строится на основе формулы Больцмана, «энтропия вычисляется посредством постоянной Больцмана, помноженной на натуральный логарифм возможных статистических состояний вещества», я строю сюжет именно на понятии нуля, я строю на нем сцену, в которой сержант убивает Паспарту. Я делаю это, исполь-

зую дьявольски коварную задачу, которую в 1932 году преподаватели Нормальной школы в Пизе (так называется университет) предложили решить на экзамене своим студентам: «Объясните, почему единица больше нуля». Задача настолько дьявольски коварна, что может быть решена только «ab absurdo». Ну так вот: утверждая, что понятие нуля было введено арабами, вы можете сослаться только на арабского математика Мухаммеда ибн Мусу Аль-Хорезми, который около 810 года нашей эры ввел десятичную систему исчисления и прибег к тлю. Но вы ошибаетесь. Потому что Мухаммед ибн Муса Аль-Хорезми сам заявлял в своих трудах, что десятичной системой счисления мы обязаны не ему, нет. Он заимствовал ее у индийцев, в частности у известного индийского математика Брахмагупты. Брахмагупта – автор астрономического трактата «Усовершенствованное учение Брахмы», автор, живший в самом начале VII века, работавший над этими проблемами. Добавлю, что согласно мнению некоторых современных ученых Брахмагупта открыл понятие нуля позже, чем оно появилось у ученых майя. Говорят, что уже в V веке ученые майя обозначали дату рождения Вселенной нулевым годом, так же как и первый день каждого месяца – нулем. Когда в их подсчетах отсутствовало число, они заполняли пробел нулем. Кроме того, для обозначения нуля они не использовали странную точку, как греки. Майя рисовали маленького

Человечка с запрокинутой назад головой. Этот маленький человечек с запрокинутой головой является причиной множества сомнений и дискуссий. Так что примите к сведению, что девять историков математики из десяти признают открытие нуля за Брахмагуптой. А теперь, уважаемый сэръ или мадам, или ни то ни се, давайте поговорим о «Тысяче и одной ночи».

Господи, кто вам сказал, что мне неизвестно это великое творение?! Когда я была маленькой девочкой, я спала «в библиотеке». Это неподходящее название мои безденежные родители дали маленькой комнатке, буквально забитой книгами, купленными в рассрочку. На полке, повешенной над крохотной софой, которую я называла своей кроватью, стояла огромная книга, на обложке которой была изображена улыбающаяся женщина под покрывалом. Она улыбалась мне, и однажды я ответила улыбкой на улыбку, удовлетворяя свое любопытство, то есть взяла книгу и прочла первые страницы. Моя мама была против. Едва увидев «драгоценность» в моих руках, она выхватила ее так, как если бы это был словарь грехов, разврата. «Как тебе не стыдно, как тебе не совестно: это не для детей». Потом она все же передумала и разрешила: «Ладно, читай, читай эту книгу. Это все же добавит тебе знаний». Поэтому «Тысяча и одна ночь» стала сказкой моего детства, и с тех пор она постоянная часть моей библиотеки. «Тысяча и одна ночь» есть и в моей квартире во Флоренции,

и в моем загородном доме в Тоскане, и в Нью-Йорке, где у меня коллекция ее в разных изданиях. Последнее — на французском языке. Я купила эту книгу у Кеннета Глосса, антиквара и книжного торговца в Бостоне, у которого я часто бываю. Я купила эту книгу вместе с «Полным собранием сочинений мадам де Лафайет», напечатанным издательством «Д'Отей» в 1812 году, и полным собранием сочинений Мольера, вышедшим у Пьера Дидо в 1799 году. «Тысяча и одна ночь» у меня во французском издании Хиара, книготорговца и издателя «Библиотеки любителей изящной словесности», 1832 г. Я страстно, как сокровище, берегу эту книгу. И все же не стоит ставить эти милые сказки в один ряд с «Илиадой» и «Одиссеей», с «Диалогами» Платона, с «Энеидой» Вергилия, с «Исповедью» Св. Августина, с «Божественной комедией» Данте, с комедиями и трагедиями Шекспира, «Критикой чистого разума» Канта и т. д. Это было бы несерьезно.

Конец легкой улыбке. Переход к последнему вопросу. К вопросу, который меня крайне беспокоит, поскольку он касается достоинства, морали и чести.

Я живу на свои книги. На свои писательские заработки. На свои авторские гонорары: на проценты, которые автор получает с проданных экземпляров. И горжусь этим. Горжусь, несмотря на то, что процент этот мал, я бы сказала, ничтожен. На эти деньги, особенно на проценты от изданий в бумажной обложке (а проценты

от переводов на другие языки и того ниже) не купишь и полкарандаша у сына Аллаха, продающего карандаши на улицах Флоренции. (Он-то, понятно, слыхом не слыхал о «Тысяче и одной ночи»). Мои авторские гонорары очень мне нужны. Если бы у меня их не было, продавать карандаши на флорентийских улицах пришлось бы мне. Но я не пишу ради денег. Я никогда не писала ради денег. Никогда. Даже когда я была очень молода и мне нужны были деньги на учебу в университете (факультет медицины з то время стоил очень дорого).

В семнадцать лет меня взяли репортером в одну из ежедневных флорентийских газет. А в девятнадцать лет я была уволена без предупреждения за отказ стать продажной журналисткой. Тогда от меня требовалось написать ложь о выступлении известного лидера, к которому я питала глубокую неприязнь (лидер тогдашней Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти). Кстати сказать, статью мне предлагали не подписывать. Я ответила, что неправду писать я не буду. Главный редактор, жирный и чванливый, из партии демократических христиан, орал мне, что журналист – это писака, который обязан писать то, за что ему платят. «Нельзя плевать в тарелку, из которой ешь». В бешенстве и негодовании я ответила, что такую тарелку он может оставить себе и что я лучше умру от голода, чем стану таким писакой. Он немедленно уволил меня.

По этой причине, оставшись без зарплаты, я не могла платить за университет и так и не получила медицинский диплом.

Да, никто и никогда не сможет заставить меня писать ради жалких денег. То, что я написала за свою жизнь, не имеет никакого отношения к деньгам. Я всегда отдавала себе отчет в том, что написанные слова могут гораздо сильнее влиять на человеческие умы и поступки, чем бомбы, чем штыки, и что чувство ответственности, порожденное осознанием этого факта, не может соседствовать с мыслью о деньгах или обмениваться на деньги. Соответственно моя статья об 11 сентября была написана не ради денег. Не из-за денег я подчинила себя бешеному рабочему ритму, который разбил мое измученное тело. Мой ребенок, мой важный роман был уложен спать не для того, чтобы дать мне заработать больше денег, чем мои небогатые авторские гонорары. Тут-то и наступает самое интересное.

Наступает самое интересное, потому что, когда возбужденный главный редактор прилетел в Нью-Йорк и попросил нарушить мое уже нарушенное молчание, мы не договаривались о гонораре. Он просто игнорировал эту тему, а что касается меня, я считала аморальным говорить о деньгах в отношении работы, изначально связанной со смертью множества человеческих существ и, кроме того, направленной на то, чтобы прочистить уши глухим и раскрыть глаза слепым.

Когда раздули огонь костра, на котором меня как еретика должны были сжечь, и все было готово для того, чтобы повесить меня, как салемаскую ведьму, он все-таки неожиданно сообщил мне о том, что плата за бешеную усталость была готова. Очень-очень-очень щедрая плата. Такая щедрая (я не знаю сумму и не желаю ее знать), что она с лихвой возместила бы мне крупные расходы на долгие межконтинентальные звонки, добавил он. Ну так вот. Хотя я и понимала, что, согласно законам экономики, плата мне справедливо причитается (не случайно ведь статьи, написанные для его газеты моими клеветниками, регулярно и щедро оплачивались), очень-очень-очень щедрая оплата так и не попала в мой карман. Я сразу же отказалась от нее. Или точнее, услышав, что плата готова, я почувствовала те же замешательство и удивление, которые почувствовала за пятьдесят шесть лет до того, когда узнала, что итальянская армия собирается выплатить мне, как юному солдату Корпуса добровольцев в борьбе за свободу, увольнительное пособие за мою борьбу с нацистами и фашистами. (Я вспомнила про этот эпизод потому, что в 1946 году я приняла деньги – чтобы купить приличные туфли, которых ни у меня, ни у моих сестренек не было).

Ну а теперь... Мне сказали, что от моего отказа главный редактор, остолбенел, как Лотова жена при последнем взгляде на родной Содом. Мне также сказа-

ли, что многие сочли мой жест наивным с налетом высокомерия. (Что, может, и правда). Но всем: и ему, и им – еретик и ведьма отвечает: «Теперь приличные туфли у меня есть. Даже если бы у меня их и не было, я бы предпочла ходить босиком по снегу, чем иметь в карманах эту очень-очень-очень-щедрую-щедрую-щедрую плату. Даже один-единственный цент ее запятал бы мою душу».

Нью-Йорк, декабрь 2001 – Флоренция, сентябрь 2002

* * *

Ты просишь меня, на этот раз, высказаться. Просишь хотя бы теперь нарушить избранное мною молчание. Молчание, на которое я обрекла себя все эти долгие годы, не желая смешивать свой голос с головами «стрекоз». Я так и делаю. Потому что я услышала: в Италии кое-кто радовался 11 сентября точно так же, как радовались в тот вечер показанные по телевидению палестинцы в секторе Газа: «Победа! Победа!» Мужчины, женщины, дети. (Конечно, если те, кто способен на подобное, могут называться мужчинами, женщинами, детьми). Я слышала, что некоторые политики или так называемые политики, так же как и некоторые интеллигенты или так называемые интелли-

генты, те, кто не имеет права считаться цивилизованными людьми, по существу, вели себя таким же образом. Что они радостно резюмировали: «Хорошо. Так американцам и надо». Я очень, очень, очень зла. Моя злость – это ярость, холодная, ясная, рациональная. Ярость, исключаящая какую бы то ни было беспристрастность, какое бы то ни было снисхождение, она велит мне отвечать им и плевать в лицо. И я плюю в эти лица. Такая же, как и я, разъяренная афро-американская поэтесса Майя Анжелу вчера вечером прорычала: «Будь злой. Это правильно быть злой. Это полезно для здоровья». Прекрасно... Полезно ли это мне, не знаю. Но я знаю точно, что им это будет вредно. Я имею в виду тех, кто восхищается бен ладенами и поддерживает их своим пониманием или симпатией, или солидарностью. Когда я нарушу молчание, тогда придет в действие детонатор, который слишком долгое время собирался взорваться. Бот увидишь.

Еще ты просишь меня выступить свидетелем и рассказать, как я пережила этот апокалипсис. С этого и начну. Я была дома, мой дом находится в центре Манхэттена, около девяти часов утра у меня возникло предчувствие опасности, которая, вероятно, не грозила непосредственно мне, но которая определенно имела ко мне отношение. Это было ощущение, которое приходит в бою, когда каждой клеткой кожи чувствуешь пулю или приближающуюся ракету и слух обостряется,

и тем, кто рядом с тобой, ты кричишь: «Ложись! Вниз, вниз!» Я отогнала это ощущение. Я сказала себе: не во Вьетнаме же я, слава небесам. И ни на одной из тех проклятуших войн, что с самой Второй мировой войны терзают мою жизнь. Тем изумительным сентябрьским утром, 11 сентября 2001 года, я была в Нью-Йорке. Но это необъяснимое, непостижимое ощущение продолжало овладевать мной, и я включила телевизор. Непонятно почему, звука не было. Экран, наоборот, работал. И по всем каналам {у нас в Нью-Йорке около сотни каналов) показывали одну из башен Центра международной торговли, которая начиная с восьмидесятих этажей горела, как гигантская спичка. Короткое замыкание? Легкомысленный пилот, потерявший контроль над маленьким самолетом? Или ловко организованный акт зрелищного терроризма? Почти парализованная, я продолжала смотреть, а пока смотрела, снова и снова задавая себе эти три вопроса, на экране показался какой-то самолет. Большой, белый пассажирский самолет. Он летел очень низко. Чрезвычайно низко. Летя низко, чрезвычайно низко, он направлялся ко второй башне, как бомбардировщик, который целится в мишень и входит в мишень. Тогда я поняла. Я поняла еще и потому, что как раз в этот момент звук появился и послышался хор сдавленных криков. Сдавленных, неуверенных, бессильных. «Боже! О Боже! Боже, Боже, Боже! О, мой Бо-о-о-о-о-г!» Дальше самолет вошел

во вторую башню, как нож входит в кусок масла.

Было 9.03. И не спрашивай, что я чувствовала в тот момент и сразу же после него. Я не знаю. Не помню. Я была куском льда. Даже мой мозг был заледеневшим. Не помню даже, происходило ли то, что я видела, на первой башне или на второй. Например, люди выпрыгивали из окон-восьмидесятых и девяностых, и сотых этажей, чтобы не сгореть заживо. Кто разбивал оконные стекла, кто вылезал из окон и прыгал так же, как выпрыгивают из самолета с парашютом. Дюжинами. И падали так медленно. Медленно взмахивая руками, медленно плывя по воздуху... Да, казалось, что они плывут по воздуху. И никогда не приземлятся. Никогда не достигнут земли. Однако на уровне тридцатых этажей наступало ускорение. Они начинали в отчаянии жестикулировать, думаю, пожален о поступке, моля о помощи. Пожалуйста-помогите-мне-пожалуйста! И, возможно, они действительно это делали. В конце концов, они падали, как камни, и разбивались! Видишь ли, большую часть своей жизни я провела на войнах... На войнах я видела много ужасов, я считала себя закаленной войнами, после войн ничто больше меня не удивляет. Даже когда я злюсь. Даже когда испытываю презрение. Но на войне я всегда видела, что людей убивают. Я никогда не видела людей, которые убивают себя сами, людей, выбрасывающихся без парашюта из окон восьмидесятых, девяностых или сотых этажей...

Они продолжали прыгать и выбрасываться, пока около 10 или 10.30 утра башни не разрушились и... знаешь, кроме людей, которых убивали, на войнах я видела и взрывы. Что-то взрывалось потому, что его взрывали. А тут башни разрушились не потому, что их взрывали. Первая рухнула в результате имплозии, всосав саму себя внутрь, поглотив саму себя, вторая же растаяла, превратилась в жидкость, как кусок мыла. И все это произошло, или мне так только казалось, в могильной тишине. Неужели? Стояла ли действительно тишина или она была внутри меня?

Возможно, тишина была во мне. Заключение внутри собственного молчания, я услышала о третьем самолете, рухнувшем на Пентагон, и о четвертом, упавшем в лесу Пенсильвании. Заключение внутри этого молчания, я начала подсчитывать число погибших и почувствовала, что задыхаюсь. Потому что в самом кровавом бою, который мне привелось видеть во Вьетнаме, под Дак-То, я видела около четырехсот мертвых. В бойне в Мехико-Сити, в той бойне, в которой в меня тоже всадили несколько пуль, убитых было около восьмисот. И когда, предположив, что я мертва, спасатели отправили меня в морг, а я там пришла в себя, мне показалось, что трупов, среди которых я пришла в себя, было еще больше. Теперь, зная, что в этих башнях работало почти пятьдесят тысяч людей, я не могла – у меня не хватало духа – подсчитать количество

жертв. Первые сводки говорили о пяти или шести тысячах пропавших. Одно дело «пропавшие», другое дело «погибшие». Во Вьетнаме мы всегда отличали пропавших от погибших. Не все пропавшие погибали... Но тут, я думаю, точного числа мы никогда не узнаем. Как посчитать? По тем кусочкам, что были найдены среди обломков? То нос, то палец? И всюду коричневая липучка, вроде кофейной гущи, но в действительности – органическая масса: остатки тел, распавшихся в долю секунды, сгоревших. Вчера мэр города Джулиани прислал десять тысяч мешков для трупов, но из них только несколько сотен были использованы.

* * *

Что я думаю о неуязвимости, которую столь многие в Европе приписывают Америке, что я чувствую по отношению к девятнадцати камикадзе, виновникам трагедии? Так вот, к камикадзе – никакого уважения. Никакой жалости. Не чувствую жалости. Я, которая чувствовала жалость всегда ко всем. Но начиная с японских камикадзе времен Второй мировой войны, я ненавидела тех, кто совершает самоубийство с целью убить других. Никогда не считала их доблестными, благородными людьми, такими, как наш Пьетро Микка, пьемонтский солдат, который, для того чтобы остановить на-

ступление французских войск и спасти Турин, 29 августа 1706 года поджег пороховой склад и взорвался вместе с врагами. Я никогда не считала камикадзе солдатами.

Тем более я не считала их мучениками или героями, как с воплями и брызгами зловонной слюны мистер Арафат именовал их в беседе со мной в 1972 году. Это было, когда я брала у него интервью в Аммане – месте, где, кроме всего прочего, он проводил подготовку банды террористов Баадера-Майнхофа. Я считаю камикадзе убийцами, которыми руководит тщеславие. Эксгибиционистами, которые, неспособные добиться успеха в кино, политике или спорте, ищут славы в своей собственной смерти или смерти других людей. Они, вместо того чтобы бороться за «Оскар», министерское кресло или олимпийскую медаль, ищут место в Джанне – в раю, обещанном Кораном. В благодатных садах, куда, согласно Пророку, попадают все герои, где героев услаждают девственные гуран. Я уверена, что они тщеславны и физически, эти камикадзе. У меня перед глазами фотографии двух камикадзе, которых я описала в книге «Иншаллах!». Мой роман начинается со сцены резни, убийства четырехсот тридцати шести американских и французских солдат миссии мира в Бейруте. Я смотрю на фото... Представляешь, это предсмертные фото. Оба перед смертью ходили к парикмахеру. Тщательно сделанные стрижки, аккуратно по-

дровенные усы, опрятные бороды, ухоженные бакенбарды... Но особенно недостойны уважения и жалости, по-моему, те, кто «разыграл» свою смерть в Нью-Йорке, Вашингтоне и Пенсильвании. Прежде всего Мухаммед Аттах, что оставил два завещания. В одном он пишет: «На моих похоронах я не хочу нечистых существ, а именно: животных и женщин». В другом добавляет: «И к моей могиле пусть не допускают нечистых существ. Особенно самых нечистых: беременных женщин». Вот так... Огромное удовольствие доставляет мне лишь тот факт, что у него никогда не будет ни похорон, ни могилы, что от него не осталось ничего, даже волоса.

Представляю себе, какая истерика начнется у Арафата, если он прочитает эти строки. Ведь мы, мистер Арафат и я, не в добрых отношениях. Он так и не смог простить мне острое расхождение во мнениях во время амманского интервью. Я тоже не простила ему ничего, а посему желаю ему всего самого плохого, да и он желает мне того же. Мы упорно избегаем друг друга. Но если мне все же доведется повстречаться с ним снова, я выкрикну ему в лицо все, что думаю о его мучениках и героях. «Во-первых, кто настоящие мученики, – выкрикнула бы я, – это пассажиры самолетов, захваченных и превращенных в живые бомбы вашими учениками, последователями. Среди пассажиров была четырехлетняя девочка, она превратилась в пыль, раз-

бившись о вторую башню. Настоящие мученики – служащие, работавшие в башнях-близнецах и в Пентагоне. Это четыреста восемнадцать пожарных и полицейских, которые погибли, спасая людей. А теперь, болтун, поговорим о героях. Настоящие герои – это пассажиры самолета, который должен был врезаться в Белый дом, но разбился в лесах Пенсильвании, потому что его пассажиры оказали захватчикам сопротивление. Понял, идиот?!?»

Проблема в том, что теперь болтун, идиот влез на место главы государства. Новоявленный Муссолини без срока годности, он наносит визиты Папе, посещает Белый дом, шлет соболезнования президенту США. Истый хамелеон, постоянно противоречит себе и опровергает себя, и с него станется даже ответить, что-де я права. Это лжец, единственный момент искренности которого наступает, лишь когда в приватной беседе он отрицает право Израиля на существование. Лицемер, которому нельзя верить, даже когда он отвечает, который час. Это псевдореволюционер, который не способен дать своему народу ни клочка демократии. Я не говорю о той демократии, которая есть в Израиле, я говорю хотя бы о клочке. Это псевдовояка, никогда не снимающий военную форму, как Фидель Кастро и Пиночет, а на войну посылает каких-то несчастных, обездоленных, верящих ему. Это невежда, который не в состоянии сформулировать мысль, произнести вразумитель-

ную фразу. Это вечный террорист, способный лишь на то, чтобы натаскивать террористов, держать свой народ в дерьме, посылать своих людей на смерть. Убивать и умирать... Но хватит о нем, хватит. Он не заслуживает моего времени. Поговорим о той неуязвимости, которая по мнению столь многих свойственна Америке.

Неуязвимость? Чем больше общество открыто и демократично, тем сильнее оно подвержено опасности терроризма. Чем более свободна нация, тем более она подвержена риску угодить в бойню, которые (из-за палестинцев) многие годы случались в Италии и остальной части Европы. Настала очередь Америки. Отнюдь не случаен тот факт, что недемократические государства принимали у себя террористов и помогали им – прежде всего бывший Советский Союз и его страны-спутники, в первую очередь Китай. Затем Ливия, Ирак, Иран, Сирия, Пакистан, Афганистан, Ливан. Затем Египет, где Анвар Садат также был убит террористами. И Саудовская Аравия, откуда родом бен Ладен. Затем все мусульманские регионы Африки... В аэропортах и самолетах этих стран я всегда чувствую себя в безопасности, поверь мне. Спокойно, как спящий младенец. В европейских аэропортах и европейских самолетах, напротив, я всегда нервничаю. В американских аэропортах и американских самолетах нервничаю вдвойне. А в Нью-Йорке втройне. Почему, ты думаешь,

во вторник утром я ощутила тревогу, такое предчувствие опасности, что вопреки своим привычкам я включила телевизор? Почему, ты думаешь, в числе трех вопросов, которые я задавала себе в то время, когда пылала первая башня, был вопрос о хорошо спланированном террористическом акте? Почему, ты думаешь, что, как только появился второй самолет, я поняла всю правду? С тех пор как Америка является самой Богатой и самой сильной страной в мире, самой мощной, самой капиталистической, с тех пор как ее военное превосходство пугает мир, американцы питают иллюзию о своей неуязвимости. Но уязвимость Америки порождается, мой друг, именно ее силой. Ее Богатством, могуществом, ее суперкапитализмом. Я имею в виду, что в силу этих причин она вызывает все виды зависти и ненависти.

Кроме того, причина заключается и в ее многонациональной сущности, в ее терпимости, в ее уважении к своим гражданам и гостям. Видишь ли, дело в том, что несколько миллионов американцев – это арабы, мусульмане. Когда какой-нибудь Мустафа или Али, или Мухаммед приезжает из Афганистана, чтобы, предположим, навестить своего дядю, никто не препятствует его обучению в летной школе с целью стать пилотом 757-го «Боинга». Никто не запрещает ему поступить в университет для изучения химии или биологии: двух наук, необходимых для раздувания биоло-

гической войны. Никто. Даже если секретные службы опасаются угона самолета и предвидят бактериологическую войну.

Но давайте вернемся к первоначальному аргументу. Что является настоящими отличительными чертами Америки, символами ее силы, Богатства и мощи, ее суперкапитализма, военного превосходства? Я бы сказала, не джаз и рок-н-ролл. Не жвачка и гамбургеры, не Бродвей и Голливуд. А американские небоскребы, американские самолеты, американский Пентагон, американская наука, американская технология... Впечатляющие небоскребы. Такие высокие, такие крепкие, прочные и такие красивые, что когда смотришь на них, то забываешь даже пирамиды и божественные дворцы нашей старины. Эти вездесущие самолеты и вертолеты. Такие огромные, такие быстрые, способные перевозить любой предмет: сборные дома, живые цветы, свежую рыбу, спасенных слонов, безденежных туристов, боевые полки, бронированные танки, атомные бомбы... (Между прочим, именно Америка развила свой воздушно-военный потенциал до истерической степени, помнишь?) Это вселяющий ужас Пентагон – мрачная крепость, которая испугала бы Наполеона и Чингисхана вместе взятых. Это вездесущая, всемогущая, всепожирающая наука. Это безграничная технология, которая за несколько лет перевернула наш быт и наш многовековой уклад жизни. Что

же избрал своей мишенью бен Ладен? Небоскребы, Пентагон. Что он избрал своим средством? Американскую науку, американскую технологию. Кстати, знаешь, что поразило меня больше всего в этом зловещем ультрамиллионере, в этом экс-плейбое, который в 20 лет развлекался в ночных клубах, а теперь стал грозным Саладином? Его огромное Богатство основывается на прибылях корпорации, которая специализируется на подрывных работах по сносу, и в этой области он настоящий эксперт. Знаток своего дела, непревзойденный мастер.

* * *

Если бы я могла взять у него интервью, одним из моих вопросов был бы вопрос как раз об этом. Я имею в виду то удовольствие, которое его психика почти наверняка испытывает от разрушения. Само собой разумеется, что в следующем вопросе речь пошла бы о его усопшем супермногоженце-отце, который произвел на свет пятьдесят четыре ребенка и любил описывать семнадцатого (его) такими словами: «Он самый милый, самый славный, лучший». Другой вопрос касался бы его сестер, которые в Лондоне или на Ривьере любили фотографироваться с непокрытыми головами и лицами. С пухлыми бюстами, нарочито подчер-

квиваемыми плотно облегающими свитерами, с толстыми задницами, демонстрируемыми брюками в обтяжку. Никакой тебе паранджи, никакой чадры. Еще один вопрос – о связи, которую он продолжает поддерживать с Саудовской Аравией. С этим вонючим сейфом, набитым деньгами. С этой страной средневековых феодалов, которая порабощает нас за счет распроклятой нефти, жадной, отсталой, тайно подкармливающей международный терроризм. Я спросила бы его: «Мистер бен Ладен, сэр, сколько денег получает „Аль-Каида“ от ваших соотечественников и от членов королевской семьи?» Но вместо того чтобы тратить время на вопросы, вероятно, мне следует просто сообщить ему, что он не поставил Нью-Йорк на колени. Чтобы доказать, достаточно было бы рассказать ему, чему Бобби, восьмилетний мальчик из Манхэттена, научил нас вчера утром. "Мама всегда предупреждала меня: «Бобби, если ты потеряешься по дороге домой, не пугайся. Найди сперва башни-близнецы, а наш дом в десяти кварталах от них, идя вдоль Гудзона». Теперь башен нет. Злые люди взорвали их вместе с теми, кто был внутри. Я стал думать: «Как же я, Бобби, дойду до дома, если потеряюсь?» И я сказал себе: «Бобби, теперь нет башен, но есть добрые люди. Если я потеряюсь, спрошу добрых людей. Они помогут. Самое важное – нельзя пугаться».

В связи с этим я бы хотела добавить кое-что о нас

с тобой.

Когда ты приезжал ко мне на прошлой неделе, я увидела, как поразили тебя героизм и сплоченность, проявленные американцами в ответ на этот апокалипсис. О да, несмотря на все недостатки, которыми мы непрестанно тычем Америке в глаза, поцрекая и осуждая ее (европейские недостатки на поверку много хуже), Америка – это страна, у которой мы могли бы многому научиться. Что же касается ее героической дееспособности, тысячи похвал по праву заслуживает мэр Нью-Йорка. Тот самый Рудольф Джулиани, которого итальянцам следовало бы благодарить на коленях, потому что (как и многие пожарные и полицейские, погибшие в башнях) он носит итальянскую фамилию и, будучи итальянского происхождения, великолепно представляет нас перед лицом всего мира... Скажу еще раз (я, человек, который не хвалит никогда и никого, начиная с себя): воистину великий мэр, Рудольф Джулиани! Достойный преемник другого великого мэра с итальянской фамилией, Фиорелло Ла Гуардиа, и многим нашим мэрам следовало бы поучиться у них. Нашим мэрам следовало бы с поклоном прийти в нью-йоркский муниципалитет и попросить: «Мистер Джулиани, сэр, не могли бы вы научить нас работать?» Он не перекладывает обязанности на чужие плечи, как они. Он не разрывается между задачами мэра и обязанностями конгрессмена, как они. Когда случился апокали-

писис, он немедленно бросился к башням, рискуя сгореть вместе ними. За три дня он привел в чувство город, девять миллионов человек, из которых почти два миллиона живут в Манхэттене. Как ему это удалось, остается загадкой. У него та же беда, что и у меня. Ты знаешь. Много лет назад проклятый рак добрался и до него. Но он никогда не устает, не выказывает даже намек на утомление, страх. «Первое из гражданских прав – это свобода от страха. Никогда не бойтесь», – говорит он. Он говорит и действует подобным образом, потому что окружен людьми, похожими на него. Крепкими людьми. Например, пожарный, которого я видела вчера по телевизору. Парень с волосами цвета спелой пшеницы, с голубыми глазами цвета чистого моря и с очередной итальянской фамилией: Джимми Грилло. Его спросили, собирается ли он менять профессию. Он ответил: «Я пожарный и буду пожарным всю жизнь. Безотлучно, здесь, в Нью-Йорке. Чтобы защищать мой город, мою семью и моих друзей».

Что до восхитительной способности объединяться в случае беды почти по-военному, этой способности американцев, скажу тебе: сознаюсь, 11 сентября я тоже была поражена. Конечно, я знала, что это качество уже проявлялось в прошлом. Взять, к примеру, Перл-Харбор. Страна сплотилась вокруг Рузвельта, и Рузвельт объявил войну гитлеровской Германии, Италии Муссолини и Японии Хирохито. Такая же атмо-

сфера была после убийства Джона Кеннеди. Но за убийством Кеннеди последовали мучительные разногласия, вызванные войной во Вьетнаме, и в некотором роде эти разногласия напомнили мне их Гражданскую войну. Когда я увидела черных и белых, которые обнимались, когда я увидела демократов и республиканцев, поющих вместе «Боже, храни Америку», я реагировала так же, как и ты. Я была потрясена, когда услышала Билла Клинтона (человека, по отношению к которому никогда не испытывала ничего похожего на нежность), взывающего: «Сплотимся вокруг Буша, поверим в нашего президента». Я поразились, когда эти слова были повторены его женой Хиллари, сенатором от штата Нью-Йорк. И когда они были многократно повторены сенатором Джо Либерманом. (Только потерпевший на выборах поражение Альберт Гор сохранял и до сих пор хранит жалкое молчание). То же самое я ощутила, когда Конгресс единодушно проголосовал за то, чтобы принять войну и наказать виновных. То же, когда обнаружила, что их девизом является благородный латинский афоризм, гласящий: «Ex Pluribus Unum. Из множества – единство». (Иначе говоря, все за одного). Да, я была поражена, а теперь я завидую. Завидую и даже умиляюсь. О, если бы наша страна могла воспринять их урок! Насколько она разделена, разрозненна, эта наша страна. Насколько по-сектантски ограничена, отравлена древней племенной ме-

лочностью! Итальянцы не способны держаться вместе даже внутри своих собственных политических партий. Даже при сходной идеологии их заботит только свой собственный мелкий успех, собственная мелкая слава. Они предают и обвиняют друг друга, швыряют друг в друга грязью... Я абсолютно убеждена в том, что если бы Усама бен Ладен разрушил колокольню Джотто или Пизанскую башню, итальянская оппозиция обвиняла бы в этом правительство, а итальянское правительство чернило бы оппозицию. Главы правительства и оппозиции обвиняли бы своих товарищей.

А теперь я объясню, откуда берется удивительная способность американцев к объединению, когда с почти военной сплоченностью они реагируют на беды и врагов.

Она берется из патриотизма. Не знаю, видел ли ты по телевизору, что случилось, когда Буш приехал благодарить спасателей, разгребавших ту самую кофейную гущу, без устали, не сдаваясь. Так вот, на вопрос о том, как они держатся, они отвечали: «Мы можем позволить себе быть усталыми, но не побежденными». Не знаю, видел ли ты, как они поднимали американские флаги и пели: «Америка, Америка, Америка». А я видела. Будь это тоталитарная страна, я бы подумала: «Гляди, как власть их заорганизовала!» Об Америке так не подумаешь. В Америке такие вещи организации не поддаются. Их невозможно устроить, нельзя

навязать. Особенно в такой трезвой столице, как Нью-Йорк. Это не проходит с такими парнями, как рабочие Нью-Йорка. Жесткие ребята, эти нью-йоркские рабочие, крепкие орешки с крутым нравом, своевольные, как ветер. Индивидуалисты, скажу я вам, не подчиняющиеся даже своим профсоюзам. Но стоит затронуть их Родину... В английском языке слова «Patria» (Родина) не существует. Для того чтобы сказать «Patria», нужно соединить два слова и произнести Father Land (страна отцов), или Mother Land (страна матерей, страна-мать), или Native Land (страна, где родился). Или просто My Country – моя страна. Все же существительное «патриотизм» существует, впрочем, как и прилагательное «патриотический». И не считая, может быть, Франции, я не могу представить себе другую более патриотичную страну, чем Америка. Я чувствую униженность, глядя на тех рабочих с флагами, поющих: «Америка, Америка, Америка». Я чувствую униженность, потому что никогда не видела итальянских рабочих с триколором (Триколор – флаг, составленный из трех разноцветных полос. Итальянцы называют свой флаг (он состоит из зеленой, белой и красной вертикальных полос) просто триколором. Эта привычка бытует со времен Рисорджименто, то есть с эпохи борьбы за воссоединение Италии, когда зелено-бело-красный триколор (но по непонятной причине итальянцы говорят «бело-красно-зеленый», bianco rosso e verde) был со-

здан по образцу красного, белого и голуБого триколора, рожденного в эпоху Французской революции.), поющих: «Италия, Италия, Италия». Никогда. Я видела их с огромным количеством красных знамен. Там был реки, озера, океаны красных знамен, но итальянских флагов не было никогда. Одураченные тупыми вождями, коммунистической партией, служанкой СССР, – итальянские рабочие всегда оставляли трехцветный флаг своим противникам. Нельзя сказать и чтобы их противники хорошо его использовали. В результате сегодня трехцветный флаг можно увидеть только на олимпийских играх, когда мы случайно завоевываем медаль, или на стадионах во время международных футбольных матчей. Вот единственная возможность услышать: «Италия, Италия, Италия».

Да, есть большая разница между страной, где флагом Родины, Отчизны размахивают только воинствующие футбольные фанаты на стадионах или спортсмены, завоевавшие олимпийскую медаль, и страной, где такие флаги – в руках всех. Например, патриоты-рабочие, проводящие раскопки в той самой кофейной гуще в поисках останков людей, разорванных на части сынами Аллаха, и не находящие ничего, кроме кусочка носа, кусочка пальца.

Дело в том, что Америка – необыкновенная страна, мой друг. Страна, которой действительно завидуют. Да. Страна, к которой и которую действительно рев-

ную по причинам, не имеющим ничего общего с ее Богатством, ее огромной силой, ее военным превосходством. А знаешь, почему? Потому что Америка – это нация, порожденная потребностью души в Родине (Patria) и благороднейшей из идей, чье воплощение в жизнь едва ли может быть достигнуто Западом: идеей Свободы, соединенной с идеей Равенства. Необыкновенная страна еще и потому, что это случилось, когда идея Свободы не считалась модной. Идея Равенства – тем более. Только некие философы, называемые просветителями, говорили об этих вещах в то время. Только огромная и дорогая книга в семнадцати томах (которые с добавлением восемнадцати томов-таблиц превратились в тридцать пять томов), опубликованная во Франции под руководством неких Дидро и Д'Аламбера и названная «Энциклопедией. Толковым словарем науки, искусств и ремесел», объясняла эти понятия. И не считая интеллектуалов и аристократов, у которых были деньги на приобретение семнадцати, а затем тридцати пяти томов большой дорогой книги или книг, вдохновивших ее, – кто знал о Просвещении в то время? Кто боролся за возвышенную идею? Даже французские революционеры не помышляли об этом, поскольку Французская революция началась в 1789 году, то есть пятнадцать лет спустя после американской революции, начавшейся в 1776-м, но зародившейся в 1774 году. (Эту деталь антиамерикански настроенные

левые, как правило, забывают или делают вид, что забывают). Прежде всего, Америка является необыкновенной страной в силу того, что идея Свободы, соединенная с идеей Равенства, была осознана крестьянами, в основном неграмотными или необразованными людьми, крестьянами тринадцати американских колоний. Она является необыкновенной страной в силу того, что эта идея воплотилась в жизнь благодаря потрясающим лидерам, людям высокой культуры, выдающихся качеств и великого воображения: Отцам-Основателям. Господи, да представляем ли мы себе Бенджамина Франклина, Томаса Джефферсона, Томаса Пэйна, Джона Адамса, Джорджа Вашингтона и т. д. и т. д.?! Ничего общего с крючкотворами-юристами, т. е. «avocaticchi», адвокатишками (как Витторио Альфьери презрительно называл их), Французской революции. Ничего общего с мрачными, истеричными палачами времен террора: всякими Маратами, Дантонами, Демуленами, Сен-Жюстами, Робеспьерами и т. д. Отцы-Основатели были люди, которые знали греческий и латынь так, как наши преподаватели греческого и латыни никогда знать не будут. Люди, которые читали Архимеда, Аристотеля и Платона по-гречески, а Сенеку, Цицерона и Вергилия по-латыни. Они изучали принципы греческой демократии лучше, чем современные марксисты изучали теорию прибавочной стоимости. (Если считать, что современные марксисты прибавоч-

ную стоимость действительно изучали). Джефферсон знал даже итальянский, который он называл тосканским. На итальянском он разговаривал, писал и читал с исключительной легкостью. Так, вместе с двумя тысячами срезанных виноградных лоз, тысячей оливковых саженцев и нотной бумагой, которую в Вирджинии не так-то легко было найти, в 1774 году флорентийский врач Филиппо Маццеи привез ему пять экземпляров книги, написанной Че-заре Беккариа; «*Dei Delitti e delle Pene*» («О преступлениях и наказаниях»). Что касается самоучки Бенджамина Франклина, это был гений. Ученый, печатник, писатель, редактор, журналист, политик, изобретатель. В частности, он открыл электрическую природу молнии, изобрел громоотвод и систему отопления помещений без очага. Великий герцог тосканский Пьетро Леопольдо купил два таких дымохода для своего кабинета в палаццо Питти во Флоренции. И именно с подобными необыкновенными лидерами, людьми высокой культуры, выдающихся качеств и великого воображения, в 1776 году неграмотные и необразованные крестьяне тринадцати американских колоний восстали против Англии и сражались в войне за Независимость. Вот она, американская революция.

Они сражались, несмотря на кровь, являющуюся платой за любую из войн, но без мерзостей Французской революции: без ужасов гильотины, без резни в Тулоне, Лионе и Бордо, без кровавой бойни в Вандее.

Они сражались за листок бумаги, который вместе с потребностью души, с потребностью в Отчизне воплощал благороднейшую идею Свободы, соединенную с Равенством. За Декларацию Независимости. «Мы считаем самоочевидными истины, что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми Правами, к числу которых относится право на Жизнь, на Свободу и на стремление к Счастью, что для обеспечения этих прав люди создают правительства».

И этот листок бумаги, на который со времен Французской революции и по наши дни равняется весь Запад, вдохновляющий каждого из нас, все ещё составляет основу Америки. Составляет основу ее жизненной лимфы. Знаешь, почему? Потому что эти слова превращают подданных в граждан. Потому что эти слова превращают плебеев в Народ. Потому что они побуждают, даже приказывают плебеям, превращенным в граждан, восстать против тирании и управлять самими собой, выражать собственную индивидуальность, искать свое собственное счастье, то есть это шанс для бедных, для плебеев стать Богатыми. Коротче говоря, прямая противоположность тому, что делали коммунисты, которые практически запрещали людям быть самостоятельными, самовыражаться, Богатеть, сажая на трон его Величество Государство. «Коммунизм – монархический режим, причем монархия ста-

рого стиля, – говорил обычно мой умный отец. – Соответственно, коммунизм кастрирует. А когда мужчина кастрирован, он перестает быть мужчиной». Кроме того, он обычно говорил, что, вместо того чтобы спасти плебеев, коммунизм, наоборот, превращает всех в плебеев, заставляет умирать от бедности и голода.

Так вот, по-моему, Америка спасает, освобождает плебеев. По существу, в Америке все плебеи: белые и черные, желтые и коричневые, глупые и умные, бедные и Богатые. По существу, в большинстве случаев самые что ни на есть плебеи – как раз Богатые. Жутко неотесанные! Сразу видно, что они никогда не читали учебник хороших манер монсеньора Делла Каза, что они никогда не имели дела с утонченностью, с изысканностью. Возьмем, к примеру, их обычную еду. Или, скажем, то, как они одеваются. Большинство из них настолько неэлегантны, что в сравнении с ними английская королева выглядит шикарней, как модель высшего класса. Но, Бог ты мой, они спасены! Они освобождены! А в этом мире ничего нет более жизненно важного, более значительного, более непоколебимого, чем Освобожденные Плебеи, Спасенные Плебеи. Спасенные, освобожденные плебеи кому хочешь обломают рога. И уже обламывали: англичанам, немцам, русским, мексиканцам, нацистам, фашистам, коммунистам... В конце концов, даже вьетнамцам-хошиминцам. Те тоже после своей победы фактически

были вынуждены прийти к соглашению с ненавистной Америкой. Когда экс-президент Клинтон приехал к ним с визитом, они были на седьмом небе: «Добро пожаловать, Ваше Высокопревосходительство, добро пожаловать! Будем делать бизнес с Америкой, правда? Много денег, много денег, правда?» Проблема в том, что сыны Аллаха – не вьетнамцы и с ними война будет очень жесткой. Очень долгой, очень трудной, очень крутой. Она будет длиться до тех пор, пока мы, европейцы, не перестанем накладывать в штаны и вести двойную игру с противником, отказываясь от собственного достоинства. Это мнение я со всем необходимым почтением адресую также и Папе Римскому.

«Скажите, святой отец: правда ли, что недавно вы просили сынов Аллаха простить крестовые походы, в которых ваши предшественники боролись за то, чтобы вернуть себе Гроб Господень? А просили ли вас когда-либо сыны Аллаха простить их за то, что они Гроб Господень забрали? Принесли ли они извинения за то, что на протяжении более семи веков поработали католический Иберийский полуостров, всю Португалию и три четверти Испании, так что если бы Изабелла Кастильская и Фердинанд Арагонский не изгнали их в 1490 году, мы все сейчас говорили бы по-арабски? Этот вопрос волнует меня, святой отец, потому что они никогда не просили у меня прощения за преступления, совершенные сарацинами в XVII и XVIII веках на по-

бережьях Тосканы и Тирренского моря. Я имею в виду, когда они похищали моих предков и, заковав им цепями руки, ноги и шеи, везли в Алжир, Тунис, Танжер, Константинополь и продавали на базаре. Они держали их в рабстве всю оставшуюся жизнь, запирали молодых женщин в гаремах, наказывали их за попытки сбежать, перерезая им горло: помните? Конечно, вы помните. Общество освобождения белых рабов, которых они держали в Алжире, Тунисе, Марокко, в Турции и т. д., было основано итальянскими монахами, не так ли? Именно Католическая церковь вела переговоры об освобождении тех, у кого были деньги на выплату выкупа, да? Вы действительно ставите меня в ступик, пресвятой отец. Вы так упорно прилагали усилия для того, чтобы увидеть крушение Советского Союза. Мое поколение, поколение, которое прожило всю свою жизнь в страхе третьей мировой войны, должно особенно благодарить вас за чудо, в которое никто из нас не верил: Европа освобождена от кошмара коммунизма, Россия просит принять ее в НАТО, Ленинград снова называется Санкт-Петербургом, Путин является лучшим другом Буша, его лучшим союзником. И после такой победы вы заигрываете с личностями, которые хуже Сталина, заигрываете с теми, кто мечтает построить мечети на территории Ватикана? Пресвятой отец... При всем моем уважении, вы напоминаете мне немецко-еврейских банкиров, которые в 1930-х годах, наде-

ясь спастись, снабжали деньгами Гитлера, а несколько лет спустя закончили свою жизнь в печах крематория».

* * *

Разумеется, я не обращаюсь к стервятникам, которые при виде того, что произошло 11 сентября, издевательски хихикали: «Отлично. Так американцам и надо». Я обращаюсь к тем, кто, не будучи ни глупым, ни злым, обольщается из-за сочувствия, нерешительности или неуверенности. Именно им я говорю: «Очнитесь, люди, очнитесь! Вы боитесь грести против течения, боитесь выглядеть расистами (чрезвычайно неточное, помимо всего прочего, слово, поскольку проблема заключается не в расе, а в религии). А обратный крестовый поход на марше. Ослепленные близорукостью и глупостью политической корректности, вы не понимаете или не хотите понять, что война религии уже ведется. Война, которую они называют джихад. Война, которая, возможно (возможно?), не нацелена на завоевание нашей территории, но определено нацелена на завоевание наших душ и на уничтожение нашей свободы. Война, которая ведется в целях разрушения нашей цивилизации, нашего образа жизни и смерти, того, как мы молимся или не молимся, едим, пьем, одеваемся, учимся, наслаждаемся Жиз-

ню. Ошеломленные потоком пропагандистской лжи, вы не можете или не хотите взять себе в голову, что, если мы не прибегнем к самозащите, если не станем бороться, джихад победит. Победит, да-да, и разрушит мир, который, так или иначе, мы сумели построить, изменить, улучшить, сделать более разумным, то есть менее ханжеским или не ханжеским вовсе. Перечеркнет нашу культуру, наше искусство, нашу науку, нашу индивидуальность, нашу мораль, наши ценности, наши удовольствия... Господи! Неужели вы не видите, что все эти усамы бен ладены считают себя вправе убивать вас и ваших детей, потому что вы пьете алкоголь, потому что вы не отращиваете длинную бороду и отказываетесь от чадры и паранджи, потому что вы ходите в театр и в кино, потому что вы любите музыку и поете песни? Танцуете и смотрите телевизор? Носите мини-юбки или шорты, на пляже и около плавательного бассейна вы загораете почти обнаженными или обнаженными, занимаетесь любовью, когда хотите и с кем хотите? Или потому что вы верите в Бога? Я, слава Богу, атеистка. И не имею ни малейшего желания быть за это наказанной реакционными фанатиками, которые, вместо того чтобы вносить свою ленту в прогресс, по пять раз на дню задирают задницы и молятся».

В течение двадцати лет я повторяю это. Двадцать лет. Двадцать лет назад я написала передовицу в бо-

лее мягкой форме, чем нынешняя, полная ярости и гордости. Тогда это была передовица журналиста, привыкшего уживаться со всеми расами, привычками и верованиями, женщины, привыкшей оказывать сопротивление любым формам фашизма и нетерпимости, человека вне церкви и вне каких бы то ни было табу. И одновременно это был крик представителя Запада, полный негодования по отношению к идиотам, не чующим вони грядущей святой войны, терпящим оскорбления, наносимые Европе сыновьями Аллаха – террористами... Вот как примерно звучали мои размышления двадцать лет назад: "Какой смысл уважать тех, кто не уважает нас? Достойно ли защищать или поддерживать их культуру или так называемую культуру, когда они выражают презрение к нашей? Я хочу защищать мою, но не их культуру и сообщаю вам, что люблю Данте Алигьери и Шекспира, и Гете, и Верлена, и Уолта Уитмена, и Леопарди гораздо больше, чем Омара Хайяма. Ну что ж, меня за это распяли. «Расистка, грязная расистка!» «Стрекозы» клеймили меня словом «расист». И так же клеймили снова во время советского вторжения в Афганистан. Они поступали так потому, что каждый раз, когда бородатые воины приговаривали «Аллах акбар» перед выстрелом из миномета, я, полная предчувствий, обращалась к миру: «Поддержим эту войну. Известно, что такое Советский Союз, но в данном случае давайте скажем ему спасибо». Но меня распинали,

особенно после того, как я рассказала о том, что они обычно делали с советскими пленными. Как они отпиливали советским руки и ноги. Такое же зверство, не забываете, они проделали в конце XIX века с английскими дипломатами, послами королевы Виктории, и с другими европейскими дипломатами, находившимися в Кабуле. Жертвы не умирали сразу. Лишь через некоторое время жертву наконец обезглавливали и отрубленной головой играли в бускачи – афганскую разновидность поло. Что касается рук и ног, их продавали в качестве трофеев на базаре... Тогда меня тоже распяли, да. Им не понравился даже тот факт, что я плакала над безрукими и безногими украинскими солдатами, которых варвары бросили не убив, которых подобрали товарищи. Они валялись в полевых госпиталях, умоляя о смерти. Но меня обзывали расисткой и за это тоже, помнишь? Они называли меня расисткой и в то же время одобряли американцев, обезумевших от страха перед Советским Союзом и поэтому дававших варварам поддержку и оружие, тренировавших юного суданца по имени Усама бен Ладен и кричавших: «Ура героическому афганскому народу! Долой Советский Союз! Советский Союз вон из Афганиста-а-ана!» Ну что ж... Советский Союз ушел. Усама бен Ладен остался и послал своих камикадзе в Америку. Кто должен этому радоваться?

Многие не радуются, но и не печалются. Они просто

об этом не думают. Что мне за дело, возражают они, Америка очень далеко. Между Европой и Америкой – океан. Э нет, господа. Нет океана – есть полоска воды. Потому что, когда судьба Запада под вопросом, когда выживание нашей цивилизации в опасности, Нью-Йорк – это мы. Америка – это мы. Мы итальянцы, французы, англичане, немцы, швейцарцы, австрийцы, датчане, венгры, словаки, поляки, бельгийцы, испанцы, греки, португальцы, скандинавы, русские... Да, даже русские, поскольку у Москвы те же проблемы, связанные с терроризмом, – теракты, которые устраивают мусульмане из Чечни. Америка – это мы, говорю я вам. Если Америка потерпит крах, Европа тоже погибнет. Весь Запад потерпит крах. Мы все потерпим крах. И не только в финансовом плане – единственное, чего многие боятся. (Однажды, будучи молодой и наивной, я сказала сценаристу Артуру Миллеру: «Вы, американцы, мерите все деньгами, вы только и беспокоитесь что о дурацких деньгах». Артур Миллер засмеялся и парировал: «А вы нет?») Мы погибнем во всех отношениях, друзья мои. Потому что наша цивилизация умрет, и дело кончится минаретами вместо колоколен, паранджами вместо мини-юбок, верблюжьим молоком вместо наших коктейлей...

Неужели вы не способны это понять, черт побери?! Блэр понял. Вскоре после трагедии он приехал сюда и выразил свою солидарность Бушу. Солидарность, ко-

торая основывалась не на болтовне и жалобах, а на фактах. Предложил военный альянс. Ширак не предложил. Как знаешь, он тоже приехал сюда. С визитом, согласованным заранее, а не спонтанно, как следовало бы при подобных обстоятельствах. Приехал, увидел руины башен-близнецов, осознал, что мертвых — непроизносимое число, но не пошел на компромисс с самим собой. Во время интервью на CNN Кристиан Аманпур четыре раза задавал ему вопрос о том, каким образом и до какой степени французы намереваются выступить против джихада. И четырежды он уходил от ответа, ускользал, как угорь, я имею в виду, он отвечал так неискренне и нерешительно-робко, что мне хотелось крикнуть: «Месье президент, разве вы не помните высадку десанта в Нормандии? Разве вы не знаете, сколько американцев погибло в Нормандии, чтобы изгнать из Франции нацистов?!»

Беда, наверное, в том, что я не вижу Ричарда Львиное Сердце ни в одном из европейских лидеров. И того меньше Ричардов я нахожу в моей стране, где, когда я пишу это письмо, а именно в конце сентября 2001 года, ни один сообщник или подозреваемый сообщник бен Ладена до сих пор не был пойман и арестован. Ну что же вы, господин премьер-министр Италии? Мечети Милана, Турина и Рима просто переполнены террористами или кандидатами в террористы, мечтающими взорвать наши колокольни, наши купола! Неужели ва-

ши полицейские настолько недееспособны, а ваши люди из секретной службы так дурно осведомлены, так пугливы? Неужели ваши чиновники настолько бездарны? Или все ваши бородатые гости совсем невинны, совсем не связаны с тем, что случилось в Америке? Может быть, страх не дает вам опознать и арестовать этих людей? Боже! Я не отрицаю ничье право на страх. Тысячу раз я писала: тот, кто заявляет, что не испытывает страха, либо лжец, либо идиот, либо и то и другое. Но в Жизни и в Истории есть моменты, когда страх недопустим. Моменты, когда страх безнравственен и дик. Те, кто по слабости, по глупости или по привычке сидеть на двух стульях уходит от обязательств, наложенных этой войной, являются не только трусами, но и мазохистами.

* * *

Это мазохисты, да-да, мазохисты. В связи с этим давайте, наконец, поговорим о том, что вы называете контрастом-между-двумя-культурами. Двумя?! Я, честно говоря, испытываю дискомфорт при одном упоминании о «двух культурах». Когда их ставят на один и тот же уровень, словно две параллельные действительности. Две действительности, имеющие одинаковые значение и ценность. Не стоит так скромничать, господа.

Наша культура – это Гомер, Фидий, Сократ, Платон, Аристотель, Архимед. Древняя Греция с ее божественной культурой и архитектурой, поэзией и философией, с ее принципами демократии. Древний Рим с его великолепием, с его понятием Закона, литературой, дворцами, амфитеатрами, с его водопроводом, мостами, дорогами, которые построены римлянами по всему миру. Наша культура – это революционер по имени Иисус, который умер на кресте, чтобы научить нас любви и справедливости. Тем хуже для нас, если мы этому не научились. Наша культура – Церковь. Да, я знаю, церковь дала нам инквизицию, мучила и пытала нас, сжигала нас на костре, угнетала нас веками, веками обзывала нас ваять Иисусов и мадонн, мучеников и блаженных. Церковь чуть не убила Галилео Галилея, унизила его, принудила предать самого себя и свои знания. Но в то же время она внесла огромный вклад в историю мысли. После инквизиции церковь начала меняться. И даже такой антиклерикальный, как я, человек не может этого отрицать.

Затем было пробуждение культуры, которое началось и расцвело во Флоренции, в Тоскане, вернуло Человека в центр Вселенной и примирило его потребность в свободе с его потребностью в Боге. Я имею в виду Возрождение. Благодаря Возрождению у нас есть Леонардо да Винчи, Микеланджело, Донателло, Рафаэль, Лоренцо Великолепный. (Первые приходящие в

голову имена). Есть и наследство Эразма Роттердамского, Монтеня, Томаса Мора и Декарта. Есть также Просвещение, Руссо, Вольтер, энциклопедисты. Музыка Моцарта и Баха, Бетховена, Россини, Доницетти, вплоть до Верди, Пуччини... Это музыка, без которой мы не можем жить и которая для мусульманской культуры – стыд и великое преступление. Проклятия, по их мнению, заслуживает любой, кто насвистывает песню или мурлычет колыбельную. «В крайнем случае могу позволить вам какой-нибудь солдатский марш», – сказал мне Хомейни во время интервью в Куме. Наконец, слава Богу, у нас есть наука и технология как ее производное. Наука, которая всего лишь за несколько веков совершила захватывающие дух открытия, поистине изменив лицо планеты. Технология, которая создавала и создает чудеса, достойные волшебника Мерлина... Хватит глупостей, господа. Коперник, Галилей, Ньютон, Дарвин, Пастер, Эйнштейн не были последователями Пророка. Согласны? Мотор, телеграф, электролампочка, то есть электричество, фотография, телефон, радио, телевидение не были изобретены какими-то там муллами или аятоллами. Не так ли? Поезд, автомобиль, самолет, вертолет (который придумал и спроектировал Леонардо), космические корабли, на которых мы полетели на Луну и на Марс и скоро полетим Бог знает куда. Согласны? Пересадка сердца и печени, глаз и легких, лекарства от рака, открытие ге-

нома – также. Разве не так? И не надо забывать о высоких стандартах жизни, достигнутых западной культурой на всех социальных уровнях. На Западе мы больше не умираем от голода и от излечимых болезней, как это происходит в мусульманских странах. Согласны? Но даже если считать, что все эти достижения не важны (в чем я лично сомневаюсь), скажите мне, какие завоевания принадлежат другой культуре, культуре фанатиков с бородой, чадрой и паранджой?

Как ни крути, единственное, что я нахожу в той культуре, так это Пророк с его священной книгой, ужасно нелепой, несмотря на то, что она является плагиатом из Библии, из Евангелия, из Торы и из трудов мыслителей греческой и египетской культуры эллинистического периода. Я нахожу у них только Аверроэса с его неоспоримыми заслугами ученого (комментарии к Аристотелю и т. д.), Омара Хайяма с его прекрасной поэзией... плюс несколько красивых мечетей. Никаких иных достижений ни на полях Искусства, ни в садах Мысли. Ни в мире науки, технологии или бытоустройства... Когда я упоминаю эту истину, некоторые вспоминают о математике. Все на том же крике, все с теми же брызгами зловонной слюны в лицо в 1972 году Арафат оповестил меня, что его культура была высшей по отношению к моей, потому что его предки изобрели математику и числа. Кстати, «стрекозы»: почему это он может использовать слово «высшая», а я не могу? Но

вместе со слабым умом и сильным невежеством Арафат обладает еще и очень короткой памятью. Так вот, господин болтун, давайте проясним это раз и навсегда. Ваши предки не изобрели математику. Математика была изобретена более или менее в одно и то же время арабами, индийцами, греками, майя, народами Месопотамии. Проверьте. Не изобрели ваши предки и числа, они просто нашли новый способ их написания. Способ, который мы, неверные, адаптировали, тем самым облегчая и ускоряя открытия, так вами и не сделанные. Найти новый способ записи, согласна, очень похвально и несомненно достойно награды. Но этого недостаточно для того, чтобы говорить о превосходстве исламской культуры над западной. Следовательно, я могу снова заявить: кроме Аверроэса и некоторых поэтов, нескольких мечетей и нового способа записи чисел, ваши предки оставили одну книгу и все. Они оставили Коран, книгу, которая тысячу четыреста лет действовала человечеству на нервы, наверное, сильнее, чем Библия, Евангелие и Тора вместе взятые. Хотелось бы понять, почему «стрекозы», особенно европейские, уважают Коран больше, чем уважали «Капитал» Карла Маркса.

Может быть, потому, что он заключает в себе лицемерную проповедь Мира, Братства и Справедливости? О! Для того чтобы держать арабов-американцев в спокойствии и лояльности, даже Джордж Буш продолжа-

ет говорить, что ислам проповедует мир, братство и справедливость. А где же логика? Если Коран действительно зовет к миру, братству, справедливости, то как быть с его заповедью «глаз-за-глаз-зуб-за-зуб»? То же самое можно найти в Библии и в Торе. Но для мусульман это соль жизни. Как быть с навязыванием чадры и паранджи, той паранджи, под которой мусульманские женщины превращаются в бесформенные кули и смотрят на мир сквозь частую сетку, вшитую в ткань на уровне глаз? Как быть с фактом того, что в большинстве исламских стран женщины не могут посещать школу, обращаться к врачу, они стоят меньше, чем верблюд, и т. д. и т. д. и т. д., аминь. Как быть с чудовищностью казней – побивания камнями или обезглавливания – жен, нарушивших супружескую верность? (На неверных мужей это не распространяется). Как оправдать наказание смертной казнью тех, кто употребляет спиртное, и наказание увечьем для воров: за первую кражу – отрубается левая рука, за вторую – правая, за третью – левая нога, затем уж не знаю что и отрубают? Это тоже предписывается Кораном, да или нет? Так вот, я не усматриваю в этом большой справедливости, большого чувства братства, большого миролюбия. Не говоря о том, что я не вижу в этом большого ума. Кстати говоря, об уме: почему итальянские ультралевые «стрекозы» не принимают подобные замечания? Почему, едва прочитав или услышав их, они в припад-

ке бешенства кричат: «Невыносимо, недопустимо, позорно»? Неужто они все обратились в ислам или ведут себя таким образом в угоду своему новому партнеру, я имею в виду необъяснимо происламскую католическую церковь? Ну что ж... Мой дядя Бруно был прав, когда говорил: «В Италии не было Реформации, но в Италии самая интенсивная, самая убийственная Контрреформация».

Хорошо. Это был ответ на твой вопрос о «Контрасте между двумя культурами». В этом мире есть место для всех. В собственных домах, в собственных странах люди пусть делают то, что хотят. Следовательно, если женщины, живущие в исламских странах, глупы настолько, чтобы носить чадру и паранджу, глупы настолько, чтобы соглашаться стоять меньше, чем верблюд, если они настолько безрассудно глупы, чтобы выходить замуж за развратника, желающего иметь четырех жен, что же, тем хуже для них. Если мужчины глупы настолько, чтобы отказываться от бокала вина или кружки пива, то же самое. Я не стану вмешиваться в выбранные ими решения. Меня воспитывали в уважении к свободе, черт побери, и моя мама обычно говорила: «Мир прекрасен, потому что он разнообразен». Но если они пытаются навязать свою ненормальность мне, моей жизни, моей стране, если они хотят подменить мою культуру своей культурой... Пытаются! Усама бен Ладен объявил, что вся планета Земля

должна стать мусульманской, что по-хорошему или по-плохому, но он обратит нас в ислам, и для того чтобы достичь этой цели, он убивает и будет продолжать убивать нас. На это, думаю, не согласны ни самые глупые простаки, ни самые циничные из сторонников ислама. Так могу ли принять это я! Значит, надо в самом срочном порядке поменяться ролями и убить его... Проблема в том, что решение не зависит от смерти Усамы бен Ладена. Потому что бен Ладенов теперь слишком много, они клонированы, как овца нашими исследовательскими лабораториями.

К тому же речь уже не идет об отважных маврах, завоевавших Испанию и Португалию верхом на верблюдах и с золотыми саблями наперевес. Времена меняются. Сегодня речь идет о рациональных убийцах, которых мы обучаем управлению 757-м «Боингом», использованию супероснащенного компьютера, созданию атомного оружия; учим, как разрушить или заблокировать электрическую систему, коммуникационную систему, финансовую, как распространить эпидемию; как шантажировать правительство, как манипулировать Римским Папой, как соблазнять и эксплуатировать медиа- и интеллектуальный или так называемый интеллектуальный мир. А именно – как влиять на западные умы (включая умы людей честных, добросовестных) путем контролирования всего, что окружает западных людей в повседневной жизни.

Поэтому самые вымуштрованные и умные из мусульман не остаются в мусульманских странах, в пещерах Афганистана или в мечетях Ирана и Пакистана. Они остаются в наших странах, в наших городах, в наших университетах, в наших деловых компаниях. Они налаживают блестящие связи с нашими церквями, нашими банками, нашими телевидением, радио, газетами, издателями, нашими академическими организациями, союзами, нашими политическими партиями. Они проникают в сердце наших технологических систем. Хуже того: они живут в сердце общества, которое принимает их без вопросов об отличиях их взглядов от наших, без проверки их намерений, без мер наказания их зловещего фанатизма. В сердце общества, которое относится к ним в духе своей либеральной демократии, в духе толерантности, христианского сострадания. Согласно принципам терпимости, цивилизованных законов; законов, отменяющих пытку и смертную казнь, не допускающих лишения свободы до того момента, когда факт преступления доказан, не открывающих судебный процесс в отсутствие защитника подсудимого, не выносящих приговор, если обвинение не было доказано. Эти наши законы я назвала бы «дырявыми», полными лазеек, позволяющих отменить приговор или освободить правонарушителя. Не благодаря ли этим лазейкам наши гости селятся на нашей территории, вмешиваются в нашу жизнь, распоряжа-

ются нами? На Ватиканском соборе в октябре 1999 года, который был посвящен обсуждению взаимоотношений между христианами и мусульманами, известный исламский ученый, обращаясь к ошеломленной публике, заявил с безмятежной наглостью: «Используя вашу демократию, мы захватим вас, используя нашу религию, мы будем господствовать над вами». (Шокирующий рассказ о происходящем я получила от одного из участников, кардинала Джузеппе Бернардини, архиепископа турецкого города Смирны).

Как видишь, их обратный крестовый поход не нуждается в современном бесстрашном Саладине или в ком-то типа Наполеона, для того чтобы оккупировать и расширяться. С саладинами и наполеонами или без них, они пытаются это сделать, таков непреложный факт. Налицо постоянно, неуклонно растущая реальность, которую Запад бессмысленно питает и поддерживает. Поэтому крестоносцев становится все больше и больше, и требуют они и распоряжаются всем на свете все больше и больше. Вот почему (если мы останемся инертными) их будет еще больше и еще больше. Они всегда будут требовать, лезть в наши дела и распоряжаться нами. До тех пор, пока не подчинят нас себе. Следовательно, иметь с ними дело – невозможно. Попытка диалога с ними – немыслима. Проявлять по отношению к ним снисхождение и терпимость – губительно. И тот, кто думает обратное, – дурак.

Поверьте мне, которая изучила мусульманский мир довольно подробно. Я наблюдала мусульман в Иране, Пакистане, Бангладеш, Саудовской Аравии, Кувейте, Ливии, Иордании, Ливане, в Африке и даже в Италии. Я видела самые невероятные вещи, способные лишь укрепить мою позицию. Ох, не могу забыть, как в Риме я просила иранскую визу для интервью с Хомейни. Я пришла в иранское посольство с ногтями, покрытыми красным лаком. Для крайне фанатичного мусульманина – признак аморальности, уголовное преступление, за которое обвиняемой могут отрубить пальцы. Трясаясь от негодования, официальное лицо посольства приказало мне ликвидировать этот красный лак, и если бы я ответила, что именно я желала бы ликвидировать в нижней части тела у него самого, он наказал бы меня без всякого сомнения. Не могу забыть, и как в святом городе Кум передо мной из-за того, что я женщина, были закрыты двери во всех отелях, во всех публичных местах. На интервью с Хомейни я должна была надеть чадру. Чтобы надеть чадру, я должна была снять джинсы, чтобы снять джинсы – надо где-то спрятаться, и, конечно, я бы могла проделать эту операцию в машине, на которой я приехала из Тегерана, но мой переводчик умолял меня не делать этого. «Пожалуйста, мадам, пожалуйста, не надо! За такую вещь в Куме мы оба рискуем смертной казнью». Отказ за отказом, нас пустили только в бывший королевский дворец,

ныне здание городской администрации. Милосердный охранник пустил нас внутрь. Мы добрались до роскошной комнаты отдыха, все еще меблированной трон (трон бывшего шаха Резы Пехлеви), где я почувствовала себя как Дева Мария, укрывшаяся в стойле, чтобы разрешиться Младенцем. Я прикрыла дверь, угадайте, к чему это привело. Коран запрещает неженатой паре оставаться одним в комнате, потому внезапно дверь роскошной комнаты для отдыха настежь распахнулась. Ворвался мулла из Морального контроля и завел свою шарманку: «Как-вам-не-стыдно-как-вам-не-стыдно, это грех, безбожие», утверждая, что есть только один путь избежать ареста – пожениться. Мы должны были подписать свидетельство о краткосрочном браке (на четыре месяца), которым он нервно размахивал, и пожениться немедленно. Однако мой Джозеф, я имею в виду моего переводчика, был уже женат. Вдобавок на испанской девушке, католичке, некоей Консуэло, очень ревливой, а следовательно, не готовой подвергнуться оскорблению, став второй женой. Что касается меня, я вообще ни за кого не хотела выходить замуж. А меньше всего – за иранского мужа ревливой испанской дамы-католички. В то же время, однако, я не хотела быть арестованной и упустить интервью с Хомейни. Итак, я боролась с дилеммой – выйти-замуж-или-не-выйти-замуж...

Вы смеетесь, конечно. Для вас это просто смешной

случай. Анекдот. Я не стану досказывать конец истории, догадайтесь, вышла я за него замуж или нет. А чтобы вы не смеялись, а плакали, я расскажу историю о двенадцати нечистых мужчинах (в чем была их нечистота, я так никогда и не узнала), которых в 1975 году сыны Аллаха казнили в Дакке, Бангладеш. Их казнили на стадионе штыковым ударом в грудную клетку в присутствии двадцати тысяч верующих, которые, сидя на трибуне, бормотали: «Аллах акбар, Аллах акбар. Бог велик, Бог велик...» О да, я прекрасно знаю, о чем ты думаешь: древние римляне, думаешь ты, те римляне, которыми моя культура гордится, развлекались, глядя на то, как львы пожирали христиан. По всей Европе католики, те католики, чей вклад в историю мысли я признаю и уважаю, веселились, глядя на горящих живьем еретиков. Но прошло очень много времени, и с тех пор мы стали немножко более цивилизованными, и сынам Аллаха тоже следовало бы понять, что так поступать не следует. Но они же поступают! После нечистых молодых мужчин они убили десятилетнего ребенка, который, чтобы спасти одного из осужденных, своего брата, бросился на палачей. «Не-бейте-брата, не-бейте-брата». Они раздробили ему голову каблуками тяжелых башмаков. Не веришь? Прочти мой репортаж или репортажи французских, немецких и британских журналистов, которые тоже были на месте. Более того, посмотри на фотографии, снятые одним из

них. Немцем. Но я все это рассказываю вот зачем. Как только казнь закончилась, две тысячи верующих (многие из них – женщины) покинули трибуны и спустились на поле. Но не беспорядочно и возбужденно, а степенно, в очень торжественной манере. Они построились в колонну, торжественно достигли сцены побоища и, не прерывая свое бормотание: «Аллах Акбар, Бог велик, Аллах акбар», – прошли по трупам. Они превратили трупы в ковер раздробленных костей. Превратили тела в грязь, как башни-близнецы.

Я могла бы продолжать и продолжать рассказ о чудовищных историях. Я могла бы рассказать случаи, о которых никогда не писала в репортажах. Потому что, знаешь, в чем проблема таких людей, как я? Тех, кто видел слишком много? Проблема в том, что в какой-то момент мы привыкаем к ужасам. Не хочется описывать ужасы, будто пережевывать старую жвачку... и мы просто оставляем эти вещи на задворках памяти. О жестокости полигамии, рекомендуемой Кораном и никогда не порицаемой «стрекозами», я могла бы, например, вспомнить рассказ Али Бхутто, пакистанского премьер-министра, которого потом повесили политические противники, активные мусульмане. Я была хорошо знакома с Али Бхутто. Чтобы взять у него интервью, я пробыла с ним бок о бок две недели. И как-то вечером в Карачи, без какого бы то ни было подстегивания с моей стороны, он рассказал мне историю сво-

ей первой женитьбы, женитьбы, отпразднованной, несмотря на его отчаяние («Я не хочу жениться, я не хочу», – твердил он тогда), когда ему не было еще и тринадцати лет. Жена была красивая кузина, зрелая женщина почти тридцати лет. Он рассказывал и плакал. Слезы скользили у него по носу и попадали на губы, а он их слизывал. Но потом он попросил меня убрать некоторые детали из рассказа. Я убрала, потому что всегда испытывала глубокое уважение к тайнам людей. Включая врагов и глав государств. Более того, я всегда ощущала сильную неловкость, когда они говорили о глубоко личном. Видел бы ты, как поспешно я оборвала Голду Меир, когда она начала рассказывать, до чего недоволен был ее муж из-за ее страсти к политике. «Голда, вы уверены, что хотите говорить со мной об этом?» Но пару лет спустя я встретила Бхутто снова. Я встретила его в Риме, в книжном магазине, случайно. Оба обрадованные неожиданной встречей, мы пошли выпить чаю, во время чаепития мы начали говорить об исламе, и неожиданно он воскликнул: «Я был не прав, когда просил вас убрать детали моей первой женитьбы. Следовало бы рассказать всю историю целиком». Вся история целиком началась с того, что его шантажировали, заставляя жениться. Когда он кричал: «Я-не-хочу-жениться-я-не-хочу!» «Если ты женишься, мы подарим тебе ролики и крикетные клюшки, которые ты так просишь», – ответили ему. Потом был свадебный

прием, в котором невеста не участвовала, потому что мусульманская женщина не может принимать участие ни в одной публичной церемонии, даже в собственной свадебной. Потом свадьба должна была завершиться, но не завершилась первой брачной ночью. «Я даже не пытался. Несмотря на внешность, я действительно был мальчиком, ребенком, честное слово. Я не знал, с чего начать, и, вместо того чтобы помочь мне, она плакала. Она плакала, плакала. Вскоре я тоже начал плакать вместе с ней и затем, устав от плача, заснул у нее на руках. На следующий день я уехал из Карачи в Лондон учиться в колледже. Поэтому я увидел ее снова только после моей второй женитьбы, будучи уже взрослым мужчиной, влюбленным в свою вторую жену. Мы оказались наедине друг с другом в ее одиноком доме в Ларкане, она мне очень понравилась. Она была все ещё такой красивой... Но как бы это объяснить? Видите ли, я люблю женщин. Я не практикую целомудрие. Некоторые считают меня волокитой. Но от нее у меня так и нет детей. Я имею в виду, что и не могло бы быть детей. Память о нашей первой ночи постоянно мешала мне выполнить свои супружеские обязанности... И когда я приезжаю в Ларкану, где она живет совсем одна, забытая всеми, потому что если она только дотронется до другого мужчины, то будет обвинена в прелюбодеянии и умрет, забитая камнями, я стыжусь себя и своей религии. Презренная вещь – многоженство.

Презренная вещь – брак поговору. Ни одна религия не является такой деспотичной, как моя».

(Бхутто, где бы вы ни были, и даже если, увы, вы только под землей и нигде больше, ваша просьба, сказанная мне в Риме, выполнена. Бедный вы человек, я ничего для вас не сделала, когда военная хунта чудовищного генерала Зия свергла ваше правительство и повесила вас как преступника в тюрьме. Что я могла? Сейчас история вашей печальной первой женитьбы рассказана так, как вы хотели).

Теперь забудь об Али Бхутто, забудь о варварской казни отчаявшегося мальчика и двенадцати молодых мужчин в Дакке. Забудь о мулле из Морального контроля и моей бывшей или не бывшей свадьбе в Куме, забудь о комичном случае с красными ногтями и следуй за мной по дороге презрения, которое мусульмане питают к нам, женщинам. Презрения, с которым я столкнулась даже при обстоятельствах, вроде бы подразумевающих отмену культа условных приличий. В 1973-м, к примеру, я находилась при подразделении палестинских федаинов, временно на территории Иордании. Иорданский король Хусейн был единственным приятным и цивилизованным лидером, кроме моего казненного друга, из всех мне известных в исламском мире. Настолько цивилизованным, что, когда ему хотелось взять себе новую жену, он разводился. Никакого многоженства. Настолько приятным, что, когда во вре-

мя интервью я призналась ему, что мне трудно обращаться к человеку со словами «Ваше Величество», он весело воскликнул: «Тогда зовите меня просто Хусейн! Профессия короля – такая же работа, как и другие».

Так вот, пример. Как-то ночью израильтяне предприняли воздушный налет на секретную базу, которую я посещала в качестве репортера. Все побежали к укрытию, устроенному в горной пещере, я со всеми, но командир остановил меня. Он сказал, что непристойно женщине находиться бок о бок с его мужчинами, и затем приказал своим адъютантам разместить меня где-нибудь еще. Догадайтесь, что эти ублюдки придумали: меня заперли в стоящем на отшибе деревянном сарае, который был хранилищем динамита. Я поняла это, когда щелкнула зажигалкой и увидела ящики со штампом: «Взрывоопасно». Но и это не самое страшное. Страшнее всего, что они заперли меня там не случайно и не по ошибке. Они сделали это специально, смеха ради. Мой риск взлететь на воздух при взрыве им казался самой смешной шуткой на земле. Когда воздушный налет закончился, они удовлетворенно ржали: «Нам никогда не было так весело».

Я поведу тебя по дороге презрения на просмотр документального фильма, недавно снятого в Афганистане замечательной документалисткой из Лондона. Документальный фильм этот – настолько ужасающий, настолько приводящий в бешенство, душераздирающий,

что он застал меня врасплох, несмотря на то, что титры сначала показались раздражающими: «Предупреждаем зрителей, что в фильме содержатся съемки, нарушающие душевное спокойствие». Ты не видел? Его транслировали в Италии? Транслировали или нет, скажу тебе сразу, что это действительно были «съемки, нарушающие душевное спокойствие». Была заснята казнь трех женщин в паранджах, повинных неизвестно в чем. Казнь происходила на площади в Кабуле, рядом с заброшенной парковкой. И вот на эту заброшенную парковку неожиданно приезжает машина, маленький грузовик, из которого их выталкивают наружу. Паранджа первой женщины – коричневая. Паранджа второй женщины – белая. Паранджа третьей – светло-голубая. Женщина в коричневой парандже явно вне себя от ужаса. Она едва держится на ногах, ее шатает. Женщина в белой парандже, похоже, в полубессознательном состоянии, она продолжает идти неверными шагами, словно боясь упасть и ушибиться. Женщина в светло-голубой парандже, маленького роста и очень хрупкая идет, наоборот, твердыми шагами и в какой-то момент останавливается. Она пытается ободрить жестом своих спутниц. Но бородатый бандит в юбке и тюрбане вмешивается и пинками разгоняет их, заставляет встать на колени на асфальт. Сцена разворачивается на глазах у людей, которые проходят мимо или едят финики, или ковыряют в носу так лениво и так

безразлично, как будто неотвратимые смерти не имеют никакого значения. Только молодой мужчина, стоя на краю площади, смотрит с любопытством. Казнь проходит очень быстро. Никаких барабанов или зачитывания какого-то приговора. Я имею в виду, не было ни церемонии, ни претензии на церемонию. Едва женщины опустились на колени на асфальт, как другой бородастый бандит в юбке и в тюрбане появляется из ниоткуда с автоматом в правой руке. Он несет автомат, как продуктовую кошелку, с ленивым, скучающим видом, как будто убийство женщин – обычное занятие в его каждодневной жизни. Он идет по направлению к трем неподвижным фигурам. Настолько неподвижным, что они уже не кажутся человеческими. Они кажутся тремя тюками, брошенными на землю. Он подходит к ним со спины, как вор. Он подходит к ним и без колебания, застав нас врасплох, подносит автомат в упор в затылок той, что в коричневой парандже. Она падает вперед. Мертва. Затем, все с тем же ленивым и скучающим видом, он передвигается левее и втыкает автомат в затылок той, что в белой парандже. Она тоже падает ничком. Он опять переходит левее. Останавливается почесать себе причинное место. Стреляет в затылок маленькой, в светло-голубой парандже, которая, вместо того чтобы упасть вперед, остается на долгое мгновение на коленях. Ее торс держится вертикально прямо. Неистово прямо. Затем она заваливается набок

и последним движением сопротивления приподнимает кайму паранджи, и обнажает ногу. Но с ледяной невозмутимостью он возвращает ткань на место и зовет могильщиков. Оставляя на земле три широченные ленты крови, могильщики хватают трупы за ноги и тащат их прочь. В кадре появляется государственный министр иностранных дел и министр юстиции господин Вакиль Мотавакиль. Я действительно записала его имя. Внимательно... Мы ведь никогда не знаем, какие возможности нам готовит жизнь. Может, однажды я встречу его на безлюдной дороге и, перед тем как сделать то, о чем мечтаю, для очистки совести проверю его паспорт. «Вы действительно господин Вакиль Мотавакиль?»

Тридцати – сорокалетний кусок сала, этот мистер Вакиль Мотавакиль. Очень крепкий, очень бородатый, очень усатый кусок коричневого сала. У него пронзительный голос евнуха, и, говоря о казни трех женщин, он вне себя от восторга. Он весь трясется, как горшок со студнем, он пищит: «Это радостный день. Сегодня наш добрый город снова обрел мир и спокойствие». Однако при этом он не говорит о том, каким образом три женщины лишили этот город мира и спокойствия. Он не упоминает о причине, по которой они были осуждены и казнены. Сняли с себя паранджу? Подняли покрывала с лиц, чтобы выпить стакан воды? Нарушили запрет петь, напевали колыбельную песню своим новорожденным детям? Или преступление их заклю-

Чалось в том, что они смеялись?

Да, господа, смеялись. Я написала «смеялись». Разве вы не знаете, что мусульмане-фундаменталисты за-прещают женщинам смеяться? Я задаю себе эти во-просы, когда Вакиль Мотавакиль исчезает и на экране появляются хорошенькие девушки без паранджи. Де-вушки с непокрытыми лицами, голыми руками, в пла-тях с глубокими вырезами. Одна завивает волосы, другая красит глаза, еще одна красит губы и ногти красным. Они шутят, смеются... Я делаю вывод, что мы больше не в Афганистане, наверное, умная кор-респондентка вернулась со своей группой в Лондон и документальный фильм заканчивается сценой облег-чения и надежды. Но нет! Мы все еще в Кабуле. Го-лос автора звучит сдавленно, придушенно. Этим сда-вленным, придушенным голосом она шепчет: «Мы на-ходимся в одном из нелегальных заведений города. Это нелегальное и опасное место – парикмахерский салон».

Я вдруг с содроганием вспоминаю то зло, которое в 1980 году я невольно причинила парикмахеру в Те-геране, чья парикмахерская, называвшаяся «У Баши-ра. Дамского парикмахера», была закрыта правитель-ством как проклятое место. Не обсуждая причину, по которой она была закрыта, и используя тот факт, что он был моим поклонником, имел в доме все мои книги, переведенные на фарси, я убедила его открыть парик-

махерскую. «Пожалуйста, Башир, пожалуйста. Только на полчаса. Мне необходимо вымыть волосы, а в моем номере нет горячей воды». Бедный Башир. Сорвав печати и разрешив мне войти в пустую парикмахерскую, он трясся, как мокрый пес, и повторял: «Мадам, мадам! Вы не понимаете того риска, которому мы подвергаемся. Если кто-то застанет нас здесь врасплох, если кто-то узнает, я попаду в тюрьму, да и вы тоже». Ну что ж, никто не застал нас врасплох, в то время как дрожа, словно мокрый нес, он мыл мне голову. Консьерж следил за дверью. Но восемь месяцев спустя, когда я вернулась в Тегеран (другая безобразная история, о которой я никогда не писала), то справилась о Башире, и мне ответили: «Неужели вы не знаете? Кто-то узнал и донес властям в комитет Морального контроля. Едва вы уехали, Башир был арестован по обвинению в непристойном поведении, и теперь он все еще в тюрьме».

Я вспомнила все это и наконец поняла почти наверняка, что тех трех женщин казнили за то, что они были в парикмахерской. Я наконец поняла, что они были тремя сопротивляющимися, тремя героинями. Теперь скажи мне: это и есть «культура», о которой ты упоминаешь, когда почтительно произносишь «контраст-между-двумя-культурами»?!

Нет, дорогой мой, нет. Одержимая своей навязчивой идеей свободы, я только что тут выше написала, что

В этом мире есть место для каждого, и что, как говорила моя мама, мир-прекрасен-потому-что-он-разнообразен. Я также написала, что тем хуже для женщин, которые настолько глупы, чтобы принимать свое рабство, важно чтобы их рабство не распространялось на меня. Но я была не права. Совершенно не права. Потому что забыла, что свобода, отделенная от справедливости, это лишь половина свободы, и что защищать только свою свободу – значит оскорблять справедливость. Ныне, прося прощение, как просит Иоанн Павел Второй за своих предков, участников крестовых походов, я прошу прощения у трех героинь Кабула, у всех женщин, казненных и отданных под пытки, униженных, одураченных мусульманами до такой степени, что они присоединились к шествию на стадионе в Дакке. Я заявляю, что их трагедия касается и меня тоже. Это касается каждого из нас, включая «стрекоз».

Мужчинам-"стрекозам", то есть эгоистам, которые рта не откроют по этому поводу, пальцем не пошевелят против паранджи, мне нечего сказать. Что «стрекозам» до низостей, которые мусульманские мужчины совершают по отношению к мусульманским женщинам? Эти низости не имеют отношения к их лицемерному толкованию справедливости, и я подозреваю, что втайне они завидуют Вакилю Мотавакилю. Нередко они сами бьют своих жен и дурно с ними обращаются.

Мне

ничего

сказать

и

гомосексуалистам-"стрекозам". Пожираемые злобой на то, что они не совсем женщины, они ненавидят даже собственных матерей. Женщины для них – только яйцеклетки для клонирования их сомнительного, неопределенного рода.

А вот женщинам-"стрекозам", то есть феминисткам с плохой памятью, у меня, напротив, есть что сказать. Снимите маски, поддельные вы амазонки. Вспомните о годах, когда вместо того, чтобы признать, что собственным примером я проложила путь и наглядно показала, что женщина может выполнять любую работу, как мужчина, даже лучше, чем мужчина, вы поносили меня последними словами! Вспомните, как вместо того, чтобы следовать моим урокам, вы обзывали меня «грязной свиньей, кричащей о превосходстве мужчин», и забросали меня камнями из-за того, что я написала книгу, названную «Письмо нерожденному ребенку» («У нее матка в мозгах»). Прекрасно, куда же подевался ваш исполненный ненависти язвительный феминизм? Во что превратилась ваша поддельная, показная воинственность? Почему, когда речь заходит о ваших мусульманских сестрах, о женщинах, которых пытаются и унижают, и убивают настоящие шовинистские свиньи, кричащие о превосходстве мужчин, вы подражаете молчанию ваших мелких и нелепых мужчин? Почему вы никогда не организовываете тявканья перед посольством Афганистана или Саудовской Ара-

вии, почему вы никогда не поднимаете голоса против низостей, о которых я говорю, почему вы храните молчание, даже если они творятся у вас на глазах? Вы все влюбились, что ли, во врага, в мистера бен Ладена? Или вы все мечтаете, чтобы он вас изнасиловал? Или вам просто наплевать на ваших мусульманских сестер, потому что вы держите их за низших существ? В таком случае, кто расист – вы или я? Правда состоит в том, что вы даже не «стрекозы». Вы просто суматошные курицы, которые только и могут, что размахивать крыльями в курятнике. Кудах-тах-тах, кудах-тах-тах. Теперь дайте мне закончить мысль.

* * *

Пока я в отчаянии сражаюсь за нашу находящуюся в опасности свободу, за нашу культуру, которой угрожают вакили мотавакили и которую унижают их западные покровители, перед моими глазами встает не только апокалиптическая сцена, с которой я начала это письмо. Не только тела, дюжинами летящие с восьмидесятых и девяностых, и сотых этажей, не только первая башня, всасывающая саму себя, проглатывающая саму себя, и не только вторая башня, разжиженная и истаявшая, словно кусок масла. Перед моим мысленным взором два великолепных небоскреба,

которые перестали существовать, сливаются с двумя тысячелетними Буддами, которые разрушены талибами в Афганистане. Четыре фигуры сливаются, и я желаю знать, забыли ли люди об этом разбойном преступлении? Я не забыла. Я смотрю на двух маленьких медных Будд, которые стоят на камине в моей нью-йоркской гостиной (подарок старого кхмерского монаха, преподнесенный мне в Пномпене во время войны в Камбодже), и мое сердце сжимается. Вместо них я вижу двух огромных Будд, вытесанных прямо в скале, возвышающихся над равниной Бамиан. Тысячу лет назад каждый караван, приходящий из Римской империи и уходящий на Дальний Восток, или с Востока шедший в Рим, непременно пересекал эту равнину, этот перекресток, где пролегал легендарный Шелковый путь и смешивались все культуры. Я вижу их, потому что о них знаю все, что мне следовало бы знать. Старший Будда (III век н. э.) был в тридцать пять метров высотой. Второй (IV век н. э.) – пятьдесят четыре. Оба Будды спинами были влиты в скалу и оба были покрыты разноцветной росписью: симфония красного и желтого, зеленого и голубого, коричневого и фиолетового. Их лица и руки были золотыми, и на солнце они блестели, как гигантские ювелирные украшения. Внутренняя поверхность ниш, ныне опустелая, как опустевают глазницы, была покрыта фресками тончайшей работы. Я знаю, что до прихода талибов все краски фресок были

в прекрасном состоянии...

У меня сжимается сердце, потому что перед произведениями искусства я испытываю такое же благоговение, как мусульмане перед могилой Пророка и его Кораном. Для меня произведение искусства так же свято, как для них Мекка, и чем старше оно, тем более святым становится. Впрочем, любой предмет Прошлого для меня свят. Ископаемое, пергамент, стертая монета, всякое свидетельство того, чем мы были, что делали. Прошлое будит мое любопытство сильнее, чем Будущее, и я никогда не устану утверждать, что Будущее – это только гипотеза, вероятность, предположение, то есть – нереальность. В крайнем случае, это надежда, которую мы пытаемся воплотить через мечты и фантазии. Прошлое, наоборот, – это уверенность, конкретность, установленная реальность, школа, без которой нам не обойтись, поскольку, если мы не знаем Прошлого, мы не понимаем Настоящего и не можем повлиять на Будущее, повлиять на него мечтами и фантазиями. Кроме того, всякая вещь, пережившая Прошлое, ценна в моих глазах, потому что заключает в себе иллюзию вечности. Она олицетворяет победу над временем, которое истощает, и убивает, и сводит на нет. Она внушает надежду на то, что победа над Смертью возможна. И так же как культовое чудо Стоунхенджа, как дворец Миноса в Кносе, как пирамиды со сфинксами, как Парфенон, как Колизей, как столетняя черепа-

ха или тысячелетнее дерево, например, величественная секвойя в Сьерра-Неваде, двое Будд Бамиана давали мне все это. Но преступники, но вакили мотавакили разрушили их. Убили их.

У меня сжимается сердце, когда я думаю, как хладнокровно они убили их, с каким холодным прагматизмом и удовольствием они совершили эту низость. Если помнишь, они действовали не в порыве бреда и не во внезапном и сиюминутном припадке слабоумия. В свое время, в 1951 году, вопреки здравому смыслу маоисты разрушили Лхасу. Как пьяные буйволы, ворвались в монастыри, во дворец далай-ламы, сожгли тысячелетние пергаменты, разбили вдребезги тысячелетние алтари, разорвали тысячелетние ризы, расплавили всех золотых и серебряных Будд – да будет им стыдно *ad saecula saeculorum*, amen, во веки веков, аминь. Однако разрушению Лхасы не предшествовали суд и приговор. Разрушение Лхасы не носило характера казни, осуществляемой на основании юридических или предположительно юридических норм. Мир не ведал о случившемся.

А в случае с двумя бамианскими Буддами речь идет о подлинном суде, о подлинном приговоре, основанном на юридических или предположительно юридических нормах и приведенном в исполнение. Это сознательное, преднамеренное преступление, сознательное, просчитанное беззаконие, притом что весь мир

умолял: «Пожалуйста, не надо. Мы заклинаем вас, не делайте этого. Археологические памятники – всемирное наследство, бамианские Будды не причинили никому вреда». Даже ООН и соседние страны: Россия, и Индия, и Таиланд, и Китай (у которого на совести грех Лхасы) – присоединились к этой петиции.

Но приговор исламского Верховного суда Кабула тем не менее был вынесен: «Каждая доисламская статуя будет разрушена. Каждый доисламский символ будет уничтожен. Каждый идол, осуждаемый Пророком, будет стерт в порошок». Этот вердикт был вынесен 26 февраля 2001 года (не 1001-го). В тот самый день, когда талибский режим санкционировал публичные повешения на стадионах и последние права женщин были отняты. В том числе: право смеяться, право носить высокие каблуки, право находиться у себя дома, не завешивая окна черными занавесками. Затем начались разрушение и, помнишь, пулеметные очереди в лица Будд? Помнишь, отлетали носы, разлетались на мелкие части подбородки, постепенно исчезали щеки, крошились руки? Помнишь пресс-конференцию с талибским министром Кадратуллою Джамалем для иностранных журналистов? «Нам было трудно разрушить их. Гранат и пятнадцать тонн взрывчатки, которые мы заложили у подножия двух идов, оказалось недостаточно. Тяжелая артиллерия тоже не помогла – нам удалось повредить только головы. Теперь мы рассчитыва-

ем на помощь дружественной страны, на содействие экспертов по разрушению, и через три дня приговор будет полностью приведен в исполнение». (Что за дружественная страна: Саудовская Аравия или Пакистан? И что за эксперт по разрушению? Не сам ли Усама бен Ладен?) В конце концов окончательная двойная казнь. Два оглушительных взрыва. Два густых облака. Похожи на облака, которые по прошествии шести месяцев поднялись над нью-йоркскими башнями. Я вспомнила своего друга Кондуне.

Потому что, видишь ли, в 1968-м я взяла интервью у одного восхитительного человека. У самого миролюбивого, самого кроткого, самого терпимого, самого мудрого из всех, кого я когда-либо встречала в своей бродяжьей жизни, – у теперешнего далай-ламы, монаха, которого буддисты называют живым Буддой. Ему в то время было тридцать три года. Немногим младше меня. Последние девять лет он – папа без церкви, король без королевства, Бог в ссылке. Ведь он жил в Дхарамсале, в городе у подножия Гималаев и почти на границе между Кашмиром и Прадешем, где индийское правительство приютило его с несколькими тысячами тибетцев, бежавших из Лхасы. Это была странная, незабываемая встреча. Мы пили чай в его маленьком домике с видом на сияющие белые горы и серебряные остроконечные, как ножи, ледники, мы гуляли по зеленым лужайкам, наполненным запахом роз, мы прове-

ли вдвоем тот день с раннего утра до позднего вечера. Он говорил. Я слушала. О, этот молодой Бог сразу понял, что я не чту Богов. Его миндалевидные глаза, которым обрамленные в золотую оправу линзы придавали особую пронизательность, пристально наблюдали за мной с самого момента моего приезда. И все же он посвятил мне целый день и безгранично великодушно обращался со мной так, как если бы я была старым другом или девушкой, за которой ухаживают. Он даже проявил по отношению ко мне самый трогательный знак расположения, когда-либо полученный мной от мужчины. Пожаловавшись на невыносимую жару, он вышел переодеться. Вместо драгоценной кашемировой накидки, надетой на голое тело, он надел легкую футболку с изображением Попая, персонажа мультфильма, забавного морячка с вечно зажатой в зубах трубкой, который, чтобы стать сильнее, всегда ест консервированный шпинат. И когда я, сквозь смех и не веря своим глазам, спросила его, где он нашел такую дикую одежду и почему надел ее, он с ангельской невозмутимостью ответил: «Я купил ее на рынке в Новом Дели, а надел, чтобы доставить вам удовольствие».

Интервью было каскадом невероятных историй. Унылое детство с книгами и учителями: в шесть лет он изучал санскрит, астрологию и литературу, в десять – диалектику, метафизику и астрономию, в двенадцать – искусство управления. Как Папа. Как король.

Его юность была мрачно проведена в усилиях стать совершенным монахом, преодолевать искушения, подавлять желания. Единственной радостью был огород, где он выращивал гигантские кочаны капусты. Он рассказал и о своей любви к механике и о том, что если бы он имел возможность выбирать профессию, то мог бы стать инженером, не обязательно монахом. Тем более далай-ламой. «В дворцовом гараже я обнаружил три старых автомобиля, которые были присланы в качестве подарка моим предшественникам. Два „Беби Остин“ 1927 года выпуска – один голубого, другой желтого цвета – и оранжевый „Додж“ 1931 года. Они были совсем ржавые, но я вернул их к жизни и даже выучился водить их во внутреннем дворе дворца. Только во внутреннем дворе дворца и можно было ездить. В Лхасе у нас не было дорог. Только тропинки и тропы для мулов». Он рассказал мне о Мао Цзэдуне. В возрасте восемнадцати лет он был приглашен к Мао Цзэдуну в гости, но уехать не смог. Его продержали одиннадцать месяцев.

«Я позволил ему сделать это, потому что полагал, что мое пребывание в Пекине спасет Тибет, однако... Бедный Мао. Вы знаете, было что-то жалкое, трогательное в Мао. Он вызывал какую-то нежность. У него были грязные ботинки, плохо пахло изо рта. Он курил одну сигарету за другой и постоянно говорил о марксизме. Только однажды он сменил тему и признал, что

моя религия – очень хорошая религия. Тем не менее он никогда не говорил глупостей».

Далай-лама рассказал мне о зверствах маоистов в Лхасе и о своем бегстве с Тибета. Ему было двадцать четыре года. Он переоделся солдатом и покинул разграбляемый дворец. Смешался с обезумевшей толпой, добрался до окраины столицы, там украл лошадь и, преследуемый низко летящим китайским самолетом, скакал, спасая жизнь. Пересидев опасность в пещере, снова бежал. Пересидев опасность в кустах, бежал опять. Гора за горой, деревня за деревней, наконец, он прибыл в Дхарамсалу, но для чего? Теперь его подданные разбросаны по всей Индии, по всему Непалу, по всему Сиккиму, после его смерти будет практически невозможно найти преемника, почти наверняка он – последний из далай-лам. О... его голос прервался, когда он произносил это «почти наверняка он – последний из далай-лам». В этом месте я перебила его, я спросила: «Ваше Святейшество, вы способны простить своих врагов?» В ответ – ни да, ни нет, он просто уставился на меня с непониманием, остолбенев. Вновь обрета дыхание, он вскрикнул: «Враги?! Я не считал и не считаю маоистов врагами! У меня нет врагов! Буддист не может иметь врагов!»

В Дхарамсалу я приехала из Вьетнама, помнишь? А во Вьетнаме в том году я на собственной шкуре пережила операцию «тет», майское наступление, осаду

Кхешань, кровавую битву в Хюэ. Другими словами, я прибыла из мира неизлечимой ненависти, мира, где слово «враг» звучало каждую секунду, как ритм нашего сердцебиения. А тут, услышав страстный выкрик «У-меня-нет-врагов, буддист-не-может-иметь-врагов», я потеряла свою обычную беспристрастность. Я, можно сказать, почти влюбилась в этого юного монаха. С его миндалевидными глазами, с его Попаем на футболке, его добротой, его душой. Когда мы расставались, я сказала, что надеюсь встретиться с ним снова, дала ему свои телефоны и рада была слышать его ответ: «Конечно. Но только не называйте меня Ваше Святейшество. Мое имя Кондун».

Мы никогда не встретились с далай-ламой снова, я только успеваю следить по телевизору, как он стареет. Что ж, и я не молодею. Лишь как-то раз один знакомый передал от него привет, («Далай-лама просил напомнить тебе, что его зовут Кондун»). С тех пор не было и приветов. Наши жизни бегут по таким различным направлениям, таким противоположным путям...

Однако под впечатлением той встречи, помня наш разговор, все эти тридцать три года я много читала о буддизме. Я узнала, что в противоположность мусульманам и их девизу «глаз-за-глаз-зуб-за-зуб» буддисты действительно не признают слова «враг». Я узнала, что они никогда не обращали в свою веру силой, никогда не завоевывали земли под знаменем религии,

понятие священной войны им крайне чуждо... Некоторые ученые отрицают это. Они утверждают, что буддизм не такой уж мирный и умеренный, и в доказательство своей теории приводят пример буддистских воинов, живших в Японии много веков назад. Тем не менее даже эти ученые признают, что буддистские воины сражались не для того, чтобы вести священную войну, насильно обращать в свою веру. Факт остается фактом – история буддизма не помнит ни одного Саладина, ни одного Льва IX, Урбана II, Иннокентия II, Пия II, Юлия II, я имею в виду Пап, которые с именем Господа и во имя Его вели полки и устраивали резню. А мусульмане все же воюют и с буддистами. Взрывают их тысячелетние статуи, запрещают им проповедовать собственную религию, обращают буддистов в свою веру силой. И вот я спрашиваю: что на очереди ныне, когда «идолы» Бамиана взорваны, как башни-близнецы? На очереди, видимо, другие неверные, те, кто молится Вишну или Шиве, Брахме, Кришне, Аннапурне? Индийцы, живущие в Кашмире, районе, к оккупации которого Пакистан стремится с момента территориального раздела 1947 года? Другими словами, ненавидят ли эти ненасытные сыны Аллаха только христиан и буддистов, или их цель – поработить всю нашу планету?

Вопрос останется в силе, даже если Усама бен Ладен умрет или обратится в католичество. Если его последователи станут такими же либеральными, как мой

Ко иду н. Ибо я никогда не перестану повторять, что Усама бен Ладен и его последователи – это все лишь современные выразители тенденции, на которую Запад по глупости или циничности закрывал глаза в течение столетий. Да придите в себя! В 1982 году я видела, как они разрушали католические храмы, сжигали распятия, марали образа, мочились на алтари, превращали часовни в отхожие места. Я видела, как они давали волю своему презрению к другим религиям. Я видела их в Бейруте. Бейрут до их появления был таким Богатым, таким счастливым, таким изысканным... Сегодня Бейрут – жалкая копия Дамаска или Исламабада... Палестинцев мирно приняли в Бейруте так же, как тибетцев моего Кондуна мирно приняли индийцы в Дхарамсале. А они мгновенно стали хозяйничать. Под водительством господина Арафата они построили государство в государстве, распространившись по всему Ливану. Перелистай газеты двадцатилетней давности, если не помнишь. Или заново перечитай мой «Иншаллах». Это роман, но он основан на исторических событиях, пережитых тысячами людей и освещенных в репортажах сотен журналистов на всех языках мира. Поблекнут воспоминания, восторжествует лицемерие, но зачеркнуть историю нельзя... Она может быть проигнорирована или забыта, это да. Она может быть фальсифицирована «Большими братьями», по Оруэллу, но отменить ее невозможно.

А кстати, о тех, кто делает вид, будто не знает или не помнит, как все было: почему никто из так называемых левых больше не цитирует предостережения Карла Маркса «Религия – опиум народа»? Почему они не думают протестовать против теократических режимов исламских стран? Подумайте: ни одна исламская страна не управляется демократическим или, по крайней мере, внецерковным правительством. Ни одна! Ни те, что находятся под гнетом военных диктатур, как Ирак, Ливия и Пакистан. Ни те, где существуют абсолютные монархии, как Саудовская Аравия и Йемен. Ни те, что управляются более умеренными монархиями, как Иордания и Марокко. Никто из них и никогда не отклоняется от пути религии, которая контролирует, регулирует и тиранит все свои жертвы в каждый миг их существования... Небольшой пример. Последний король Марокко, довольно часто сходящий за современного парня, никогда не обнародовал ни имени, ни лица своей первой жены – королевы. Дело в том, что назвать имя и показать фотографию женщины, на которой ты женился, – это чересчур современный поступок!

Придите в себя. Такие режимы должны сосуществовать с нашими принципами свободы, демократии, цивилизации? И мы должны мириться с ними во имя терпимости, снисходительности, понимания и плюрализма? Если так, зачем мы сражались сперва с Муссолини и Гитлером, затем со Сталиным и компанией? За-

чем мы вошли во Вьетнам? Почему мы противостояли невыносимому Фиделю Кастро и делаем это до сих пор? Зачем мы бросали бомбы на Югославию Милошевича? Зачем мы действуем как мировые полицейские и убиваем, и объявляем войны врагам свободы, демократии, цивилизации и умираем в этих войнах? Что, эти принципы распространяются только на определенные случаи, только на определенные страны? Разве исламские тирании не столь же неприемлемы и недопустимы, сколь тирании фашистские и коммунистические? Довольно вашей двуличности, вашей двусмысленности, вашего лицемерия, «стрекозы» любой страны и любого языка! Хватит пороть чушь, ответьте, куда подевались ваша независимость от церкви, ваша борьба за отделение школы от церкви, где ваш хваленый либерализм? Да и существовали ли они хоть когда-либо? А если существовали, если что-то в этом роде завалось в дальнем углу вашей нечистой совести, я заострю ваше внимание на следующем вопросе. По какому праву вы осуждаете ортодоксальных евреев, которые носят черные шляпы, как американские меннониты, отращивают бороды, как Усама Бен Ладен, и завивают волосы в локоны, как Дама с камелиями?! Разве что я могу иметь право осуждать их, я, человек свободного духа, независимый от церкви, отрицающий все формы тирании и религиозного вмешательства, не желающий даже слышать выражение «те-

ократическое государство»! Но не вам, у вас нет этого права!

А теперь поговорим о пионерах, которые устраивают свои форпосты, свои поселения в моей стране. В моем городе.

* * *

Я не разбиваю палаток в Мекке. Не езжу читать «Отче Наш» и «Аве Мария» у могилы Пророка. Не езжу мочиться на стены их мечетей, тем более испражняться на них. Когда я бываю в их странах (отчего, надо сказать, не получаю ни малейшего удовольствия), никогда не забываю, что я – гость и иностранка. Я стараюсь не оскорбить их ни одеждой, ни жестами, ни поведением, нормальным для нас, но неприемлемым для них. Я обращаюсь с ними уважительно, с должной вежливостью, с участием. Я приношу извинения, если из-за невежества или отсутствия внимания нарушаю некоторые их правила или религиозные убеждения.

А вот когда в моей памяти два взорванных небоскреба смешиваются с двумя взорванными Буддами, я вижу образ (не апокалиптический, но для меня в равной степени символический) огромной палатки, которая два лета назад обезобразила Соборную площадь во Флоренции. В моем городе.

Огромная палатка, установленная мусульманами из Сомали... Сомали – страна, тесно связанная с Усамой бен Ладеном. Как ты помнишь, кроме того, это страна, где в 1993 году семнадцать морских пехотинцев-миро-творцев были убиты, а над их трупами надругались Мусульмане из Сомали установили эту палатку, чтобы выразить протест итальянскому правительству, в ко-то веки усомнившемся: стоит ли продлевать их пас-порта и разрешать въезд полчищам их родственников: матерей, отцов, братьев, сестер, дядьев, теток, двою-родных братьев и сестер, беременных жен, а следова-тельно, по цепочке, разрешать въезд родственникам их родственников. Палатка была разбита около архи-епископского дворца, на тротуаре, где они по привыч-ке выставляли ботинки, тапки и бутылки воды, кото-рой они моют себе перед молитвой ноги. Итак, палат-ка была размещена прямо перед Собором Санта Ма-рия-дель-Фьоре и в нескольких шагах от Баптистерия. Она была меблирована, как квартира: столы, стулья, шезлонги, матрасы, чтобы спать и совокупляться, при-мусы, чтобы готовить еду и заполнять всю площадь га-рю и вонью. И все нараспашку. Плюс электрическое освещение плюс магнитофон, откуда шел голос му-эдзина, взывающий к правоверным, попрекающий не-верных, и этот голос оскорбительно заглушал прекрас-ный звон колоколов. В дополнение к общей картине – желтые полосы мочи оскверняли тысячелетний мра-

мор Баптистерия, так же как и его золотые двери... Господи! Далеко же стреляют их струи, этих сынов Аллаха! Баптистерий обнесен решеткой, а они через решетку попадали на расстояние более двух метров. Желтые полосы мочи, зловоние экскрементов, перекрывающих вход в Сан Сальваторе-аль-Весково, изумительную романскую церковь IX века, прямо рядом с площадью, и которую сыны Аллаха превратили в отхожее место, как и церкви Бейрута в 1982 году. Ты должен об этом знать.

Ты должен об этом знать, поскольку именно к тебе я взывала, чтобы выступить со страниц твоей газеты, помнишь? Я обратилась и к мэру Флоренции, который сразу же приехал ко мне, тихо перенес мою ярость и осторожно признал справедливость моих протестов: «Вы правы. Действительно правы». Но он не убрал палатку. Забыл... лучше сказать, у него не хватило смелости. Я позвонила и министру иностранных дел, такому же, как я, флорентийцу, говорящему с сильнейшим флорентийским акцентом, обладающему властью разрешать или отказывать в продлении иностранных паспортов. Он тоже тихо перенес мою ярость. Он тоже согласился с тем, что мои протесты законны. «Вы правы. Вы действительно правы». Но он не сделал ничего, чтобы убрать палатку. Как и мэр, он забыл. Или, лучше сказать, смелости не хватило и у него. Затем (по прошествии более трех месяцев) я переменяла тактику.

Я позвонила полицейскому, отвечавшему за безопасность города, и гаркнула в трубку: «Уважаемый полицейский, я не политик. Когда я обещаю что-то, я действительно делаю это. Если до завтрашнего дня вы не уберете чертову палатку, я сожгу ее. Клянусь честью, сожгу ее и даже полк солдат не сможет помешать мне. Можете меня за это арестовывать. Я хочу, чтобы на меня надели наручники, арестовали и заперли, арестовали! Так, чтобы газеты и телевидение сообщили, что Фаллачи была заключена в тюрьму в ее собственном городе за защиту ее собственного города. И вас всех забросают дерьмом». Будучи умнее других, в течение нескольких дней полицейский убрал проклятую палатку. И все, что осталось на ее месте, – огромное и отвратительное пятно на тротуаре. Грязные следы ужасного бивака, простоявшего здесь три с половиной месяца. Но победа моя была жалкой, Пиррова победа, иначе сказать нельзя. Потому что сразу же после этого министр иностранных дел с сильнейшим флорентийским акцентом продлил паспорта сомалийцам и все их просьбы были приняты правительством. Сегодня и протестовавшие, и их отцы, их матери, их братья, их сестры, их дяди, их тети, их двоюродные братья и сестры, их беременные жены, которые тем временем разродились, – все они поселились там, где хотели поселиться. Я имею в виду во Флоренции и других городах Европы. Это была жалкая Пиррова победа, пото-

му что удаление палатки не повлияло на всевозможные надругательства, десятилетиями унижающие город, который некогда был столицей искусства, культуры, красоты. И еще потому, что этот инцидент не остановил других мусульман, вторгающихся в чужие владения. Не остановил албанцев, суданцев, бенгальцев, тунисцев, египтян, алжирцев, пакистанцев, нигерийцев, так горячо содействующих продаже наркотиков. (По-видимому, этот грех не осуждается Кораном). И наши улицы, наши площади заполнили бродячие торговцы, продавцы поддельных часов или карандашей. Постоянные торговцы выставляют свой товар на ковриках, разложенных на тротуарах. Проститутки усердно занимаются своим ремеслом и распространяют СПИД даже на деревенских дорогах. Воры нападают на деревенские дома, особенно ночью, и боже вас упаси посметь встретить их с револьвером в руках, потому что в таком случае в тюрьму сядете именно вы. (Само собой разумеется, в придачу с обвинением в расизме).

Да-да. Все они на своих местах, там же, где находились до того, как мой полицейский велел убрать палатку. Лоточники устроились даже в великолепном внутреннем дворике между двумя аркадами Галереи Уффици. В дворике Вазари. Они загораживают подходы к музеям и библиотекам, то есть к древней Лаврентийской библиотеке (где хранятся такие сокровища, как тысячелетние рукописи поэм Вергилия и средневеко-

вые тома с миниатюрами) и к знаменитой Национальной библиотеке. Они оккупировали площадь около колокольни Джотто, захватили пролет Понте Веккьо, где расположились лагерем перед ювелирными магазинами. Они заняли и набережные Арно. Мои любимые набережные Арно... Они расположились на древних церковных папертях. Расселись на паперти собора Святого Лаврентия, где открыто, наплевав на запреты Пророка, напиваются, а напившись, пристают к женщинам.

Прошлым летом они даже пристали ко мне, к тому времени уже достаточно древней даме. И само собой разумеется, получили что им полагалось за наглость. Один из них до сих пор оплакивает свои гениталии.

Они лезут повсюду под предлогом продажи своего товара. Под «товаром» они имеют в виду сумки и чемоданы, сделанные по запатентованным моделям, то есть подделки. Продают они и плакаты, открытки, дешевые часы, африканские статуэтки, которые туристы-невежи принимают за скульптуры Ренессанса. И, я повторяю, наркотики. «Je connais mes droits (я знаю свои права)», – прошипел мне нигерийский торговец наркотиками по-французски, когда я угрожала ему арестом. Те же самые слова произнес два года назад один юный сын Аллаха на площади Порта Романа, после того как, схватив меня за грудь, получил классический удар в промежность. «Я знаю свои права». Они даже просят и получают финансовую поддержку от муни-

ципалитета. Они требуют и получают разрешение на строительство новых мечетей. Они, которые в своих странах не позволяют христианам возвести даже крохотную часовню и так часто режут монахинь или миссионеров. И не дай Бог гражданину раздражиться и пробурчать: «Езжайте и пользуйтесь своими правами в ваших собственных странах». Не дай Бог, проходя между товарами, задеть коробку или плакат, или статуэтку. «Расист, расист!» Не дай Бог полицейскому приблизиться к ним и церемонно обратиться: «Мистер Лоточник, Ваше Превосходительство, пожалуйста, не соизволите ли сдвинуть ваши вещи на дюйм и позволить людям пройти?» Они съедят полицейского заживо. Искусают, как бешеные псы. Самое невинное – оскорбят и проклянут в мать и в отца, в предков и в потомков. Так что флорентийцы держат рты на замке. Флорентийцы, запуганные, отказывающиеся от собственных прав, шантажируемые словом «расист», и вида не подадут, даже если вы выкрикнете им в лица те слова, которые мой отец во времена фашизма кричал трусам, смирившимся с жестокостью чернорубашечников: «Есть ли в вас хоть капля достоинства, бараны?! Есть ли хоть малость самолюбия, несчастные кролики?»

Это происходит, разумеется, не только во Флоренции, а и в любом другом итальянском городе. В Турине, например. В Турине, которому мы обязаны объединением Италии и который сегодня уже не выглядит как

итальянский город – он выглядит как города африканский. (Между прочим, туринские стены особенно густо испещрены мусульманскими надписями, которые гласят: «Убирайтесь. Это улица моя»).

Это происходит в Венеции. В Венеции, где тысячи голубей согнаны разносчиками и торговцами с площади Святого Марка и где тысячелетние памятники архитектуры оскверняются теми же струями мочи, что изгадили флорентийский Баптистерий. Это происходит в Генуе. В Генуе, где прекрасные дворцы, которыми восторгался Рубенс, сегодня захвачены безжалостными вандалами. Эти дворцы умирают, словно прекрасные женщины, изнасилованные стадом диких свиней. Это происходит в Риме. В Риме, где вандалы не испытывают ни тени уважения к археологическим достопримечательностям. Там, где лицемерные политики любой политической ориентации, лгуны всех оттенков, защищают их, чтобы заполучить в будущем их голоса. (Да-да, нынче наши политики заговорили о предоставлении дорогим гостям права голосования). Где Папа, которому мало извинения за крестовые походы, непрерывно благословляет их. (Еще раз, святой отец, ну придите в чувство! Или поселите этих ваших братьев внутри просторного Ватикана! Конечно, при условии, что они не будут испражняться и в Сикстинской капелле тоже. Не будут мочиться на статуи Микеланджело, не загадят фрески Рафаэля).

То же самое происходит в Швейцарии, во Франции, Бельгии, Германии, Испании, в Англии, Голландии, Швеции, Норвегии, Дании, Венгрии, Греции и т. д. и т. п. Во всей Европе. Но в Италии это безобразие переходит все границы приличия, терпимости. Потому что с точки зрения художественного наследия нашим городам есть что терять в гораздо большей степени, нежели любому другому европейскому городу. И потому что Италия расположена так ужасно близко от Албании, Боснии, Египта, Ливии, Туниса, Алжира, Марокко: от стран, из которых приезжает подавляющее большинство этих захватчиков... Нужно ли напоминать, что Италия практически остров, захлестываемый волнами эмиграции из мусульманских стран, длинный мост, протянувшийся через Средиземное море, 5281 миля неконтролируемых побережий? Нужно ли напоминать, что почти все эмигранты, покидающие Албанию и Боснию, и Египет, и Ливию, и Тунис, и Алжир, и Марокко, и остаток мусульманской Африки, плывут по морю и что даже когда они направляются в Северную Европу, то высаживаются все равно на наше побережье? Нужно ли напоминать, что единожды высадившись на наше побережье, они находят такой избыток гостеприимства, что, вместо того чтобы двигаться дальше, по меньшей мере 25 процентов из них останавливаются в Италии, селятся в Италии, подобно маврам, поселившимся в Португалии и Испании тысячу

лет назад?

А теперь уже нуждаюсь в объяснениях я сама. Потому что, черт возьми, пособники и покровители этих пришельцев называют их «иностранными рабочими», или – «физической-ра-бочей-силой-в-которой-мы-нуждаемся». Многие из пришельцев действительно работают, это правда. Итальянцы стали такими денди. Итальянцы ездят в отпуск на Сейшелы, проводят Рождество в Париже, у них англоговорящие няни, и им стыдно быть рабочими. Они все хотят быть докторами, профессорами, генералами, адмиралами, землевладельцами, поп-певцами, антрепренерами. Они не хотят больше принадлежать к пролетариату. Да, конечно, должен же кто-то в обществе брать на себя выполнение тяжелой физической работы... Незваные гости, которых я только что описала, что из них за рабочие? Как они будут выполнять ту ручную работу, которую до них выполнял прекративший работать итальянский пролетариат? Как? Блуждая вокруг городов со своим «товаром», со своими проститутками, своими наркотиками? Уродуя наши памятники, развалившись на папертях древних церквей? Напиваясь, невзирая на Коран, приставая с сальностями к пожилым женщинам, хватая их за грудь и шипя при этом «я-знаю-свои-права»? Вот ещё чего я не понимаю: если они бедны настолько, насколько утверждают их соучастники и защитники, кто дает им деньги на дорогу? Где они нахо-

дят пять или десять тысяч долларов каждый? Может, эти деньги выдаются неким Усамой бен Ладеном с целью создать плацдарм для обратного крестового похода и получше организовать исламский терроризм? Может, пять или десять тысяч долларов дарят каждому Богатые шейхи, намереваясь воплотить в жизнь идеи завоевания не только душ, но и территорий? Они размножаются в слишком большом количестве. Итальянцы же, как идиоты, не рожают. Вот уже несколько десятилетий в Италии самый низкий уровень деторождения на Западе. Тогда как наши «иностранные рабочие», напротив, размножаются и чудесно приумножаются. По крайней мере половина мусульманских женщин, которые ходят по нашим улицам, беременны и окружены выводком детей. Вчера в Риме три из них разродились на людях. Одна в автобусе, вторая в такси, третья на улице. Нет, что-то здесь не так. Те, кто не понимает серьезности положения, дураки, подобно тем дуракам, которые сравнивают эту эмигрантскую волну с волной переселенцев, захлестнувшей Америку во второй половине 1800-х и в первой четверти 1900-х годов. Это совсем другое дело, сейчас объясню почему.

* * *

Не так давно я слышала, как один из бесчисленных

бывших премьер-министров, которыми кишела Италия в эти последние десятилетия, сказал по телевидению: «Мой дядя тоже был эмигрантом. Я хорошо помню моего дядю, который уехал в Америку с картонным чемоданом». Это здесь ни при чем, уважаемый неинформированный или неискренний экс-премьер-министр. Не говоря уже о том, что вы не могли иметь дядю, уехавшего в Америку с картонным чемоданом, поскольку дяди с картонными чемоданами уезжали в Америку в первой четверти 1900-х, когда вы еще не родились, в любом случае это здесь ни при чем. Вследствие причин, которые вы игнорируете или притворяетесь, что игнорируете. Вот они.

Во-первых, Америка-континент в 3 618 770 квадратных миль. На ее поверхности все еще существуют обширные, совсем незаселенные или едва заселенные области. Вы до сих пор можете ехать по Америке много месяцев и не встретить никого. А во второй половине 1800-х годов многие регионы были почти пусты или совсем пусты: ни городов, ни поселков, ни дорог, ни домов. Разве что – какой-нибудь небольшой форт или загон для смены лошадей. Основное население фактически была сосредоточено в Восточных Штатах. На Среднем Западе были какие-то смелые авантюристы и племена местных индейцев, так называемых краснокожих. А на Дальнем Западе – и того меньше: «золотая лихорадка» только начиналась. Так вот, Италия не

континент. Это довольно маленькая страна, в 32 раза меньше, чем Америка. Эта страна перенаселена. Итальянцев – 58 миллионов (сравним: американцев – 282 миллиона). Следовательно, если три или четыре сотни тысяч сынов Аллаха вселяются в Италию каждый год, для нас это равнозначно как если бы три или четыре миллиона мексиканцев вселялись в Техас или в Аризону, или Калифорнию ежегодно.

Во-вторых, в течение целого века, то есть со времен войны за независимость до 1875 года, Америка была открыта. Ее границы и побережья не охранялись, чужестранцы могли приезжать как им заблагорассудится, а эмигранты были более чем желанны. Чтобы расти и процветать, новорожденной нации нужно было осваивать доступное ей пространство, ее потенциальное Богатство, и именно в связи с этим 20 мая 1862 года Авраам Линкольн подписал Гомстед-акт (закон о земельных наделах). Согласно этому документу в распределение поступало 270 миллионов акров федеральной земли. В Оклахоме, в Монтане, в Небраске, в Колорадо, в Канзасе, в обеих Дакотах... Этот акт давал землю не только американцам. Кто угодно, за исключением дискриминированных китайцев и индейцев, любой человек (мужчина или женщина) мог просить и получить 160 акров в подарок. Условия требовали, чтобы новый владелец был не моложе 21 года, селился не менее, чем на пять лет, и превратил необитаемое

место в ферму с домом и хозяйством. Он должен был завести семью и (если он был не американец) подать прошение на гражданство. Многие просители были выходцами из Европы. Они хлынули в Америку в погоне за «американской мечтой» в таком количестве, что целые племена местных жителей (чероки, крики, семинолы, чикасо, чейенны) были жестоко выкинуты со своей земли и загнаны в резервации.

Так вот, в Италии никогда не существовало закона о земельных наделах для поселенцев, приглашающего чужестранцев селиться на нашей территории. «Приезжайте, чужестранцы, приезжайте. Если вы приедете, мы дадим вам прелестный кусок земли в Кьянти или на Паданской равнине, или на Ривьере. Ради вас мы вышвырнем местных жителей, всяких там тосканцев, ломбардцев и лигурийцев, мы поместим их в резервации». Как и в другие страны Европы, в Италию чужеземцы являются по собственной инициативе, на распроклятых лодках, на распроклятых резиновых плотках албанской мафии, несмотря на все усилия береговой охраны, которая пытается завернуть их обратно. У нас границы не открытые, господин экс-премьер-министр и самозванный племянник дяди с картонным чемоданом. У нас нет земли на раздачу. Нет пустых областей на заселение. Нет чероки, криков, семинолов, чикасо и чейеннов, чтобы их загнать в резервации.

В-третьих, даже и Америке-стране-возможностей

постепенно все это надоело и по сравнению с временами, предшествующими президентству Линкольна, отношение к эмигрантам изменилось. В 1875 году американское правительство пришло к выводу, что необходимы ограничения, и конгресс издал закон об отказе во въезде бывшим заключенным и проституткам. В 1882 году вышел следующий закон – о запрещении въезда для душевнобольных и тех, кто предположительно мог бы стать бременем для общества. В 1903 году – третий закон, который отказывал эпилептикам, профессиональным нищим, инфекционным больным, анархистам. (Это определение применялось широко: и к сумасшедшим, которые убивали президентов, и к радикалам, которые способствовали беспорядкам и забастовкам). С того момента эмиграционная политика стала достаточно избирательной, а нелегальные эмигранты подлежали высылке из страны.

В Италию и вообще в Европу, наоборот, они проникают по собственному желанию и удовольствию. Террористы, воры, насильники. Бывшие заключенные, проститутки, нищие, наркочилеры, инфекционные больные. Даже выдавая разрешение на работу, от них не требуют биографических справок. Высадившись на наших берегах, они претендуют на проживание, питание, лечение за наш счет. За счет итальянских налогоплательщиков. Они даже получают ежемесячные карманные деньги. А что до нелегалов... если случайно их

высылают за совершение какого-то вопиющего преступления, они возвращаются совершать новые преступления. Их опять высылают, они опять возвращаются. Политики ничего не делают. Черт возьми! Я не забуду митинги, которыми в прошлом году нелегалы наводнили наши площади, безоглядно требуя вида на жительство, размахивая и своими национальными и красными флагами. Не забуду мерзкие, искаженные лица. Эти кулаки, занесенные над нами, местными жителями, чтобы швырнуть нас в резервации. Эти завывания, такие же, как в хомейнийском Иране и в бенладенских Индонезии, Малайзии, Пакистане, Ираке, Сенегале, Сомали, Нигерии и т.д. Я никогда не забуду, потому что вдобавок к личному оскорблению я была унижена враньем политиков, которые говорили: «Нам бы хотелось выгнать их, репатриировать их. Но мы не знаем, где они спрячутся». Кто спрячется?! Кто спрячется, идиоты?! Да вон их тысячи и тысячи на площади, они совсем не спрячутся. Чтобы их выгнать и репатриировать, достаточно было нескольких вооруженных полицейских и солдат. Погрузить в грузовики, привезти в аэропорт или порт и выслать обратно в их страны.

Что касается последней причины, господин экс-премьер-министр самозванный племянник дяди с картонным чемоданом, она настолько проста, что даже несмышленный ребенок мог бы ее понять. Америка – очень молодая страна. Ее рождение как нации име-

ло место в конце 1700-х – то есть сегодня (год 2002-й) ей только два века. Америка – это нация эмигрантов. Со времен «Мэйфлауэра», корабля первых поселенцев (1620), с момента тринадцати колоний, каждый в Америке – эмигрант. Сын, внук, правнук эмигрантов, повсюду потомки эмигрантов. Будучи нацией эмигрантов, Америка представляет собой самую невероятную, мощную смесь рас, религий, языков, когда-либо существовавшую на этой планете. Как у очень молодой страны, у нее очень короткая история. Поэтому ее культурная индивидуальность пока еще не слишком хорошо определена.

Италия, напротив, страна очень старая. За исключением Греции, древнейшая страна на Западе. Ее письменная история датируется тремя тысячелетиями, с основания Рима. Даже с цивилизации этрусков. В эти три тысячелетия, несмотря на то, что Рим был империей, несмотря на то, что имели место многочисленные нашествия, которые ничего не прибавляли, а только разрушали замечательные достижения, несмотря на то, что имели место чужеземные оккупации, которые разъединяли нас на века, Италия никогда не была нацией эмигрантов. Она не была смешением рас, религий и языков. Она никогда не сливалась с завоевателями. Все иностранцы, которые оккупировали и разъединяли нас (немцы и скандинавы, и испанцы, и французы, и австрийцы), никогда не изменяли нашу сущность.

Это мы их впитывали, как губка всасывает воду. Например, Габсбург-Лотарингские эрцгерцоги, которые с 1735 года управляли Тосканой и просуществовали во Флоренции до 1859 года, до объединения Италии. Они вскоре стали называть себя тосканцами, флорентийцами. Говорили, писали, вели себя как флорентийцы... Постепенно они забыли о том, что они австрийцы, и когда в Вене навещали родственников, жаловались: «Я скучаю по моей Тоскане, я скучаю по моей стране!» То же самое произошло с Бурбонами, управлявшими из Неаполя Королевством двух Сицилии. Они забыли, что они испанцы, они превратились в неаполитанцев.

Поэтому нашей стране свойственно выраженное культурное своеобразие. Есть чужеродные элементы, впитанные губкой (многочисленные диалекты, многочисленные привычки, разновидности пищи), но никаких элементов от мусульманского мира. Никакой связи. Две тысячи лет наша своеобычность основывалась на христианской религии, на католической церкви. Взять хотя бы меня. «Я атеист, я антиклерикал, у меня нет ничего общего с католической церковью», – всегда говорю я. И это правда. Но это и неправда. Потому что, как ни крути, во мне так много от католицизма... Да и как могло быть иначе? Я родилась в городе, где отовсюду виднеются купола, монастыри, Иисусы, мадонны, святые, кресты, колокола. Первой музыкой, которую я услышала, придя в этот мир, стала музыка коло-

колов. Колокола собора Санта Мария дель Фьоре, которые в период палаточного протеста голос муэдзина оскорбительно заглушал своими «Аллахакбарами». Я выросла в той музыке, в тех пейзажах, в тех соборах, перед которыми склонялись даже такие великие умы, как Данте Алигьери, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Галилео Галилей. Так я узнала, что такое скульптура и архитектура, и живопись, и поэзия, и литература, что такое красота, соединенная со знанием. Благодаря этому я начала задумываться, что такое Добро, что такое Зло и существует ли Бог. Создал ли он нас, или мы создали Его, или душа – это химическая формула, которую можно проанализировать в лабораториях, или что-то еще. Господи...

Видишь? Я написала «Господи» опять. Со всей моей мирской натурой, моим антиклерикализмом, моим атеизмом я настолько наполнена католической культурой, что католическая культура составляет часть моей письменной и устной речи. Ей-Богу, ради Бога, слава Богу, боже мой, господи, мой Бог, Мария, Христос, ради всего святого... Эти выражения приходят ко мне так спонтанно, что я даже не отдаю себе отчета в том, что произношу или пишу их.

Хотите начистоту? Хотя я никогда не прощу католицизму тот позор, что он наложил на меня, начиная с проклятой инквизиции, которая в 1600-х сожгла мою прародительницу Гильдебранду, бедную Гильдебран-

ду... признаюсь, что музыка колоколов все-таки ласкает мое сердце. Я так ее люблю. Я так люблю изумительных Иисусов, мадонн, Святых. Я даже коллекционирую старинные иконы. Я люблю аббатства и монастыри. В монастырях моя душа преисполняется мира, я даже завидую тем, кто там живет. Да еще, честно говоря, наши соборы красивее, чем мечети, синагоги, буддистские храмы и унылые протестантские церкви. Кладбище моей семьи – протестантское кладбище. Оно принимает умерших любой религии, но это протестантское кладбище. Одна из моих прабабушек была протестанткой из вальденсов, двоюродная бабушка была евангелисткой. Вальденскую прабабушку я никогда не видела. Она умерла молодой. А двоюродную бабушку я помню. Когда я была маленькой девочкой, она обычно брала меня на религиозные службы в свою церковь. Какая скука! Мне так надоедали люди, которые ничего не делали, кроме пения псалмов, священник, который был проповедником, а не священником, и ничего не делал, кроме чтения Библии. Мне было так скучно в церкви, которая не была похожа на церковь и в которой стояли церковные скамьи и огромный крест. Ни Христа, ни мадонны, ни одного ангела, ни одной свечки, ни серебра, ни ладана. Я даже скучала по резкому запаху ладана и с великим удовольствием переместилась бы в соседнюю церковь Санта Кроче, где украшения присутствовали в большом ко-

личестве. Символические украшения, знаки моей жизни. Моей культуры. В саду моего тосканского загородного дома у меня есть очень маленькая старая часовня. Она вечно заперта, увы. С тех пор как умерла мама, никто не заботится о ней. Когда приезжаю домой, я открываю ее. Чтобы стереть пыль с алтаря, чтобы поглядеть, гнездятся ли там мыши и грызут ли они церковный служебник. И несмотря на мою мирскую натуру, на мой атеизм, там я чувствую себя комфортно. Несмотря на мой антиклерикализм, там я чувствую себя в согласии с самой собой. (Готова поспорить, что большинство итальянцев ощущают то же самое. Мне признался в этом, о боже, Энрико Берлингуэр, генеральный секретарь компартии. Это при нем был найден исторический компромисс между марксистами и католиками...)

Ей-Богу (опять Бог, надо же!) мы, итальянцы, не находимся в равных условиях с американцами. Нам не свойственно всеобщее смешение, мозаика многообразия, скрепленная клеем гражданства. Именно потому, что наша культурная индивидуальность выкристаллизовалась в тысячелетиях, мы не можем принять миграции народов, у которых с нами нет ничего общего... Тех народов, которые не готовы стать такими, как мы, не желают раствориться в нас, как тосканские Габсбург-Лотарингские эрцгерцоги и неаполитанские Бурбоны. Мы не принимаем тех, которые, наоборот, стремятся поглотить нас. Хотят переменить наши принци-

пы, наши ценности, нашу сущность, наш образ жизни. Тех, которые отталкивают нас своим ретроградным невежеством, своим ретроградным фанатизмом, своей ретроградской религией. В нашей культуре нет места для муэдзинов, для минаретов, для показных постов, для унижающей чадры, для унижающей паранджи. Даже если бы место и было, я не согласна отдать его им. Это означало бы уничтожить нашу индивидуальность, отдать все наши достижения. Растоптать свободу, которую мы заработали, цивилизацию, которую мы построили, благосостояние, которое мы создали. Распродать мою страну, мою Родину. А моя страна, моя Родина не продается. Так мы вплотную подошли к теме, которую я хочу разъяснить раз и навсегда.

* * *

Я итальянка. Ошибаются те, кто считает, что я американка. Я никогда не просила американского гражданства. Когда американский посол в Риме Максвелл Рэбб задал мне вопрос, почему я не воспользовалась правом носить гражданство США в соответствии с правом, предоставляемым знаменитым людям, я ответила ему следующее. (До сих пор вижу его пронизывающие глаза, напряженно наблюдающие за мной, пока я говорю, его нахмуренный лоб, его губы, улыбающи-

еся то грустно, то весело). «Глубокоуважаемый господин посол, я тесно связана с Америкой. Связана глубоко, даже несмотря на то, что часто с ней ссорюсь. Несмотря на то, что часто осуждаю ее недостатки, ошибки, промахи, нередкие отходы от благородных принципов, на которых она была рождена и воспитана. Несмотря на инфантильное обожествление состоятельности, на опрометчивую трату Богатства, на моральное лицемерие, на наглую самонадеянность в финансовой и военной сферах. (Та же самонадеянность неизбежно появлялась и появляется у всех стран, достигших ее уровня власти и мощи). Несмотря на жгучую память о беде, которая, впрочем, полностью оплакана, хотя потомки жертв до сих пор охотно играют на этой беде. По моему мнению, эти игры сильно подзатянулись. Беда – разумеется, бывшее в Америке рабство. Я люблю Америку, несмотря на сильные недостатки в ее образованности, на пробелы, которые обедняют ее знания, потому что, как известно, в точных науках и технике американцы очень преуспели, а в гуманитарных областях, напротив, они довольно невежественны. Мне не по вкусу постоянное воспевание насилия и жестокости, воспевание, которое, особенно проявляется в фильмах, отравляет ее благополучный, но необразованный простой народ, а также оказывает пагубное влияние на остальной мир. Несмотря на ее грязную, чрезмерную демонстрацию секса, на недо-

едливое обожествление гомосексуализма, на несдержанный и безграничный гедонизм. Одним словом, на все те пороки, которые во многом способствовали падению Римской империи и однажды приведут к падению самой Америки, запомните это. Тем не менее я тесно связана с ней. Америка для меня – муж, любовник, которому я всегда останусь лояльной и верной, несмотря на все его недостатки. (И при условии, что он не уготовит мне нестерпимое предательство, гадкую измену). Я забочусь о своем муже, о своем любовнике. Я люблю его наглые выходки, его мужество, его оптимизм. Я обожаю его гениальность, его изобретательность, его веру в себя и в будущее. Я восхищаюсь уважением, которое он проявляет к обыкновенным людям, к несчастным, ущербным, угнетенным. Я завидую безграничному терпению, с которым он переносит оскорбления и клевету. Я превозношу его великолепное чувство собственного достоинства и даже скромность, с которой он относится к собственному несравненному успеху: ведь за каких-то два столетия он стал абсолютным победителем. Америка – это образец, которому и в Добре, и Зле мы хотим следовать и подражать. Спасательный круг, за который мы часто хватаемся с мольбой о помощи. Я никогда не забуду, что не победи этот „муж“ Гитлера, сегодня я говорила бы по-немецки. Не сдержи он Советский Союз, сегодня я говорила бы по-русски... Наконец, я восхищаюсь его нео-

споримой и бесспорной щедростью. Которую он проявляет, когда я приезжаю в Нью-Йорк, – я протягиваю ему мой итальянский паспорт с американским видом на жительство, и таможенник говорит: „Добро пожаловать домой“. Это кажется мне прекрасным жестом бескорыстия, щедрости. Это напоминает мне, что Америка всегда была *Refugium Peccatorum*, приютом грешников, сиротским приютом для людей без страны. Без Родины, без дома, без матери. Но у меня уже есть моя страна, дорогой посол Рэбб. У меня уже есть Родина, дом, мать. Моя Родина, мой дом, моя мать, Италия. Я люблю свою мать больше, чем своего мужа, и, взяв американское гражданство, буду чувствовать себя так, будто отказалась, отреклась от нее».

Еще я сказала ему, что итальянский язык – это мой язык. Что на итальянском я пишу, а на английский только перевожу себя, прилагая те же усилия, что и при переводе своих текстов на французский. Это значит, что он для меня – иностранный, хорошо знакомый, но все таки чужой. Наконец, я сказала ему, что когда я слышу итальянский гимн Мамели, государственный гимн моей страны, то чувствую себя безмерно растроганной. Каждый раз, когда звучат эти слова: «Братья-Италии – Италия-пробудилась – та-ра-та-та-ра-та-та-ра», – у меня в горле встает ком. Я не замечаю того, что это отнюдь не музыкальный шедевр, что он всегда плохо исполняется. Единственное, о чем думаю, – это гимн мо-

его Отечества, моей Матери. Каждый раз, когда я вижу итальянский флаг, со мной происходит то же самое. Знаешь, в деревенском доме в Тоскане я держу триколор девятнадцатого века, похожий на тряпку. Он весь разорван, изъеден мышами, выпачкан пятнами крови. Думаю, это кровь какой-то битвы. Хотя на нем красуется герб дома Савойя, символ нелюбезной мне монархии (даром что без Виктора-Иммануила II Савойского, первого короля Италии, мы не смогли бы объединить страну), я дорожу им, как сокровищем. С гербом, без герба, мы умирали за эту тряпку. За этот триколор. Верно? Мы умирали на виселицах, от пули, нас обезглавливали, убивали австрийцы, папы, герцоги Модены, Бурбоны. С ним в руках мы воевали за Рисорджименто. Ради него мы сражались в войнах за независимость. Понимает ли кто-нибудь, чем было Рисорджименто?! Это было возрождение чувства собственного достоинства, потерянного за столетия ига и унижений! Это было воскрешением гордости, столетиями тщетно подавляемой иностранцами, всячески поносившими нас! Понимает ли кто-нибудь, чем были наши войны за независимость?! Это нечто большее, нежели война за независимость для американцев, ей-Богу! Потому что у американцев был один враг, с которым они сражались, – Англия. Для нас же врагами были все те, кого Венский конгресс привел на наши территории, после того как нас разделили, точно жареного цыпленка!

Кто-нибудь понимает, чем было объединение Италии, сколько слез мы пролили за него?! Когда они празднуют свою победу над Англией и поднимают свой флаг, и поют «Боже, благослови Америку», они прикасаются к сердцу. Мы же ничего не празднуем, ни к чему не прикасаемся, а кое-кто, вполне возможно, прикасается совсем не к тому!

За этот триколор мы проливали кровь и слезы и в следующем столетии тоже, помнишь? Я помню. За него в 1848 году мой прапрадедушка по материнской линии Джобатта бесстрашно сражался с австрийцами в Куртатоне и Монтанаре, был чудовищно изуродован снарядом, а десять лет спустя избит палками тюремщиков в Ливорно. Так молодой человек превратился в хромоногую инвалида. С 1914 по 1917 год мои дяди по отцовской линии воевали в траншеях Первой мировой войны, в горах Карса. А во время Второй мировой войны мой отец был участником Сопротивления, был арестован, его тоже пытали. Вся семья присоединилась к его борьбе. В свои четырнадцать лет тоже присоединилась и я, вступив в корпус «Справедливость и Свобода», отделение итальянской армии добровольцев за свободу, под партизанской кличкой Эмилия. Год спустя, когда итальянская армия уволила меня в запас рядовым солдатом, я чувствовала себя такой гордой, такой окрыленной. Я сражалась за мой флаг, господи, за мою страну! В войне за мой флаг, за мою страну я бы-

ла итальянским солдатом! Когда мне сообщили, что за увольнение я получу 15 670 лир, я стала сомневаться, брать эти деньги или нет. Мне казалось диким получить 15 670 лир за исполнение долга. Но я взяла их. Ни у кого из нас в семье не было и пары нормальной обуви, так что на те деньги я купила туфли себе и моим младшим сестрам. (Родителям не купила. Они не захотели.)

Естественно, что моя Италия, Италия, из-за которой я так и не приняла американского гражданства, высказав послу Рэббу то, что высказала, не совпадает ни с одной из сегодняшних Италии. Прежде всего, моя Италия – не та, что состоит из итальянцев, которые (равно, как и другие европейцы) поддерживают бен ладенов и их палестинских обожателей. И не та, что состоит из итальянцев, которые за рукопожатие третьесортной голливудской звезды продадут родную дочь в бейрутский бордель, а видя, как тысячи нью-оркцев превращаются в пепел, презрительно хихикают: «Так им и надо. Так американцам и надо». И не та, что состоит из итальянцев, о которых я писала в связи с футбольными матчами и отсутствием патриотизма. Моя Италия – не страна оппортунистов, ренегатов, что с одинаковым энтузиазмом кричат: «Боже-спаси-Короля» и «Боже-спаси-Республику», «Хайль-Муссолини» и «Хайль-Сталин», «Хайль-Любому-Кто-возникает». Боже, до чего я ненавижу ренегатов! Конечно, они бывают не только в Италии. Может быть, рекорд

по части ренегатов, «флюгеров» (girouettes) принадлежит Франции. В средние века во Франции эта фигура уже имела определенное политическое значение. А уж после Французской революции, Директории, Консульства, Империи и Реставрации ни одна страна мира не могла похвалиться такою пышной коллекцией «флюгеров». Да вспомним о самом великолепном экспонате, которого Наполеон назвал «дерьмом в шелковых чулках», о Талейране. Подумаем о самом Наполеоне, который в молодости лизал сапоги Марату и Робеспьеру, «Марат и Робеспьер – вот мои божества». И, не смотря на подобный дебют, стал императором, стал раздавать престолы Европы своим друзьям и близким родственникам... Возьмем триумvirат Баррас-Таллен-Фуше. Комиссары террора. На их совести ответственность за массовые казни революции в Лионе, Тулоне, Бордо. Жалкие трусы! После того, как они предали и устранили Робеспьера, они затеяли шашни с уцелевшими аристократами, и первый из этой тройки дал власть Наполеону, второй последовал за ним в Египет, третий служил ему до последнего. Возьмем Жан-Батиста Бернадотта, который, взойдя на шведский престол, заключил союз с русским царем и применил наполеоновскую тактику боя в 1813 году, решив судьбу битвы народов под Лейпцигом. А Жоашен Мюрат? В 1814 году он входит в сговор с австрийцами против собственного шурина, благодетеля, подарившего ему

королевство Неаполя. Не будем забывать и о том, что в 1815 году французы, заметьте, не итальянцы, издали поразительный и очаровательный «Словарь флюгеров» (Dictionnaire des Girouettes). Эту книгу продолжают переиздавать и постоянно обновляют, без всякого труда, поскольку с течением столетий список ренегатов удлинняется и удлинняется, включая, скажем, Петена. Не думайте, что это утешает меня, доказывая, что наши грехи совпадают с грехами остальных европейцев. У каждого свои слезы, но, господи! Если есть страна на свете, которая мигом переняла все дурные французские уроки, это – страна Италия. Разве не в лучшем «флюгерском» духе в период 1799-1814 гг. власти тосканских городов перебежали от эрцгерцога Фердинанда Габсбург-Лотарингского к Наполеону, от Наполеона к эрцгерцогу, а потом обратно к Наполеону? Вспомним сатирическую поэму «Здравица флюгера» (1848) Джузеппе Джусти, издевавшегося над нашими местными «флюгерами» и введившего слово «флюгер» (girella) в итальянский лексикон...

Моя Италия – не Италия «флюгеров». И не Италия красных и черных фашистов, которые вынудили меня вспомнить трагическое замечание писателя Эннио Флайно сразу после восстановления демократии: «Итальянские фашисты делятся на две категории – фашистов и антифашистов». Пожалуйста! Вы хотите, чтобы я перечислила все те Италии, которые не

совпадают с моей Италией? Которые заставляют меня страдать и временами проклинать мою верность гимну Мам ел и, верность окровавленному флагу, который я храню дома в Тоскане? Хорошо. Попробую. Как и одни Англии, не равные другим Англиям, Франции, не равные Франциям, как неодинаковые Германии, как неодинаковые Испании и не равные самим себе прочие страны нашей сегодняшней Европы, эти различные Италии все до одной прочно связаны с обратным крестовым походом. Связаны слепотой, глухотой, ленью, глупостью, мазохизмом, мешающим Западу (включая определенную, не равную Америке, Америку) разглядеть ту бездну, в которую мы рискуем упасть. Сколько же таких Италии можно перечислить? Посмотрим. Италия экс-коммунистов, которая в течение 50 лет (я была чрезвычайно молодой, когда это все началось) оставляла у меня синяки в душе. Терзала нетерпимостью, претенциозностью, презрением ко всякому, кто не был коммунистом. (На каждого не коммуниста коммунисты цепляли ярлык реакционера или троглодита, или слуги американцев, «американцы» («Americans»), они писали как «Amerikans», помнишь?) Относились ко мне как к неверной, а после падения Берлинской стены, будто цыплята, потерявшие квочку – Советский Союз, прикинулись, будто отступились от прошлого. Стали играть роль либералов. Фактически сейчас они ведут себя так, будто именно

они разрушили Берлинскую стену, и любят, чтобы их называли «buonisti» («добряки»). Этот нелепый термин происходит от слова «добрый», а я противопоставляю ему более реалистичное определение – ханжа. Они любовно дают своим партиям и союзам цветочные, растительные имена: Дуб, Олива, Маргаритка. А вместо серпа и молота в качестве символа они изображают осла, т. е. животное, насколько я знаю, не ассоциирующееся с интеллектом. Теперь они ездят уже не в Москву и не в Пекин, они ездят в Нью-Йорк покупать себе сорочки в «Брукс-Бразерс» и простыни в «Блумингдейл». Вместо того чтобы оскорблять американцев, они проводят съезды под американским слоганом, похожим на рекламу моющего средства: «I care». И неважно, что трудящиеся, привыкшие размахивать красными флагами – реки, озера красных флагов, – по-английски не понимают. Неважно, если мой плотник, старый и честный коммунист, не понимает, что означает «I care». Неважно, что он читает это как «Икаре» и думает, что Икаре – это Икар, мифологический персонаж, мечтающий летать, но обжегший крылья о солнце. Вконец запутанный, потерянный, он спрашивает меня: «Госпожа Фаллачи, что за дела у них с этим Икаром?» Мне приходится объяснять ему, что Икар не имеет никакого отношения ни к ним, ни к их ханжескому съезду, что «I care» означает не «Икар», а «я заинтересован, обеспокоен, равнодушен». Тогда добрейший плот-

ник злится и кричит: «Что за кретин выдумал эту дикую дурость?!» Теперь они уже даже не называют меня реакционеркой, троглодиткой, служанкой американцев. Они не передразнивают и не высмеивают меня, как во времена Вьетнама, как в 1969 году после моего репортажа из Ханоя. В этом месте я должна открыть скобку – это мой долг перед самой собою.

Скобка. Расположившись ко мне после репортажей 1967 и 1968 годов из Южного Вьетнама, полностью выразавших то, что я думала об этой сомнительной войне, в 1969 году правительство Хо Ши Мина пригласило меня посетить Северный Вьетнам. Я поехала и почти немедленно убедилась, что мерзавцы из Ханоя совсем не лучше мерзавцев из Сайгона. Сталинизм и маоизм господствовали там намного сильнее, чем в Советском Союзе и в Народном Китае. В том же независимом духе, в котором я писала репортажи из Сайгона, я написала и о Северном Вьетнаме. Правду. (На это не осмеливался никто в указанные времена. Прочитай статьи, написанные журналистами, чей опыт был сходен с моим. Увидишь, кто из них осмеливался на это. Никто.) Я написала о простых людях. Например, о том факте, что им приказывали мочиться отдельно, испражняться отдельно. Эта система позволяла министерству сельского хозяйства собирать человеческие экскременты, не тронутые мочой, и затем превращать их в удобрения. За соблюдением системы

следили власти. За людьми следили во время мочеиспускания и испражнения. (Моя сопровождающая Ан Ти наблюдала за мной дважды. Один раз в ванной отеля и один раз в поле. Можешь себе представить мою реакцию на подобное посягательство). Еще я писала о той злобе, с которой они обрушивались на тех, кто не был членом коммунистической партии. Особенно на католиков и буддистов. Даже кто-то сражался бок о бок с вьетконговцами, не будучи при этом членом партии. Для более точного отображения действительности я написала о том, как старый вьетнамец, член Лиги борьбы за независимость Вьетнама, ветеран Дьен Бьен Пу, прошептал мне со слезами: «Мадам, мадам, вы не знаете, как с нами здесь обращаются!» После выхода моего репортажа римский коммунистический журнал отреагировал на него рядом нападок, выставляя меня такой идиоткой из высшего общества. Помнишь оскорбительный заголовок, растянувшийся на две полосы громадным кеглем: «Синьорина Сноб едет во Вьетнам»?

Но еще оскорбительнее повела себя одна молодая голливудская актриса (ее имя я не стану упоминать из-за презрения), чья поездка пришлась следом за моей, то есть как раз на те дни, когда мои репортажи бесили лидеров Ханоя сильнее, чем Ан Ти бесила меня во время моей поездки. Движимая скудным умишком, равно как и самонадеянностью, и тягой к публичности, по приезде домой молодая актриса несколько раз вы-

ступила с речами, где оклеветала меня, повторяя все то, что говорили обо мне лидеры Ханоя. А именно – я продалась американскому правительству, что я поехала в Северный Вьетнам шпионить на Пентагон, что я сотрудничаю с ЦРУ и оболгала Северный Вьетнам по указанию ЦРУ. Я не убила ее, к сожалению. Я ограничилась тем, что написала ей короткое и свирепое письмо, в котором заметила, что история и политика – слишком серьезные вещи для таких ничтожеств, как она, а кроме того, обещала ей сильного пинка в задницу при первом же случае. Но случай так и не представился. Я была постоянно занята слишком серьезными делами, в основном какой-нибудь войной, она же была постоянно занята каким-нибудь замужеством или фильмом, или видео, в которых учила, как сохранить фигуру. Так что я отвечаю ей обещанный пинок теперь. Я плюю ей в лицо, как поклонникам Бен Ладена. Поскольку вдобавок всепрощение не входит в список моих добродетелей, я использую эти страницы также и для того, чтобы выразить свое презрение одному из двух американских пленных, с которыми я познакомилась в Ханое. Тому пилоту бомбардировщика, которого освободили вследствие яростного протеста, который я вызвала своим интервью... Встреча проходила перед несколькими северовьетнамскими офицерами и началась с унижительного подбирания конфет, которые самые жестокие из них бросали ему на пол. На

каждую конфету – поясной, до земли, благодарственный поклон. Во время интервью (записанного мною) он все твердил о том, как хорошо с ним обращаются его тюремщики, они-де даже кормили его «прекрасным meat-loaf» (колбасным «хлебом»). Я тщетно пыталась воззвать к его чувству собственного достоинства, поведав ему, что американцы только что побывали на Луне, и, когда встреча подошла к концу, я страшно разругалась с офицером, бросавшим конфеты. Из-за этой ссоры меня вынудили покинуть Ханой до истечения срока визы. Тем не менее, когда его освободили, бедный парень не проявил ни капли благодарности, он объявил, что то, что я написала (и опубликовала в журнале «Look» как передовую статью, с анонсом на обложке), – полная ложь. Не было конфет, брошенных на пол, не было унижительного, до земли, поклона в благодарность ублюдку в форме, не было благодарности за «прекрасный meat-loaf». Не было моей попытки воскресить его чувство собственного достоинства рассказом об американском путешествии на Луну. Он показал себя таким героем, он даже намекнул на то, что я – коммунистка. Ну что ж... Его имя лейтенант Р.Ф. Фришмен. Скобка закрывается.

Я знаю – у зла нет паспорта. Не нужно убивать тысячи людей во имя Аллаха, чтобы доказать это. Теперь, когда я отомстила за три старые обиды, давайте вернемся к «добрякам», у которых есть раздражители да-

же среди пилотов бомбардировщиков и голливудских звезд. Я имею в виду итальянских «стрекоз». Нет, они больше не оскорбляют меня, как привыкли раньше. (Завтра, однако, опять начнут, будьте спокойны). Они не оскорбляют и позабыли все, что сделали. Но я не забыла. Исполненная горечи, бессилия, грусти, я ору: «Кто вернет мне пятьдесят лет, проведенных с синяками на душе, с поруганной честью?» Я задала этот вопрос одному бывшему активисту бывшей коммунистической молодежной организации. Организация – настоящее «агентство по трудоустройству»: оттуда вышло большинство левых мэров, чиновников и депутатов, что причиняют страдания нашей стране. Я напомнила ему, что фашизм не идеология, а поведение, и спросила: «Кто вернет мне те пятьдесят лет?» Так как к настоящему времени он тоже заделался либералом, я ожидала извинений: «Ты уж прости нас, пожалуйста». Он же, напротив, усмехнулся и ответил: «Можешь требовать через суд». Да, сколько волка ни корми, все равно в лес смотрит. Нет, их Италия не является и никогда не станет моей Италией.

* * *

Но и Италия их противников – тоже не моя Италия. Я не голосую за их противников. Собственно говоря, я ни

за кого не голосую. Признаюсь в этом с болью, с печалью, с глубоким чувством вины. Потому что не-голосование – это тоже голосование. Законное, легальное голосование. По формуле «пошли-вы-все-к-черту». Это самое трагическое из всех существующих голосований. Печальное голосование гражданина, который никому не верит, ни с кем не солидарен, который не знает, кто бы мог его представлять, и чувствует себя покинутым, обманутым, одиноким. Одиноким, как я. Как я мучаюсь, когда проходят выборы в Италии! В эти дни я только и делаю что сыплю проклятиями и курю, и между одним ругательством и другим, одной сигаретой и другой я жалуясь: «Господи! Мы шли в тюрьмы, мы умирали под пытками, под пулями, в концентрационных лагерях за то, чтобы вновь обрести право на голосование. А я не голосую...» Да, я жалуясь, ненавижу и проклиная оцепенение, которое мешает мне голосовать, я жалуясь, завидую тем, кто идет на компромисс, умеет приспособливаться, доверяет тем, кто кажется лучшим среди худших... (На всех референдумах я, наоборот, голосую. Потому что во время референдумов не выплывают какие-то люди, которые мне не кажутся годными, чтоб меня представлять. Демократический процесс проходит без посредников. «Хочешь монархию?» – «Ни капельки». «Хочешь республику?» – «Конечно». «Хочешь, чтобы у тебя под домом стреляли охотники?» – «Черт возьми, нет». «Хочешь, чтобы твоя

частная жизнь защищалась законом?» – «Черт возьми, да»). Теперь, когда этот вопрос прояснен, адресуем пару слов лидеру тех самых противников. Я имею в виду нынешнего премьер-министра Италии.

Дорогой Берлускони, я понимаю, что, когда я ругаю бывших коммунистов, вы раздуваетесь от радости, торжествуете, как счастливая невеста. Минуточку. У меня запасено кое-что и для вас. Я заставила вас ждать так долго, я держала вас в подвешенном состоянии, потому что вы не несете ответственности за мои пятьдесят лет горя. В этом смысле вы абсолютно невинны. Вдобавок я не знаю вас так же хорошо, как знаю ханжей. Вы настолько недавнее приобретение, господин Берлускони, вы такая новинка. Как раз когда я решила, что больше не желаю слышать о политике (святое для меня слово, как вы могли понять), появились вы. Вы выросли на этом Олимпе, как неопределенного сорта растение вырастает в огороде, а мы смотрим на него и интересуемся: «Что это? Редиска, крапива?» С тех пор я наблюдала за вами с любопытством и недоумением и, так и не решив, редиска вы или крапива, продолжала размышлять о том, что если вы редиска, то не такая уж большая, а если вы крапива, то не сильно жгучая... Кроме того, вы, казалось, испытывали те же сомнения – по крайней мере рот ваш (глаза – гораздо реже) улыбается или смеется слишком часто. Даже когда нет причины для улыбки или смеха, я имею

в виду, когда уместней было бы плакать, вы улыбаетесь или смеетесь, будто не слишком принимая себя всерьез, будто зная, что ваш неожиданный успех в политике – это экстравагантный и незаслуженный подарок судьбы, шутка истории, причудливое приключение в вашей жизни. Это первая причина, по которой вы мне не нравитесь. Но есть и другие, сэр.

Прежде всего, вам не хватает хорошего вкуса и ума. К примеру, вы хотите, чтобы вас называли Cavaliere. Рыцарь, кавалер. Почему? Это не настолько важный титул, поверьте мне. Италия производит больше кавалеров труда, нежели ренегатов. Подумать только, однажды в эту кучу президент Италии хотел запихнуть и меня. Чтобы предотвратить несчастье, я вынуждена была распространить слух, что, если он осмелится сделать это, я подам на него в суд за диффамацию. А вы носитесь с этим титулом, как обедневший аристократ с феодальным гербом. А учитывая, что Муссолини тоже тешился кавалерским титулом, с вашей стороны, думаю, налицо политическая ошибка пополам с дурацкой похвальбой. Глава же государства не может позволять себе смешивать политические ошибки с дурацкой похвальбой. Он выставляет на посмешище не себя – страну.

Во-вторых, я возмущена бестактностью и поверхностностью, с которыми вы выбрали имя вашей партии: Forza Italia! – Жми, Италия! – Так вопят стадион-

ные хулиганы во время международных футбольных матчей. Это для меня оскорбительно, как и мерзости коммунистов, о которых я только что говорила. Может, еще оскорбительнее, ведь на этот раз удар нанесен не по мне – по моей стране. Господин Берлускони, вам не давали права использовать имя моей страны для названия вашей политической партии. Моя страна – это страна всех итальянцев, в том числе ваших конкурентов и противников, и врагов. Тем паче вам не давали права отождествлять ее с омерзительными воплями, раздающимися на омерзительных футбольных матчах. За такое оскорбление мой прапрадед Джобатта вызвал бы вас на дуэль, взявшись за шпагу, которой бился под Куртатоне и при Монтанаре. Мои дяди взялись бы за штыки Второй мировой войны. Мой отец сломал бы вам нос, моя мать выцарапала бы глаза. Каждый раз, когда я вижу это название, у меня закипает в жилах кровь. Кто, черт возьми, вам его посоветовал? Ваш лакей, ваш повар, шофер?

Я возмущена вашей фривольностью. Я ненавижу анекдоты. Боже, как я ненавижу анекдоты. Главе государства не следует травить анекдоты, не следует, занимаясь политикой, сыпать шуточками. Черт возьми, вы знаете, что означает слово «политика»?! Знаете ли вы, откуда оно произошло? Оно произошло от греческого существительного *πολιτις*, что означает – наука государства, искусство управления, искусство упра-

вления судьбой нации. Такие вещи не сопровождаются шуточками. Нет, не сопровождаются, и поверьте мне, когда я слышу ваши остроты, то страдаю больше, чем когда слышу сладкозвучные тарантеллы вашего коллеги Ширака. Я падаю духом, я стону: «Господи! Понимает ли этот человек, что итальянцы проголосовали за него от отчаяния, что они приняли его только потому, что не могли больше терпеть его предшественников, только потому, что были сыты по горло надувательствами левых? Понимает ли он, что должен поставить свечку мадонне и вести себя, как положено серьезному человеку, быть достойным случайного счастья, которое ему привалило?!» Наконец, меня возмущает большинство выбранных вами союзников. Зеленорубашечные непристойные сепаратисты из Северной Лиги, не имеющие ни малейшего понятия о цветах итальянского триколора. А также милые внуки чернорубашечников. Они заявляют, что больше они не фашисты, эти странные ребята; кто знает, может, это и правда. Но если я не доверяю выходцам из коммунистической партии, утверждающим, что они больше не коммунисты, почему я должна верить выходцам из фашистской партии, говорящим, что они больше не фашисты?

Теперь, когда расставлены все точки над *i*, перейдем к сути дела. Интересно, заметили ли вы, кавалер Берлускони, что я не упрекаю вас за Богатство. Не ста-

новлюсь на одну доску с демагогами, которые считают, что главная ваша вина – Богатство. На мой взгляд, лишать Богатого человека права быть премьер-министром и управлять страной – недемократично. Нелогично, незаконно и недемократично. Кроме того, это очень неумно, поскольку, как говорил обычно мой друг и герой моей книги Алексос Панагулис, если лидер очень Богат, ему незачем воровать. (Кстати, пресловутые Кеннеди – миллионеры. Буши крайне далеки от бедности, а Клинтон всемерно наращивают капитал). Я даже не упрекаю вас за владение известным футбольным клубом и тремя телевизионными каналами. Ваша футбольная команда не мешает никому, кроме меня, которая терпеть не может оружие толпы. Что же касается телеканалов, которые распространяют или не распространяют ваши политические убеждения, что ж... На протяжении десятилетий ваши противники держали в кулаке и контролировали СМИ до такой степени, что можно было говорить об интеллектуальном терроризме. Так же как во Франции, Германии и Англии, их способ манипулировать общественным мнением посредством газет и телевидения был (и таковым является до сих пор) настолько неприличным, настолько недопустимым, что им следовало бы заткнуться.

Нет, ваша главная вина не имеет со всем этим ничего общего. Вот в чем ваша главная вина, слушайте. Я прочитала, что, хотя и грубо, и неадекватно, вы

опередили меня в защите западной культуры. Но, как только «стрекозы» заорали вам «расист-расист», вы моментально пошли на попятный. Вы заговорили о неудачном выражении, о случайной ошибке, вы сразу же принесли извинения сынам Аллаха, затем проглотили публичное оскорбление их отказа и смиренно приняли лицемерные выговоры ваших европейских коллег с брюзжанием Блэра в придачу. Короче говоря, вы испугались. А это неправильно, господин Берлускони, совсем неправильно. На вашем месте, я съела бы их всех живьем с горчицей, а мистер Блэр не посмел бы сказать мне то, что сказал вам. (Вы слышите меня, мистер Блэр? Я хвалила и хвалю вас за то, что вы смело пошли наперекор Усаме бен Ладену, как ни один из европейских лидеров. Но если вы играете в затасканные игры дипломатии и тактичности, если вы отделяете Бен ладенов от мира, к которому они принадлежат, если вы заявляете, что ваша цивилизация ровня той, что навязывает чадру и паранджу, то вы ничем не лучше итальянских «стрекоз». Если вы не защищаете нашу культуру, мою и вашу культуру, моего Леонардо да Винчи и вашего Шекспира, если не отстаиваете это, то вы тоже «стрекоза». И я спрашиваю: почему вы выбрали мою Тоскану, мою Флоренцию, мою Сиену, мою Пизу, мой музей Уффици, мое Тирренское море для своих летних каникул? Почему вы не предпочтете Эр-Рияд или Кабул, унылые пустыни Саудовской Аравии и зло-

вещие скалы кошмарного Афганистана? У меня возникли дурные предчувствия после того, как, премьер-министр моей страны, пришлось выслушать ваше брюзжание. Предчувствия того, что вы не слишком далеко зайдете в этой войне. Что вы ретируетесь, как только война перестанет служить интересам вашей карьеры).

А может быть, вы, кавалер Берлускони, отступились от справедливой защиты нашей культуры ради того носатого финансового магната в куфии и черных очках, его королевского высочества принца Аль Валида: главы саудовской королевской семьи и, как мне сообщили, вашего делового партнера, вашего «Дядюшки Скруджа»? В таком случае, напоминаю вам, что по крайней мере половина саудовской королевской семьи обвиняется в финансировании исламского терроризма. Напоминаю вам, что несколько членов этой семьи вовлечены в «Рабита Траст», так называемую благотворительную организацию, которую американское министерство финансов внесло в черный список стонников бен Ладена и о которой сам президент Буш говорил с явной тревогой. Напоминаю вам, что большинство из них понемножку участвует в фонде Мувафак, это другая «благотворительная организация», которая переводит денежные средства бен Ладену. Напоминаю вам, что в Саудовской Аравии правит не закон, а королевская семья со всеми своими сотнями дядюшек Скруджей. Напоминаю также, что двадцать лет

назад, когда палестинцы убивали нас, европейцев, в самолетах и аэропортах, дядюшка Скрудж финансировал организаторов этого терроризма – я имею в виду Арафата. Наконец, напоминаю вам, что волей королевской семьи саудовское министерство религии находится в руках самых экстремистских фундаменталистов, тех самых, что обучали Усаму бен Ладена. Знаете ли вы, что такое так называемое саудовское министерство религии? Это мощнейшая организация, распространяющая фундаменталистские теории по всему миру. По всему миру это министерство насаждает мечети и школы, где несчастные мусульманские студенты не учат ничего, кроме 6236 сур Корана наизусть (ни малейшего намека на историю, географию, арифметику, обществоведение: только суры наизусть). Отсюда же их набирают для участия в священной войне.

Тот же процесс развернулся и в Чечне с трагическими, всем известными последствиями, а сейчас особенно усиливается на Африканском континенте. Напоминаю вам обо всем этом, господин Берлускони. Подозрение в том, что вы отrekliсь от защиты западной культуры ради своего бизнес-партнера, приводит меня в сумасшедшую ярость, глубоко возмущает меня, заставляет повторять то, что говорят ваши противники: управление страной – не то же самое, что владение несколькими телевизионными каналами и футбольным клубом. Чтобы управлять страной, нужно обла-

дать квалификацией, которой ваши итальянские предшественники никогда или почти никогда не обладали, а ваши европейские коллеги обладают еще в меньшей степени, да, я согласна, но вы-то уж для этой работы вообще не годитесь. У главы государства должны быть качества, бывшие у настоящих глав государств и проявленные в трудные времена. У таких личностей, как Клеменс Лотар князь Меттерних, как Камилло Бенсо граф Кавур, Бенджамин Дизраэли, Уинстон Черчилль, Теодор Рузвельт, Шарль де Голль. Отсутствие алчности, ум, последовательность. Страсть, доверие, выдающееся благородство, великолепный стиль и смелость. Но прежде всего, храбрость и еще раз храбрость. Наверно, это слишком высокие требования?

Возможно. Особенно в том, что касается храбрости. Это высокое требование. Но я имею право на подобную требовательность, сэр. Потому что, в противоположность вам, я выросла в очень необычном Богатстве – это Богатство, данное от рождения и мальчику Бобби, и нью-йоркскому мэру Джулиани. Примером этого Богатства служит опыт моей матери. О, господин Берлускони, вы не представляете себе, что за человек была моя мать! Вы не представляете себе, какой урок она преподнесла своим дочерям. (У нее были только девочки. Ни одного сына). Когда весной 1944 года мой отец был арестован нацистами как лидер Сопротивления в Тоскане, невозможно было понять, где его дер-

жат. Власти не давали сведений, флорентийские газеты написали, что Фаллачи арестован как злостный преступник, продавшийся врагам (то есть англичанам и американцам). Но моя мама сказала: «Я найду его. Клянусь». Она пошла по тюрьмам, дошла до пыточного дома Вилла Тристе, дошла до самого начальника. Это оказался армейский майор по имени Марио Карита. Майор Карита признал, что именно у него содержится опасный преступник Эдоардо Фаллачи. И высокомерно добавил: «Синьора, можете надевать траур. Завтра утром, в шесть часов, ваш муж будет казнен в Партерре. Мы не теряем попусту времени на судебные разбирательства». О, я постоянно задаюсь вопросом, что бы я сделала на ее месте. Не знаю... Но знаю, что сделала моя мать. Это известный факт. Она замерла. А потом медленно подняла руку, направив указательный палец в Марио Кариту, и твердым голосом, обращаясь к нему на «ты», будто отдавая приказ прислуге, отчеканила: «Марио Карита, завтра утром, в шесть часов, я сделаю то, что ты мне сказал. Я надену траур. Но если у тебя есть мать, скажи ей, чтобы она тоже надела траур. Скоро придет и твой день».

Что произошло потом, я расскажу в другой раз. Достаточно вам узнать, что мой отец не был казнен, что Марио Карита кончил жизнь именно так, как предсказала мама, и что ваша Италия – не моя Италия.

Однако это и не та нерадивая и бесхребетная Италия, которую общество потребления подкупает своим изобилием, а американский гедонизм обольщает своим примером. Я имею в виду тех, кто живет в культуре наслаждения, комфорта, удовольствия и подменяет свободу распушенностью. Тех, кто игнорирует понятие дисциплины и самодисциплины и, следовательно, не объединяет их с понятием свободы, не отдавая себе отчета в том, что свобода – это в том числе и дисциплина, и самодисциплина... Это о них говорил на пороге смерти мой отец: «В Италии мы всегда рассуждаем о правах и никогда об обязанностях. В Италии мы не знаем или притворяемся, будто не знаем, что каждое право подразумевает долг и что те, кто не выполняет обязанностей, не заслуживают прав».

Я имею в виду и тех, кто всем этим порожден. Я имею в виду, например, молодых людей, которые имеют машины за 30 000 долларов и путешествуют по миру, и как-то говорят на трех или четырех языка, но ни в одном не знают грамматики. Когда они посылают вам открытку из Диснейленда, Шанхая или Бомбея, в открытке полным-полно позорных орфографических ошибок. Я имею в виду выпускников университета, ко-

которые никогда не слышали ни о Consecutio Temporum (о согласовании времен), ни об истории. Они употребляют жуткий синтаксис, путают Муссолини с Росселини, которого считают только мужем Ингрид Бергман. Путают Чайковского с Троцким, Наполеона со знаменитым коньяком. Слава Богу, если они посмотрят кино, где знаменитый коньяк был полководцем, затем императором, проиграл битву при Ватерлоо и умер на острове Святой Елены. Пожалуйста, не спрашивайте их, кем были отцы-основатели Италии. При именах Мадзини, Гарибальди, Кавура у этих молодых людей потухает взор, вывешивается язык. В Америке ничуть не лучше, тут происходит то же самое. (Вчера вечером я видела по телевизору, как ведущий знаменитого ток-шоу расспрашивал молодых людей на улице. Он хотел понять, что знают молодые американцы об истории собственной страны. Он спросил восемнадцатилетнего бездельника-ньюйоркца, когда родился Джефферсон и чем он знаменит. Балбес ответил: «Какой это Джефф? Бейсболист?» Девушку двадцати четырех лет, отрекомендовавшуюся школьной учительницей, спросили о гражданской войне, и безответственная дура ответила, что американцы воевали с Англией. Что конфедераты были ребята с Севера, и были еще юнионисты – ребята с Юга).

Вернемся к юным итальянцам. Зато они знают, как напичкаться наркотиками. Как прожигать суббот-

ние вечера на дискотеках, как носить джинсы, стоимость которых превышает месячную зарплату рабочего. Они подобны студентам-снобам восьми самых дорогих платных университетов Америки, входящих в Ivy League. Эти, допуская, могут знать что-то о Джефферсоне и Гражданской войне, но не имеют никакого понятия о том, кем был Бисмарк, или какие сражения были в Севастополе, или почему произошла Первая мировая война, или по какой причине потерпела крах Веймарская республика. Они знают зато, как доить родственников и увертываться от любой работы.

Еще они умеют прятать лица под вязаными шляпами, где есть только дырки для глаз, подобно антиглобалистским бунтовщикам Сиэтла, Стокгольма и Генуи, и играть в героических партизан, тогда как на дворе стоят времена свободы и демократии. Презренные моллюски. Ложные революционеры. Наследники шарлатанов шестьдесят восьмого года, которые грозились разрушить капиталистический мир, а сегодня управляют миланской биржей и удваивают свои капиталы на Уолл-стрит. Все это меня отвращает и возмущает, потому что гражданское неповиновение – серьезная вещь, а не повод для шуток и обогащения. Процветание – завоевание цивилизации, не предлог, чтобы жить за дарма. Я никогда не играла в эти игры. Мои родители тем более. Я начала работать в шестнадцать лет, черт побери. Мой отец в девять. Моя мать в десять.

Перед тем как умереть, в возрасте 64 лет, она сказала: «Я счастлива, покидая этот мир, я вижу: нынешние дети не работают, как взрослые, а учатся в школах и университетах». Бедная мама. Она верила, что обязательная школа и доступные университеты (два чуда, о которых она никогда и не мечтала) подтолкнут молодых людей учиться тому, чему она не научилась и так хотела бы научиться. Она считала себя победительницей. Хорошо, что она умерла прежде чем поняла, что она проиграла, что мы проиграли снова. Да, проиграли. Ибо вместо образованных молодых людей мы имеем ослов с университетской ученой степенью. Вместо будущих правителей государства – моллюсков в дорогих джинсах и псевдореволюционеров в закрывающих лицо шлемах. И знаешь что? Может быть, в этом дополнительная причина, по которой нашим мусульманским оккупантам так легко вести свою игру.

А та Италия, которая во власти «стрекоз»... С нее я начала это отчаянное письмо, и эта Италия после моего письма возненавидит меня ещё сильнее прежнего. О, лжелибералы, оскверняющие и позорящие само понятие либерализма! Лжехристиане, порочащие и сквернящие само понятие христианства. О, ничтожества в обличий идеологов, журналистов, писателей, актеров, комментаторов, психоаналитиков, священников, общественных гуру и великосветских шлюх. Они вешают то, что им заказывают. То, что поможет им вый-

ти «в люди» или удержаться в псевдоинтеллектуальной элите, или пользоваться соответствующими преимуществами и привилегиями. О, паразиты, сменившие Евангелие и марксистскую идеологию на модную «политкорректность»!

«Политкорректность» – это мода, а вернее сказать – мистификация, к которой во имя Братства (sic!) прибегает пацифизм. Тем самым перечеркивается даже война, которую мы не так давно вели против фашизма. Эта мода, а вернее сказать, эта мистификация – подлая попытка уравнивать белое и черное, когда во имя Гуманизма (sic!) почитают захватчиков и порочат защитников, прощают преступников и осуждают жертв, оплакивают талибов и проклинают американцев, прощают палестинцев за любое зло, а израильтян – за то, в чем они не виноваты. Эта мода, точнее, мистификация, велит во имя Равенства (sic!) попирать заслуги и успех, ценности и конкуренцию. Поправ все это, ставят на один и тот же уровень симфонию Моцарта и ужас под названием «рэп», дворец Ренессанса и палатку в пустыне. Мода, точнее, мистификация, во имя Справедливости (sic!) отменяет нормальные слова и называет дворников «экологическими операторами», домработниц – «ассистентами семьи», школьных нянечек – «непреподающим персоналом», слепых – «визуально-ослабленными», глухих – «аудио-ослабленными», хромых – «людьми с ослабленными ногами». Гомосексуализм

– «разнообразием». Гомосексуалов – «геями». (Так, в устной и письменной речи больше нельзя использовать слово «гей» для обозначения понятий «радостный» или «беспечный». Если вы на это осмелитесь, они обвинят вас в воровстве). Мода, точнее, преступление: эти сволочи называют народным обычаем инфибуляцию. Называют народным обычаем скотскую практику, при которой, дабы не позволить женщинам получать удовольствие от физической любви, мусульмане вырезают клиторы девочкам и сшивают большие губы вульвы. Все, что остается, это крошечное отверстие, через которое несчастные мочатся, и представьте себе их муки при лишении девственности... Мода или дикий фарс: в Италии Боготворят марокканского писаку, напыщенно объявляющего, что западная культура открыла греческую философию через арабов, что арабский язык – это язык науки и самый важный в мире и что Жан де Лафонтен написал свои «Басни» не по мотивам Эзопа, а по мотивам индийских сказок, переведенных на французский язык каким-то арабом по имени Ибн аль-Мукаффа. (Я говорю о существе, которое секретарь ООН Кофи Аннан в своей щедрости удостоил награды за особые заслуги в борьбе за мир. Это существо оклеветало меня, утверждая, что моя неприязнь к исламу обязана унижению, разочарованию, которые у меня были с арабскими мужчинами. В сентиментальном и в сексуальном смысле, конечно. Что ж...

Этому существу я отвечаю, что, слава Богу, у меня никогда не было ни сентиментальных, ни сексуальных, ни дружеских отношений с арабским мужчиной. По моему мнению, есть что-то в его братьях по вере, что вызывает отвращение у женщин с хорошим вкусом. Я также понимаю, что его вульгарность в полной мере соответствует презрению, которое мусульманские мужчины изрыгают на нас, женщин. Презрению, на которое я снова отвечаю взаимностью всем сердцем и умом.)

Мода, которая разрешает «стрекозам» эксплуатировать термин «расизм». Они не знают, что он означает, тем не менее пользуются им с такой безответственной наглостью, что кажется бессмысленным цитировать лапидарное суждение одного афро-американца: «Говорить о расизме в связи с религией, а не с расой – большой ущерб для языка и ума». Бессмысленно взывать к разуму, поскольку в лучшем случае «стрекозы» реагируют, как кретин из пословицы Мао Цзэдуна: «Если вы показываете на Луну пальцем, кретин смотрит и видит палец. Не Луну». А если случайно они видят Луну, это ничего не меняет. Потому что, не имея мужества, необходимого для того, чтобы плыть против течения, против интеллектуального терроризма ханжей, против их конформизма, они все равно притворятся, будто увидели палец. Теперь скажи мне, пожалуйста: и это те люди, с которыми, по-твоему, я должна иметь дело, в то время как я, к твоему недовольству,

закрываю перед ними дверь? Да я закую эту дверь цепями! Куплю мастифа с хорошими зубами, и пусть поблагодарят еще, если на калитке, что перед дверью, я повешу табличку: «Осторожно. Злая собака». Знаешь, почему? Потому что я слышала, что некоторые роскошные «стрекозы» собираются в Нью-Йорк. Собираются в вояж, посетить новые Геркуланум и Помпею и полюбоваться на башни, которых больше нет. Полетят на роскошных самолетах (класс де-люкс), снимут себе лучший отель и после роскошной выпивки немедленно отправятся наслаждаться видом руин. Своими сверхдорогими фотоаппаратами (по две или три тысячи долларов) они будут снимать остатки расплавленного металла, делать эффектные снимки, чтобы показывать их своим друзьям в Риме. Своей сверхдорогой обувью (как минимум тысяча долларов за пару) они будут топтать кофейную гущу, возможно, они даже уронят слезу вместо прежнего «Хорошо, так-американцам-и-надо». Догадайся, что они предпримут после. Пойдут купят противогазы, которые продают для тех, кто боится химической или биологической атаки. Разве это не шик, вернуться в Рим с купленным в Нью-Йорке противогазом? Это ведь даст возможность прихвастнуть: «Глядите! Я рисковал собственной шкурой в Нью-Йорке!» Это также позволит ввести новую моду, моду на «опасные каникулы». Сначала они придумали «умные каникулы», они, у которых нет ни капли ума, теперь

придумали «опасные каникулы». Они, напроць лишены мужества. Надо ли говорить о том, что роскошные «стрекозы» других европейских стран сделают в точности то же самое. Теперь скажу наконец, что я думаю о тех тоже.

* * *

Послушайте, англичане, французы, бельгийцы, голландцы, немцы, австрийцы, венгры, скандинавы, испанцы, португальцы, греки! Не будьте как итальянский премьер-министр, который торжествовал, как счастливая невеста, пока не прочитал, что я сказала о нем самом. Не прыгайте от радости при виде жгучих упреков, выдвинутых мною против Италии, которые не являются моей Италией. Ваши страны не лучше Италии. В девяти случаях из десяти это отвратительные копии моей, и почти все, что я высказала против итальянцев, имеет силу и для вас, сделанных из той же плесени. О да, дражайшие, в этом смысле мы действительно относимся к одной большой семье. Одни и те же недостатки, малодушие, лицемерие. Одни и те же слепота, глухота, скудоумие, мазохизм. Одинаковая распущенность, выдаваемая за свободу, за независимость. Одинаковые невежество и слабость руководителей на благо мусульманскому вторжению. Та же мода, точнее

– мистификация, «политическая корректность», также на благо мусульманскому вторжению. Чтоб убедить-ся в моей правоте, понаблюдайте за финансовым клубом, который вы гордо зовете Европейским союзом. Этот клуб занимается только тем, что пропагандирует абсурдные ценности, называя их единой валютой, конкурирует или притворяется, будто конкурирует с Америкой, и выплачивает баснословные и незаслуженные зарплаты (не облагаемые налогом) членам своего бездарного, бессмысленного парламента. А также раздражает меня своими популистскими глупостями. Например, предлагая отменить семьдесят собачьих пород. («Все-собаки-должны-быть-равны», – иронично прокомментировала антрополог Ида Мальи). Предлагая отменить градацию мест на европейских самолетах. («Все-задницы-должны-быть-равны», – добавляю я).

Клуб, где говорят только на английском или французском и не говорят ни на итальянском, ни на испанском, ни на фламандском, ни на финском, ни на норвежском языке, и где столетняя тройка Англия – Франция – Германия опять командует всеми. Клуб, который включил в себя более пятнадцати миллионов сынов Аллаха и Бог знает сколько террористов или кандидатов в террористы, или будущих террористов. Клуб, который, как проститутка, заводит шашни с арабскими странами и набивает свой карман вонючими нефтедолларами. Теми самыми нефтедолларами, на кото-

рые саудовские дяди Скруджи покупают наши старинные дворцы, наши банки, наши коммерческие и промышленные фирмы. Хуже того, клуб, который осмеливается говорить о «культурном сходстве с Ближним Востоком». (Что это значит, черт возьми, «культурное-сходство-с-Ближним-Востоком», вы, болтуны, вы, умственно отсталые?! Где, черт возьми, культурное сходство с Ближним Востоком, вы, кретины, вы, глупые клоуны?! В Мекке? В Вифлееме, Газе, Дамаске, Бейруте?! В Каире, Триполи, Найроби, Тегеране, Багдаде, Кабуле?!)

Когда я была очень молодой, когда мне было семнадцать лет или немногим больше, я страстно желала объединения Европы. Тогда я вернулась с войны, в которой итальянцы и французы, итальянцы и англичане, итальянцы и греки, итальянцы и финны, итальянцы и русские, итальянцы и немцы, немцы и французы, и англичане, и поляки, и голландцы, и датчане, и финны, и русские и т. д. безжалостно убивали друг друга, помнишь? Проклятая Вторая мировая война. Окунувшись по самую шею в совершенно новую борьбу, мой отец проповедовал европейский федерализм. Великий мираж Карло и Нелло Росселли. Он проводил собрания, выступал на митингах, скандировал: «Европа, Европа! Мы должны сделать Европу!» И, полная энтузиазма и радостной веры, я следовала за ним, как в те дни, когда он бесстрашно скандировал: «Свобо-

да! Свобода!» Вместе с миром, который был мне до тех пор неведом, я начала узнавать тех, кто всего лишь несколько лет тому назад был моими врагами, и, видя немцев без униформы, без пулеметов, без артиллерийских орудий, я думала: «Бог ты мой, они – как мы. Они одеваются, как мы, они едят, как мы, они смеются, как мы, они любят музыку и поэзию, и искусство, красоту, как мы, они молятся или не молятся, как я... Ведь это немыслимо, что они причинили столько вреда, что они терроризировали и преследовали, и убили столько из нас?» Затем я думала: «Но мы тоже причиняли им вред, мы убивали их!» И с содроганием я захотела выяснить, причастна ли я тоже, как участник движения Сопротивления в той или иной степени, к смерти некоторых немцев. Убила ли я тоже кого-нибудь из них. Мне это было необходимо знать. Мне нужно было знать. И, отвечая себе «может, и убила, скорее всего, я убила», я чувствовала стыд. Мне казалось, что я воевала в средние века, когда Флоренция и близлежащая Сиена вели войну друг с другом и серебристые воды реки Арно были сплошь красными от крови. Кровь флорентийцев и кровь сиенцев. Дрожь от неуверенности, я не позволяла себе гордиться тем, что была солдатом своей страны, своей Родины. Я решила, вздыхая: «Довольно, хватит этого! Мой отец прав! Нужна Европа! Нам следует объединиться, нам следует объединить Европу!» И вот теперь... Итальянцы тех Италии,

которые не моя Италия, говорят, что мы создали Европу. И немцы, французы, англичане, испанцы, голландцы и т. д., я имею в виду членов великой семьи, которые похожи на названных мной итальянцев, повторяют это вместе с ними. Однако неудачный, не оправдавший надежд, ^ничтожный финансовый клуб, со своей раздражающей общей валютой, со своими популистскими глупостями, со своими сынами Аллаха, которые стремятся стереть мою цивилизацию, тот Европейский союз, который болтает о культурных-сходствах-с-Ближним-Востоком, а сам игнорирует мой прекрасный язык и наносит ущерб моему национальному своеобразию, так вот: это не та Европа, о которой я мечтала, когда мой отец скандировал: «Европа-Европа!»

Это не Европа, а самоубийство Европы.

* * *

Что же тогда такое моя Европа, моя Италия? Что такое Европа, я действительно не знаю. Не могу знать. Настоящее объединение Европы в самом начале своем подорвано различием множества наших языков и вытекающими отсюда дискомфортом и подозрениями, соперничеством и затаенной враждой, чьи корни уходят в глубину старинного прошлого с его братоубийственными войнами, воспоминание о которых болез-

ненно. Все надежды на преодоление этих препятствий относятся к моим юношеским мечтам, утопиям. Тогда, узнав мир, которого никогда не знала, посмотрев на немцев без униформы, без пулеметов, без артиллерийских орудий, я испытала чувство, будто моя Вторая мировая война была подобна средневековой. И будто я содействовала тому, чтобы окрасить серебристые воды реки Арно в красный от крови цвет. Кровь флорентийцев и кровь сиенцев...

А вот насчет Италии, мой дорогой, дело другое. Все очень просто, дорогой мой друг, все просто. Моя Италия противоположна тем, о которых я говорила выше. Эта Италия идеальна, она не запугана сынами Аллаха и паразитами-"стрекозами". Италия любит свой флаг и кладет правую руку на сердце, приветствуя гимн. Это Италия, о которой я мечтала, когда была маленькой девочкой без приличных туфель. Эта Италия существует, хотя ее заставляют молчать, ее осмеивают, ей наносят оскорбления, но она все ещё жива, назло всем тем, кто хочет у меня ее украсть. Да будут прокляты те, кто посягает на нее. Кем бы ни были эти захватчики. Потому что, будь то французы Наполеона или австрийцы Франца-Иосифа, или немцы Гитлера, или мусульмане Усамы бен Ладена, для меня это совершенно одно и то же. Приходят ли они с войсками или с оружием, или с детьми на лодках...

Теперь остановимся. Я сказала то, что должна бы-

ла сказать. Моя ярость и моя гордость приказали мне так поступить. Моя чистая совесть и мой возраст позволили мне подчиниться этому приказу, этому долгу. Но теперь долг выполнен. Стало быть, стоп. Достаточно. Точка. Хватит.

Нью-Йорк, сентябрь 2001 – Флоренция, сентябрь 2002